

**ВЛАДИМИР
ВАСИЛЬЕВ**

**ДЖЕНТЛЬМЕНЫ
НЕПРУХИ**

З В Е З Д Н Ы Й

О А Р И Р И Н Т

З В Е З Д И Ы Й

Л А Б И Р И Н Т

Л А Б И Р И Н Т

З В Е З Д Н Ы Й

**ВЛАДИМИР
ВАСИЛЬЕВ**

**ДЖЕНТЛЬМЕНЫ
НЕПРУХИ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО **АСТ** • ТРАНЗИТКНИГА

МОСКВА 2005

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44
В19

Серия «Звездный лабиринт» основана в 1997 году

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

Художник М.В. Калинин

Компьютерный дизайн С.В. Шумилин

Подписано в печать 23.06.05. Формат 84х108 1/32.
Усл. печ. л. 16,8. Тираж 20 000 экз. Заказ № 3205.

Васильев, В.Н.

В19 Дректльмены непрухи : [сб.] / Владимир Васильев. — М.: АСТ: АСТ
МОСКВА: Транзиткнига, 2005. — 317, [3] с. — (Звездный лабиринт).

ISBN 5-17-031393-4 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 5-9713-0076-8 (ООО «АСТ МОСКВА»)

ISBN 5-9578-1923-9 (ООО «Транзиткнига»)

НОВЫЙ сборник ПРИЗНАННОГО МАСТЕРА отечественной фантастики!

ДЕСЯТЬ рассказов, каждый из которых представляет собой образец
ОДНОГО ИЗ ЖАНРОВ современной фантастики!

От космической оперы — до городской сказки!

От «жесткой» научной фантастики — до иронической!

От классической фэнтези «меча и магии» — до технофэнтези!

Разные жанры. Разные сюжеты. Разные стили.

Неизменно одно — ЯРКИЙ ТАЛАНТ Владимира Васильева!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

© В.Н. Васильев, 2005

© ООО «Издательство АСТ», 2005

СКРОМНЫЙ ГЕНИЙ ПОДЗЕМКИ

Фантастический рассказ-диптих

Часть первая, почти не фантастическая Станция «Марсейка»

Глебыч в этот вечер поддал крепенько. Не до полного свинства, как иногда, увы, случается и с самыми достойными людьми — только до блаженной улыбки, восхитительно нетвердой походки и того неповторимого состояния души, когда любишь весь этот скотский мир, невзирая на всю его неоспоримую скотскость. В метро Глебыча пустили в общем-то без эксцессов, хотя бабуля на входе глянула с укоризной, а молоденький милиционер с некоторым сомнением в голосе и позе осведомился:

— Куда ехать-то помнишь, гуляка?

— Обжаешь, слживый! — максимально бодро ответил Глебыч, глотая половину гласных. Хотел было рукой махнуть, бесшабашно эдак, но вовремя спохватился: не хватало еще потерять равновесие и растянуться на выложенном плиткой полу, между турникетами и милицейскими ботинками. — Измйльвский Прк, дже бз прсадок! Последний вгон, чтоб к выхду пближе!

— Ну-ну... — пробурчал милиционер без энтузиазма. — Ладно, ступай... Не усни только. Если доедешь до Щелчка — оттуда уже не отпустят.

Глебыч благоразумно смолчал и осторожно зашагал к эскалатору по довольно замысловатой синусоиде, но в общем и целом уверенно.

Садился он на «Арбатской», так что ехать действительно предстояло без пересадок, что в его положении являлось безусловным плюсом. К тому же было уже сильно за полночь и на переход легко можно было и не успеть.

Учитывая возвышенное состояние.

Поезд пришел очень удачно — буквально через минуту после того, как Глебыч плюхнулся на ближнюю к концу платформы скамейку. Благополучно погрузившись в последний вагон, Глебыч подумал: «Эх, чего бы в Москве без метро народ делал? До утра добирался бы, ей-ей...»

Поезд тронулся. Под мерное покачивание Глебыч не боялся уснуть: покачивание вагона убаюкивало, но почему-то никогда не усыпляло, не то что качка на воде. На какой-нибудь лодчонке или теплоходе Глебыч мог отключиться в пять минут, но в метро — никогда. Проверено годами.

Примерно посередке перегона «Площадь Революции» — «Курская» поезд почему-то пошел тише, а потом и вовсе остановился.

«Во! — Глебыч порадовался собственной мудрости, когда не поленился дойти до «Арбатской». — Точно на переход не успел бы!»

Тот факт, что в противном случае пришлось бы ехать по другой ветке, где поезд совсем не обязательно стоял бы какое-то время в тоннеле, от внимания цинично ускользнул.

Стояли долго, несколько минут. А потом во всех вагонах неожиданно погасли лампы, только жиденький свет аварийного осветителя где-то позади на стене тоннеля позволял видеть хоть что-нибудь. Особенно после того, как глаза привыкли к темноте.

Кроме Глебыча в вагоне ехали только двое парней с пивом и среднего возраста военный, читавший газету в противоположном от Глебыча углу.

Без света ему, понятно, стало не до чтения — было слышно, как он нервно шелестит своим «Спорт-экспрессом».

Глебыч, по-прежнему совершенно не расстроенный поддержкой, обернулся и поглядел наружу, в неверную тьму. На миг ему показалось, что тьма за стеклом стала чуток плотнее, нежели в вагоне.

А потом...

Тьма словно на самом деле сгустилась за окном, совсем рядом, и внезапно рывком перескочила из тоннеля в вагон, окутав Глебыча, поглотив его. Стало трудно дышать.

Очнулся Глебыч только на «Электрозаводской». Военного с газетой в вагоне уже не было; двое парней как ни в чем не бывало дули свое пиво; добавился мрачный тип, похожий на скорого кандидата в бомжи, но пока еще не докатившийся до соответствующего состояния одежды и внешности. В ушах эхом отдавался голос дикторши: «Осторожно, двери закрываются, следующая станция — «Семеновская».

Глебыч потряс головой. В голове было гулко и пусто. Неужели все-таки уснул? Быть не может!

Секундой позже Глебыч сообразил, что хмель из его организма непостижимым образом улетучился, и нынче он трезв до сквозняка из уха в ухо.

На «Измайловском парке» он совершенно твердой походкой покинул вагон и в состоянии легкой ошарашенности поднялся по лестнице. Вышел из вестибюля под открытое небо, поглядел на тусклые фонарики звезд, вдохнул ночного воздуха.

«Чудеса! — подумал Глебыч малость растерянно. — Протрезвел!»

Уже дома, минут через пятнадцать он обнаружил в кармане куртки прямоугольничек плотной бумаги, которого еще на «Арбатской» там не было.

Визитная карточка. Плотная, черная, глянцева. С золотистыми надписями: по центру — «Гений Подземки»; ниже — «Москва», еще ниже, мелким шрифтом — «Арбатско-Покровская линия».

И все. Ни адресов, ни телефонов.

— Чертовщина какая-то! — пробормотал Глебыч уже вслух и задумчиво опустил на обувную тумбу.

Визитка осталась на ней же до утра.

Уснул Глебыч почти сразу, едва разделся и повалился на широкий раскладной диван.

О визитке он вспомнил, только когда обувал утром любимые туфли-«вездеходы». Черный прямоугольничек мирно соседствовал на тумбе рядом с совочком для обуви, в свое время позаимствованным из гостиницы «Нарва» в Белозерске. Визитку Глебыч не тронул, так и ушел, оставив ее на прежнем месте.

И на следующий день не тронул. И днем позже. И неделей.

Только спустя почти месяц, когда на тумбе накопилось слишком много всякой бумажной мелочи наподобие использованных карточек для метро или типографского спама, щедро насыпаемого распространителями в почтовые ящики московских домов, Глебыч стрел этот ворох и пошел к рабочему столу, разбирать. Несколькими минутами спустя карточка нашла новое пристанище — в стопочке визиток за стеклом книжного шкафа.

Вскоре Глебыч и думать забыл о странном происшествии в метро и какой-то там визитке. Жизнь катилась по накатанной колее: статьи, редакция, гонорары, редкие походы с приятелями в баню или на стадион, телевизор, пиво под «ЦСКА — Локомотив» или, к примеру, «Реал — Манчестер Юнайтед». Жизнь вообще редко преподносила Глебычу сюрпризы, да и редкие знакомые от него никаких сюрпризов не ждали. Он был существом очень обыденным и негероическим, к чему привык с детских лет, и никогда не пытался перебороть свою одинокую планиду.

В угрюмую ноябрьскую пору, когда мир сер и слякотен и на улице находиться совершенно не хочется, Глебычу приш-

лось посреди дня заскочить в редакцию — нужно было срочно вычитать важный материал, причем в распечатке, а не в файле. Много времени это не заняло, но день был безнадежно растрочен: в Москве планировать больше одного выездного дела бессмысленно, все равно не успеешь. Глебыч собирался с утра пошарить в интернете: вырисовывалась интересная статья и стоило восполнить пробелы в знаниях. А после обеда рассчитывал наварить борща, позвать соседа Витьку и усидеть предпраздничную бутылку «Гжелки», какковую Глебыч у Витьки же и выиграл недавно на спор. Но позвонил ответсек, и замечательный план рассыпался, как старый шалаш в бурю. Пришлось одеваться, выходить из дому в промозглый ноябрь, брести к метро...

Правда, из редакции Глебыч возвращался с уже улучшающимся настроением: похоже, борща наварить он все-таки успевал, причем успевал даже завершить сие священнодействие в достаточно разумное время, чтобы их с Витькой посиделки Витькина жена не обозвала «ночным кукованием».

Да и вообще домой возвращаться всегда приятнее, чем уезжать.

Короче, стоял Глебыч у края платформы на «Пушкинской» и предвкушал. Из темного зева тоннеля потянуло ветром — приближался поезд, уже и свет фар замерцал.

И тут на рельсы свалился ребенок — пацан лет трех-четырёх в неуклюжем комбинезоне-дутьше, купленном явно на вырост. Момент падения Глебыч пропустил, вдруг глянул и обомлел: пацан на рельсах и визг тормозов накатывается.

Дальнейшее произошло само по себе: ни подумать, ни испугаться Глебыч не успел. Он как-то очень просто и естественно оказался рядом с малышом, сцапал его экономным и выверенным движением (и откуда что взялось?) за воротник, выпихнул наверх, в толпу, сам подпрыгнул, налег грудью на платформу, ухватился за чью-то протянутую ладонь и через несколько мгновений почувствовал осязаемый удар по ноге — это был привет от не успевшего затормозить поезда. Но Глебыч, равно как и пацан, были уже в безопасности. От

тычка Глебыч просто опрокинулся с четверенек на бок, но никаких повреждений не получил, даже больно не было.

Что тут началось! Мамаша, белая, как привидение, что-то шептала, одной рукой прижимая к себе пацаненка, другой с удорожно вцепившись Глебычу в рукав. Пацаненок ревел белугой. В толпе кто-то возился и истошно вопил: «Это он, он ребенка толкнул!» Кто-то хлопал Глебыча по плечам, попеременно по правому и левому. Потом машинист прибежал — глаза квадратные. В центральном зале раздавалась звонкая трель свистка и чей-то авторитетный голос требовал: «Пройти дайте! Посторонись!»

Поминали милицию, которая, по идее, вот-вот должна была появиться.

Мамаша наконец отпустила рукав Глебыча и прижала сына к себе. Тот все орал, но уже заметно тише. Глебыча шатнуло, кто-то тут же громко произнес: «Дайте ему сесть!»

Глебыч быстро оказался у лавочки, но тут толпа колыхнулась — в проход протискивался милиционер. И как-то незаметно Глебыча вынесло на самую середину зала; почему-то никто на это внимания не обратил, хотя еще секунду назад локальным центром вселенной являлись мамаша, спасенный и спаситель.

А окончательно в себя Глебыч пришел в переходе: с «Пушкинской» он зачем-то отправился на «Чеховскую». Лица вокруг были сплошь незнакомые.

Похоже, от разборок и нового потока благодарностей удалось благополучно ускользнуть, чему Глебыч был в принципе рад, поскольку от недавнего шепота мамаша чувствовал необъяснимую неловкость.

Поэтому он уже целенаправленно перешел с «Чеховской» на «Тверскую» и стал ждать поезда до «Театральной».

А потом с немалым удивлением спросил себя: а чего это он, спрашивается, торчал сегодня на «Пушкинской»?

Всю жизнь, сколько себя помнил, Глебыч ездил домой естественным и рациональным способом: «Тверская» (ранее — «Горьковская») — «Театральная», вперед по ходу поезда, пересадка на «Площадь Революции» (длинные эска-

латоры, на которых всегда хорошо читалось) и прямехонько домой, до «Измайловского парка».

Сегодня Глебыч почему-то решил проехать от «Пушкинской» до «Таганки», там пересесть на кольцо, проехать одну остановку до «Курской» и на родимую Арбатско-Покровскую перейти только там, поскольку прямой пересадки с фиолетовой ветки на темно-синюю в природе не существовало.

Но почему он так решил — Глебыч не понимал напрочь. Неудобный же маршрут, две пересадки! Зачем? И ведь если бы не это нелепое решение — так и не увидел бы Глебыч малыша на рельсах. И кто знает, что бы с тем стало в этом случае? Нашелся бы кто-нибудь, кто не побоялся бы прыгнуть с платформы на помощь?

Впрочем, при чем тут «не побоялся»? Можно подумать, Глебыч раздумывал — боится он или не боится. Прыгнул, ничего не соображая, и все.

Хорошо еще, что мальчонку успел отбросить и сам вылезти на платформу. Мог бы и не успеть...

Но об этом думать совсем уж не хотелось.

Домой он добрался пришибленный, Витьке звонить не стал, откупорил «Гжелку», как был в куртке и сапогах, и залпом засадил почти полный стакан.

Нельзя сказать, что Глебычу полегчало: ему не было плохо и до стакана. Но стало определенно лучше.

А когда Глебыч с легким стуком утвердил пустой стакан на столе и утробно крякнул, обнаружил, что рядом с бутылкой «Гжелки» на скатерти лежит визитка Гения Подземки. Как она переместилась с полочки шкафа на кухню, Глебыч снова-таки не выяснил, ни в первые минуты, ни потом.

Он просто взял ее со стола и сунул во внутренний карман куртки, рядом с паспортом.

«На счастье», — подумал он.

Борща в этот день (а точнее, вечер) Глебыч все-таки не наварил, но совсем не расстроился из-за этого. Тем более что на завтра узнал: Витек и жена его ненаглядная все равно с трех часов дня и до часу ночи побыли в гостях.

* * *

К утру Глебыч окончательно успокоился, мандраж сошел на нет, осталось только неожиданно светлое чувство удовлетворения своим поступком, пусть даже ненамеренным и спонтанным. И утренний звонок из редакции его совершенно не расстроил. Снова предстояло ехать в центр, но за окнами, не в пример вчерашнему, светило солнце и настроение попросту не желало ухудшаться. А тут еще звякнул Сева Баклужин, сказал, что готов прямо сейчас заехать и завести долг. Глебыч, разумеется, не возражал.

Удачи накладывались одна на другую: Сева, оказывается, ехал на «Белорусскую» и мог подбросить Глебыча на своей лихой «субару» чуть ли не до дверей редакции. По дороге они умудрились не вляпаться ни в единую пробку, проклятие автомобильной Москвы. Работа в итоге оказалась плевая, Глебыч справился с нею буквально за час. Перед самым его уходом сотрудникам стали выдавать давно обещанную премию, так что (если учитывать и возвращенный Севою должок) из редакции Глебыч выходил с весьма туго набитым бумажником. По пути к метро он прикидывал (раз уж завелись деньги), чего в ближайшее время прикупит: музыкальный центр или новый монитор. В принципе хотелось и того, и того.

Немного не дойдя до Пушкинской площади, Глебыч неожиданно завернул в «Елки-Палки», отведал «Тамерлана» под пиво и совсем уж в благодушном настроении наконец-то спустился в метро. На этот раз он следовал вполне логичным и естественным маршрутом, через «Театральную» и «Площадь Революции».

Перейдя на родимую ветку, Глебыч успел вклиниться в толпу, которая мерно втягивалась в открытые двери одного из центральных вагонов.

Пассажиров было действительно много, даже до поручней дотянуться толком не удалось. Да и в вагон уместились не все, кое-кто остался на платформе.

«Надо будет на «Курской» пересесть ближе к хвосту, — подумал Глебыч с ленцой. — Если удастся...»

Створки дверей с характерным звуком схлопнулись.

«Осторожно, двери закрываются, — запоздало объявила дикторша, — следующая станция — «Маросейка», пересадка на станции «Китай-город» Калужско-Рижской и Таганско-Краснопресненской линий».

Долгие несколько секунд Глебыч соображал — что же это значит? Потом боязливо покосился на соседей.

Тех, казалось, ничуть не смутило объявление дикторши, словно станция «Маросейка» действительно существовала. Но Глебыч прекрасно помнил, что никаких станций между «Площадью Революции» и «Курской» нет и никогда не было.

Совершенно сбитый с толку Глебыч вывалился из вагона на станции «Маросейка». Станция как станция — гранит, мрамор, панели с филигранной резьбой, колонны, помпезные сталинские светильники, в центре зала — небольшая скульптура на постаменте, изображающая Богдана Хмельницкого верхом и с булавой в руке. В восточном торце — длинный эскалатор, выход в город, на Маросейку и переулки Армянский и Старопосадский; в западном — эскалатор на спуск; однако если верить указателю, он тоже выводил в город, на улицу Маросейка и Лубянский проезд; одновременно он вел на пересадку. Видимо, выход на поверхность был устроен через станции «Китай-город». Глебыч отправился на разведку — спустился и оказался в хорошо знакомом вестибюле, причем появился Глебыч из того места, где раньше имелась глухая стена и бюст Ногина перед нею. Бюст теперь стоял у другой стены, справа, посредине между залами «Китай-города». Если пройти прямо, можно было выйти из метро, на Старую и Новую площади, или на ту же Маросейку, или на Лубянский проезд. Но Глебыч выходить не стал, свернул на ближний к нему «Китай-город»; потом перешел на второй.

В обоих залах «Китай-города» все оставалось как обычно, за исключением разве что дополнительных надписей на указателях. Везде, на любой табличке станция «Маросейка» значилась между «Площадью Революции» и «Курской», словно существовала на Арбатско-Покровской линии изначально.

И никто, ни единый человек не удивлялся существованию этой станции, кроме разве что Глебыча.

Видимо, он действительно привлекал внимание, бесцельно бродя по станции, потому что вскоре в зале появился милиционер, нечувствительно возник на пути и потребовал документы. Глебыч предъявил, и паспорт с регистрацией, и журналистское удостоверение.

— А, — понимающе протянул милиционер, возвращая документы. — Материал для статьи собираете? Что ж, удачи, удачи...

Он козырнул.

— Скажите, — по возможности непринужденно справился Глебыч, — а давно вы на этой станции работаете?

— Да лет пять уже. — Милиционер поправил фуражку и с интересом поглядел на Глебыча. — А что? Что-нибудь криминальное описать хотите?

— Нет-нет, я больше по истории и архитектуре, — торопливо увильнул Глебыч. — Да и пора мне уже! До свидания.

К платформе как раз подошел поезд, направляющийся к «Курской».

Глебыч шмыгнул в вагон, тоже набитый достаточно плотно, и принялся настойчиво протискиваться к схеме у соседних дверей.

Наверное, у него был вид человека, которому действительно крайне необходимо взглянуть на схему метро, потому что люди уступали дорогу на удивление безропотно, без косых взглядов и дежурного мата вполголоса.

Схема как схема — сколько раз Глебыч такие видел. И в метро, и на улицах, и на календариках, и на рекламных буклетах. Все привычно.

Линии, станции. Вот только узел на «Китай-городе» действительно трехстанционный. Кроссплатформенная пересадка с рыжей на фиолетовую ветки и обратно, и станция «Маросейка» рядом.

Больше никаких отличий от того, что хранилось в памяти, Глебыч не нашел. И до «Измайловского парка» доехал

совершенно как обычно, хотя озирался при этом, наверное, как марсианин. Уже на улице около метро у него снова проверили документы, а ушлые тетки с бэджами дважды предложили номер в гостинице.

Глебыч иногда почитывал фантастику и с термином «альтернативная история» был неплохо знаком. В принципе он видел случившемуся лишь два объяснения: либо произошло банальное сумасшествие, когда видишь то, чего нет, либо его неким невообразимым образом засосало в параллельную реальность, где станция «Маросейка» действительно существует. Но тогда в окружающем должны быть и иные детали, отличные от привычной Глебычу реальности. Потому он и озирался, собственно.

И одновременно, холодея, осознавал: насколько же мало внимания мы обращаем на окружающий мир! Вот, к примеру, рекламный плакат у дороги. Что было на нем изображено вчера? Глебыч дважды проходил мимо, но не помнил даже, какого цвета этот плакат. Сейчас на плакате красовался космонавт в скафандре на фоне половинки земного шара, а также две гигантские пачки сигарет «Союз-Аполлон», синяя и белая.

Надпись гласила: «Знай наших!» В самом низу еще имелась строка, предупреждающая о вреде курения.

Как назывался цветочный павильон рядом с троллейбусной остановкой?

Сейчас — просто «Цветы». А вчера? Вроде бы «Букет». Или тоже просто «Цветы»?

Был ли чуть в стороне от дороги квадратный раскоп, огороженный кокетливой полосатой ленточкой? А надпись на заборе — вот это небрежное «Россия для русских!!!» — была?

Впрочем, надпись — дело дурное, а потому нехитрое. Ее в любом мире сначала вроде нету-нету, а потом в одночасье: бац — и есть.

В общем, к дому Глебыч подходил вконец издерганный, поскольку ни единого внятного отличия обнаружить не сумел. Однако на всякий случай приготовился к самому ужас-

ному: к тому, что в его квартире живет некто посторонний, причем живет давным-давно и вполне счастливо. И слыхом никогда не слыхал о каком-то там Глебыче из реальности, где нет станции метро «Маросейка».

Однако страхи оказались напрасными. Уж свою-то дверь Глебыч мог описать чуть ли не по квадратному сантиметру, от еле заметных силуэтов некогда наклеенных, а позже бесстыдно спертых какими-то крохоборами циферок — номера квартиры — до надорванного (после заноса негабаритного дивана) дерматина на уровне колен. И звонок свой, родной, на одном шурупе, но тем не менее незыблемый, как Монблан или Майкрософт. И ключи подошли к замкам. И внутри все было до боли знакомое и родное — мебель, пыль, запахи.

Кое-как переодевшись в домашнее, Глебыч еще долго шастал по квартире в надежде отловить какую-нибудь подозрительную мелочь.

Тщетно.

Потом возникла мысль о телевизоре, и несколько долгих часов Глебыч терзал пульт, выискивая на многочисленных каналах новости или иные информационные передачи, способные подтвердить его опасения. И снова ноль — убери из сегодняшнего дня станцию «Маросейка», мысли об альтернативном мире никогда не пришли бы Глебычу в голову.

Когда к телевизору он охладел, возникла следующая мысль: интернет! И не что-нибудь, а www.metro.ru! Вот что может пролить свет на сегодняшние чудеса!

Компьютер, как назло, грузился лениво и долго. И на «Юникорн» было не дозвониться — лишь через четверть часа линия капитулировала и отдалась модему. И сайт грузился так, словно на него именно сейчас ломанулся весь компьютеризированный мир и укупорил канал плотнее плотного.

Но все же в конце концов Глебыч выяснил, что станция «Маросейка», оказывается, проектировалась и была запущена вместе с соседними «Площадью Революции» и «Курской» в далеком 1938 году, причем задел на будущее сопряжение с тогда еще безымянными станциями сразу двух линий на площади

Ногина (или как там она называлась в тридцать восьмом?) был оставлен загодя и частично расконсервирован лишь в 1970-м, а окончательно — в 1975-м, с пуском соответствующего участка Таганско-Краснопресненской линии. Станция «Маросейка» значилась как одна из немногих старых станций, не имеющая наземного вестибюля.

Точнее, вестибюль пришлось встроить в одно из исторических зданий на углу Маросейки и Большого Спасоглинищевского переулка.

В растрепанных и смешанных чувствах Глебыч отошел ко сну.

Проснувшись, Глебыч долго прикидывал — приснились ему вчерашние непонятки, или же он помалу сходит с ума. В глубине души он прекрасно сознавал: нет, не приснились. И все же не удержался, как был в футболке и семейных, в цветочек, трусах (невзирая на то, что семьи у него никогда не было и не предвиделось), шастьнул к компьютеру и поставил диалер на дозвон в интернет, а сам покуда удалился в сторону совмещенных удобств: зубы чистить и все такое прочее.

Когда Глебыч вернулся, компьютер уже установил связь. Медленную, как всегда днем, всего на двенадцать двести. Но этого вполне хватало, чтобы по сохранившейся вчерашней ссылке загрузить нужную страницу с metro.ru.

Надежды его были напрасны. Станция «Маросейка» упрямо вросла в привычный мир, пустила корни, глубокие, как у саксаула, и исчезать ни разу не собиралась.

И тогда Глебыч немного даже рассердился:

«И чего это я? Если схожу с ума — беспокоиться поздно. Плюнуть и принять! Тем более удобная же станция, к Баклужину на «Алексеевскую» теперь будет куда сподручнее ездить, да и вообще... Скольким людям она жизнь облегчит? Тысячам? Даже нет — миллионам! Метро, говорят, за сутки девять миллионов пассажиров по Москве растаскивает туда-сюда.

Вот пусть и радуются! А я буду просто жить! И тоже радоваться, вместе со всеми! А в будущем году «Парк Победы» откроют — тут радость вообще через края полетится!»

Единственное, что чуточку портило тщательно выстроенную благолепную картину, — непонятная черная визитка и особенно обстоятельства ее появления у Глебыча, а также некоторые ее подозрительные свойства, связанные с умением самостоятельно возникать то там, то сям...

В общем, бодрясь по возможности, Глебыч сварганил себе легкий завтрак, сжевал его, пересчитал содержимое бумажника и заначки, покумекал малость, отделил некоторую сумму и отправился на «Семеновскую», покупать музыкальный центр.

Спешить Глебыч не стал, неторопливо обошел три магазина — «Техносилу», «Эльдорадо» и «М-видео», поизучал модели, прикинул цены и, наконец, остановился на компактном «Самсунге», исключительно потому, что тот понимал mp3-диски, составлявшие немалую часть его фонотеки, и стоил меньше трехсот баксов. Остальные модели с mp3 тянули больше четырехсот.

Продавец Глебычу не то чтобы не понравился... Вроде и не тормозил особо, и на вопросы ответил довольно внятно, но как-то без огонька, без радушия, будто бы нехотя, с презрением. Так же нехотя выписал квитанцию. Глебыч пошел оплачивать; потом ему продемонстрировали работоспособность, шмякнули штамп на гарантийный талон, упаковали все корейское добро и положенные к нему причиндалы, и отправился он домой в смешанных чувствах.

В смешанных, потому что центр стоил восемь триста тридцать восемь в рублях, а продавец на квитанции написал три восемьсот тридцать восемь. И Глебыч это заметил в первую же секунду.

Но смолчал. Сам толком не понимая почему. Полагал, ошибка быстро выяснится, он спокойно доплатит недостающие четыре с половиной тысячи. Когда уже вышел за двери магазина, прошел метров двадцать, запнулся было, едва не поддался порыву пойти и честно заплатить.

Но потом подумал: а какого черта? Продавец этот чем-то недовольный...

Это его, продавца, работа, в конце концов, быть внимательным. Глебыч вовсе не обязан следить за его работой и указывать на ошибки. Ошибся — сам и виноват!

И пошел Глебыч домой. Не оборачиваясь и не замедляя шага.

Но червячок его все-таки грыз, ведь в принципе Глебыч был человеком честным. Даже мусор бросал только в урны, потому что хотел видеть родной город чистым и незагаженным, хотя вместе с тем прекрасно понимал: его «души прекрасные порывы» многомиллионной Москве совершенно до лампочки и чище она от Глебыча принципов не станет ни на йоту.

Вдобавок неправедным путем сэкономленные почти полторы сотни баксов позволяли без напряжения приобрести взлелеянный в мечтах новый монитор прямо сейчас. Или, точнее, уже завтра, потому что Баклужину нужно было звонить с утра — евойного сына-железячника, коий последнее время трудился в одной из бесчисленных, гнездящихся на ВДНХ, компьютерных фирм, можно было запрячь на покупку только до десяти часов или вечером: пользоваться мобильником или служебным телефоном в личных целях на упомянутой фирме сотрудникам почему-то категорически возбранялось.

В общем, Глебыч возился потихоньку со свежкупленным центром, подключал все, устанавливал, читал руководство, знакомился с управлением и возможностями, дивился непривычным функциям, учился программировать воспроизведение, манипулируя многочисленными кнопочками, проверял, читает ли этот хваленый «Самсунг» RW-диски...

Незаметно для себя он увлекся и думать забыл о некрасивом своем поступке в магазине.

Вечер тоже пролетел незаметно: интернет, материал для очередной статьи, звонок Севе Баклужину и разговор с его сыном о завтрашней покупке, вполне успешный и многообещающий разговор, ужин, чай, телевизор, заведенный на десять будильник, сон.

Утро тоже прошло как по накатанной; вчерашний червячок куснул только однажды, когда Глебыч снова отсчитывал деньги, но вскоре шевелиться перестал и затих. Скорее всего окончательно и бесповоротно.

Глебыч добежал до метро, купил свежий «Спорт-экспресс», в который и поспешил уткнуться в вагоне.

«До «Маросейки», а там, на «Китай-город!» — с подъемом подумал он и погрузился в перипетии очередного тура российского чемпионата, в этом году обещавшего довольно занятную интригу.

От газеты Глебыч оторвался только после того, как двери на «Курской» захлопнулись и диктор поведал что-де, следующая — «Площадь Революции».

— Что такое? — удивленно пробормотал Глебыч, поднимая голову. — Чего, на «Маросейке» остановки нет?

Поезд с грохотом втянулся в тоннель.

Сосед поглядел на Глебыча как на больного и демонстративно отвернулся. А Глебыч скосил глаза на схему, к которой стоял боком.

Потом медленно повернулся к ней лицом, чувствуя, как в груди разрастается неприятная пустота.

Он увидел хорошо знакомый вариант схемы. Без станции «Маросейка». Тот, с которым соседствовал всю сознательную жизнь, за исключением вчерашнего дня.

До «Площади Революции» Глебыч доехал как в тумане. Вышел, растерянный и обескураженный, не зная, куда идти и что думать. Вышедшие вместе с ним пассажиры торопливо рассасывались с платформы кто куда.

Лишь когда платформа ненадолго опустела, Глебыч заметил его. Высокого подтянутого парня в джинсах и кожаной куртке, пристально глядящего прямо на Глебыча. Он стоял, привалившись плечом к скульптуре матроса с наганом — почему-то внимание Глебыча на миг сфокусировалось именно на этом нагане с отполированным до блеска стволом. Вся скульптура была темной от времени, а ствол нагана — блестел.

Когда взгляды Глебыча и парня встретились, тот шагнул навстречу, раз, другой. И подошел вплотную.

Первое, что бросилось Глебычу в глаза — черный бэдж с золоченой надписью. «Гений Подземки. Москва». Только линия была указана Калужско-Рижская. Та самая, на которую теперь с родимой Арбатско-Покровской напрямую не пересесть. Знакомая визитка была вставлена в пластиковую оболочку с булавкой наподобие тех, что носят сотрудники солидных фирм или настырные тетки-посредницы у Измайловских гостиниц. И носил ее парень так, будто это был не бэдж с визиткой, а по меньшей мере Орден Славы или медаль Героя России.

Глебыч несмело прижал руку к нагрудному карману, где лежали его паспорт и визитка. Его, по всей видимости, орден. Прижал и так же несмело поднял глаза.

Парень глядел на него сверху вниз, в упор, пристально и вместе с тем укоризненно, даже презрительно. Долго глядел. Странно, но окружающие совершенно не обращали внимания на достаточно необычно ведущую себя парочку в самом центре платформы, словно Глебыча с парнем окутывала вуаль невидимости.

Парень шевельнулся. Прищурил один глаз, то ли устало, то ли разочарованно, то ли и то, и другое вместе.

— Эх, ты, — процедил он негромко. — А я уж было подумал...

А потом повернулся и пошел прочь, туда, где останавливается головной вагон. Люди невольно уступали ему дорогу. Где-то там, у выпуклого зеркала или даже дальше Гений Подземки с Калужско-Рижской линии словно бы растворился, исчез без следа и Глебыч почему-то этому ничуть не удивился.

Только спустя долгую минуту он проглотил неприятный комок в горле и медленно-медленно отнял руку от кармана. И тоже пошел. На противоположную платформу.

И люди расступались перед ним.

Часть вторая, почти не реалистическая Гений Подземки

От наземного вестибюля «Семеновской» до магазина бытовой техники Глебыч несся так, словно опаздывал на самолет. Лишь в магазине он поумерил пыл, попытался придать себе вид естественный и солидный и, стараясь ступать твердо и независимо, направился к отделу, где покупал вчера злополучный «Самсунг». Там Глебыч некоторое время озираясь в поисках вчерашнего неприятного продавца, но того нигде не было видно. Зато милостивая девчужка в униформе моментально оказалась рядом:

— Добрый день, вам чем-нибудь помочь?

Глебыч взглянул на ее простую и неискusstвенную улыбку и внезапно успокоился. Разом. Судя по бэджу, девушку звали Машей и работала она менеджером отдела.

— Да, помогите, пожалуйста, — у Глебыча даже голос не дрожал, чего он втайне опасался. — Видите ли, в чем дело, я вчера купил у вас музыкальный центр, и мне, по-моему, неправильно указали цену. Я заплатил на четыре с половиной тысячи меньше...

— А, я понимаю, о чем вы говорите! «Самсунг» модели...

— Да, «Самсунг», — перебил Глебыч, потому что номер модели, откровенно говоря, не запомнил. — У вас есть продавец парень, такой... неторопливый.

— Уже нет, — сообщила девушка с некоторым сожалением. — Он уволен.

— Уволен? — упавшим голосом повторил Глебыч. Такого поворота он совершенно не ожидал. Хотел просто доплатить деньги, чтобы парню не нагорело из-за этого злосчастного «Самсунга», и вдруг — уволен!

— Да, уволен. Внимательным обязан быть продавец, а не клиент. Это ошибка продавца, не ваша. И деньги уже вычитаны из его зарплаты, так что вам не нужно ничего доплачивать. Спасибо, что пришли, может быть, еще что-нибудь купите?

Глебыч низко опустил голову, чтобы Маша не увидела его растерянного лица.

— Нет, наверное, не сейчас...

— Приходите еще! — Девушка улыбнулась, Глебыч видел это, даже уставившись в пол.

Все-таки это не была дежурная улыбка. Наверное, Маше действительно нравилось работать в большом магазине и беспрерывно разговаривать с новыми людьми.

На следующий день после все изменившей встречи в метро позвонил сынуля Севки Баклужина и довольно развязно поинтересовался: будет Глебыч покупать монитор или где?

— Не буду, — тихо, но твердо ответил Глебыч. — Извини, не получается. И что вчера не пришел и не перезвонил — извини.

Голос Баклужина-младшего стал серьезнее:

— Дядя Олег, случилось что?

— Случилось, Максим. Но я сам справлюсь. До свидания. Извини еще раз...

Целую неделю Глебыч был угрюм, мрачен и нелюдим. Хорошо, что в редакции не нашлось работы, которая требовала бы его непосредственного присутствия. Глебыч писал статьи дома и отсылал их электронной почтой. На улицу он выходил всего дважды, оба раза в магазин напротив подъезда, за продуктами.

Глебыч много думал о произошедшем. Неужели между появлением и исчезновением станции «Маросейка» и его поступками существует какая-то мистическая связь? Бред ведь, сказки, небывальщина! Фантастика! Но если вспомнить слова того парня, Гения Калужско-Рижской... Глебыч глядел на черную визитку, которую по его примеру вставил в бэдж, оставшийся с прошедшего киносеминара, поверх листка со своей фамилией и названием журнала. Он знал, что, когда выйдет из дому и направится к метро, приколет бэдж к свитеру.

Почему-то Глебычу хотелось, чтобы Гений Калужско-Рижской не думал о нем плохо.

* * *

Через неделю все-таки пришлось выходить из дому дальше магазина и ехать на церемонию вручения очередных премий за очередные заслуги.

Глебыч частенько бывал на подобных мероприятиях. Узкий замкнутый мирок профессионалов в какой-либо области, украшенная сцена, конференсье, речь, приз, вручение, жиденькие аплодисменты, полнящиеся завистью глаза в зале... Потом фуршет, бутерброды, водка, пьяные разборки и блевотина по углам. Бомонд, чтоб его.

Подобные мероприятия Глебыч не любил, но регулярно посещал по профессиональной надобности. Представители десятков замкнутых мирков уже несколько лет как здоровались с ним — примелькался, видимо.

Сегодня ехать предстояло на «Таганку», в ресторан «Семь пятниц».

«Надеюсь, никакой гадости я за последнее время не совершил, — мрачно думал Глебыч, ныряя под мост окружной железки, — и станция «Измайловский парк» никуда не делась. Равно как и «Таганская-радиальная»...»

«Измайловский парк» обнаружился на месте. И наземный вестибюль, и все остальное.

Бэдж с визиткой, конечно же, был загодя приколот к свитеру.

Держа в руке карточку, Глебыч подошел к крайнему левому турникету, рядом с будочкой бабули-дежурной. Не успел он сунуть карточку в щель, как на турникете зажегся зеленый глазок.

Глебыч насупился.

«Ну, вот... опять халява... Не пойду, заплачу, как положено», — подумал он сердито.

Но бабуля вдруг обратила к нему широкое румяное лицо и приветливо улыбнулась, что работникам общественных мест в общем-то не свойственно:

— Проходите-проходите! Вам можно! И о карточках можете забыть... пока вы наш Гений.

Глебыч с сомнением поглядел на нее. И вдруг понял: ему действительно можно. Более того — нужно.

Он кивнул бабуле и смело вошел на станцию.

Что-то изменилось. Звуки: они стали объемнее, четче, выпуклее. И их стало больше. Глебыч слышал, как поскрипывают металлические конструкции над лестницами, как звучат шаги каждого из пассажиров, как урчит и щелкает позади электронная и механическая начинка турникетов. Как с шорохом падают в урну использованные карточки.

В зале вроде бы стало светлее, чем обычно. Серебристая Зоя Космодемьянская определенно улыбалась Глебычу, как своему. Глебыч чувствовал, что на левой стене ближе к центру зала вот-вот отвалится одна из мраморных плиток, и что у зеркала в конце платформы помутнели верхние уголки, и что одна из лампочек среднего пути (внизу, над контактным рельсом) не горит...

Ощущения были очень странные и вместе с тем очень естественные. Нужно было просто к ним привыкнуть.

С «Измайловской» как раз прибыл поезд; Глебыч наладился было в переднюю дверь переднего вагона, но тут из кабины выглянул машинист.

— О! — сказал он. — Привет. Заходи.

Глебыч нерешительно замялся.

— Это ж вроде запрещено...

— Пассажирам — запрещено, — подтвердил машинист со смешком. — Но не тебе же!

Он протянул руку:

— Я — Петро. Заходи давай!

Глебыч на мгновение зажмурился, а затем вошел в кабину поезда метро.

Впервые в жизни.

Поздоровался с помощником машиниста, с нескрываемым любопытством обозрел приборы и органы управления.

Выглядели они загадочно.

«Интересно, — подумал Глебыч. — По идее, мне придется во всем этом разобраться...»

Вид несущегося навстречу тоннеля, освещенного фарами поезда, был незабываем. Ехать в кабине поезда метро совсем не то, что ехать просто в вагоне...

А еще Глебыч понял, что в ближайшее время его ждет немало открытий.

Удивительных и волшебных.

И действительно, в отношении метро жизнь Глебыча переменялась кардинально. Теперь он мог переходить со станции на станцию в любое время, даже если уже час ночи и переход закрыт. Любой турникет безропотно пропускал его без всяких карточек или проездных.

МилицIONеры ему козыряли. Машинисты здоровались. Техники подмигивали и иногда затаскивали в таинственные помещения за дверями со строгими табличками «Служебный вход» и «Посторонним вход воспрещен». Пили техники в основном спирт. Если перед эскалаторами собиралась внушительная толпа и хотя бы один из эскалаторов стоял, для Глебыча, не задумываясь, запускали его, и ни единый умник не норовил последовать за Глебычем. Однажды Глебыч пережил форменное потрясение: он обнаружил, что может сесть в вагон через закрытые двери. Равно как и покинуть оный вагон. И ни один из пассажиров не обращает на это внимания. Ни один!!!

Под Новый год Глебыч во второй раз встретил коллег. Правда, не понял, с каких они веток. Но других Гениев он теперь узнавал безошибочно: чувствовал визитку. Нутром, селезенкой, седьмым или восьмым чувством.

У встреченных, к примеру, визитки оказались в карманах. У одного, лысоватого и хлыщеватого мужичонки с острым лицом и бегающими глазками — во внутреннем кармане пиджака. У второго, тучного кучерявого херувима — в кармане необъятной куртки. Глебыч столкнулся с ними на «Автозаводской», выйдя из поезда.

— О! Смотри! Наш маросейский герой, — сказал хлыщ насмешливо, подталкивая соседа локтем.

Глебыч застыл, глядя на них. Он не знал, что сказать и как поздороваться. Банально растерялся.

Херувим почему-то обидно заржал. Хлыщ тоже усмехнулся, как-то недобро и хищно. А потом оба, ни слова больше не говоря, уселись в вагон и поезд тронулся.

Глебыч некоторое время неподвижно стоял, глядя на убегающие во тьму габаритные огни. Люди старательно обходили его.

«Черт! — подумал Глебыч вскоре. — Все-таки я ниче-гошеньки не понимаю в этой игре. Надо искать Гения «Калужской». По-моему, нужно поговорить с ним, а не с этими...»

И он стал искать. Часами бесцельно кружить по метро, пересаживаясь со станции на станцию без всякой системы. В этом Глебыч неожиданно для себя стал находить еще большее удовольствие, чем раньше. Он ведь всегда любил метро. И московское, и киевское, и даже питерское, хотя Питер как город недолюбливал.

Поиски не привели ни к чему. Всю зиму и почти всю весну Глебыч жил надеждой на встречу, но ни с кем из Гениев так и не столкнулся.

Он продолжал поиски и боялся только одного.

Что его сознательно избегают.

А вскоре произошло то, что рано или поздно происходит со всеми: у Глебыча умерла мама.

Ей было уже семьдесят три года; невзирая на возраст Виктория Ильинична до последних дней оставалась бодрой и деятельной старушкой — с поправкой на возраст, конечно. В магазины ходила сама, готовила сама. В общем, никого и ничем не обременяла. Глебыч, наверное, внутренне давно был готов к смерти мамы, потому что ощутил лишь стылую пустоту и тихую горечь. Сестра, видимо, испытывала то же, потому что никаких истерик и криков на похоронах не случилось — только слезы и нескрываемая печаль. Печаль по человеку, прожившему большую и правильную жизнь и ушедшему только потому, что все мы рано или поздно ухо-

дим. Несколько дней после похорон Глебыч ходил подавленный. Он вдруг поймал себя на мысли, что последние годы очень редко виделся с мамой. Изредка забегал подкинуть денюжат к ее скудной пенсии, о себе не рассказывал (да и нечего было рассказывать), на вопросы отвечал односложно и торопился бежать дальше — дела. Виктория Ильинична так и не дождалась невестки и внуков от непутевого сына-одиночки. Хорошо хоть у сестры семья вполне сложилась: молодчина муж, четверо детей...

На десятый день после смерти Виктории Ильиничны позвонила сестра, попросила прийти в мамину квартиру. Глебыч догадывался зачем.

Он прекрасно знал текст завещания. Все пополам. Сбережений у родителей никаких не было, стало быть, речь шла только об имуществе. О двухкомнатной квартире в Кунцево и нехитром ее убранстве.

Глебыч ехал в Кунцево, не замечая ничего вокруг. Глядел невидящими глазами в пустоту и заранее обдумывал, что скажет сестре.

Ни к чему этот мешанский дележ. У сестры четверо детей, живут в неплохой трешке на Нагатинской, но шесть человек для трехкомнатной квартиры все же слишком. Тем более старшие девки-близняшки здоровенные уже, вымахали выше Глебыча. Стройные, длинноногие и, что приятно, не без масла в голове. Заканчивают школу, или, как это теперь у них называется, колледж. А поступать наострились не куда-нибудь, а во МГИМО.

А на другой чаше весов Глебыч, старый пень-одиночка. На плечи — сороковник, за душой — ничего путного. Ну, несколько сотен статей, ну десяток убойных репортажей. Своим горбом заработанная квартирка — двухкомнатной со-вестно назвать. Типичная однушка с дополнительной стеной-перегородкой. И ванна сидячая. В общем, холостяцкая берлога, стены в разводах и драный линолеум на балконе...

«Нечего тут обсуждать, — подвел черту под недолгими раздумьями Глебыч. — Пусть Светка мамину квартиру про-

дает или разменивает свою и мамину на большую. Им нужнее, как ни крути. А я перебьюсь...»

Это решение зрело в Глебыче давно, лишь сейчас он осмелился оформить его в слова, пусть даже произнесенные только мысленно. Впрочем, через какой-нибудь час он скажет их вслух и никогда не пожалеет об этом.

А из вещей попросит только старинный письменный стол, любимое папино кресло и книги. И все.

Отцовские часы и бритва уже лет пятнадцать как хранились у Глебыча.

Теперь кресло, стол... вот и вся овеществленная память. А еще надо будет как-нибудь зайти к сестре с гостинцами для младшеньких, с бутылкой и посвятить вечер просмотру фотографий. Начиная с самых старых, пожелтевших от времени, с трогательными надписями на обороте.

Погруженный в себя Глебыч доехал до «Кунцевской» и так и не заметил, что на схеме метро Арбатско-Покровская линия стала длиннее. После «Щелковской» значилась станция «Гольяново».

Не заметил. Не до того ему было сейчас.

Телефонный звонок выдернул Глебыча из похмельного утреннего сна.

Вчера со Светкой и ее мужем все обговорили, Глебыч своего решения не изменил. Сестра расплакалась... В общем, пообщались еще немного, а потом выпили. В память. Совсем немного.

Но Глебыч отчего-то захмелел. Не слишком, но дома достало сил только раздеться и, примостив у койки запасенную бутылку минералки, тихо отключиться. Наверное, это действительно были опустошение и усталость, а не опьянение.

— Алло! — сказал Глебыч в трубку и закашлялся.

— Поздравляю, — донеслось в ответ. — Все-таки я был прав, что не списал тебя со счетов...

— Секундочку, — сдавленно всхрипнул Глебыч, отложил трубку и потянулся к минералке. Только с наслаждением

выпив граммов триста, он смог заставить себя оторваться от горлышка.

— Алло! Кто это? С чем поздравляете? Я не понял.

Собеседник тихо засмеялся:

— Мы встречались в метро, коллега. Я — Гений Калужско-Рижской. Полагаю, нам следует встретиться и поговорить. Ты в самом деле новичок и в самом деле ничего еще не соображаешь.

Сон и тяжесть в голове безвозвратно унеслись прочь, словно последний поезд во втором часу ночи с конечной станции.

— Встретиться? Конечно! Где?

Гений Калужской фыркнул и рассмеялся:

— Что значит — где? Разумеется, в метро!

— На какой станции?

— На новой. Недалеко от тебя. Ты поймешь, только на схему взгляни внимательнее. Выезжай, я там буду минут через двадцать.

Следом из телефона донеслись короткие гудки.

Глебыч озадаченно отнял трубку от уха. А мгновение спустя до него дошло. Он кинулся к компьютеру; пока дозванивался до провайдера и входил в сеть — нетерпеливо притопывал ногой.

А еще минутой позже, разглядывая свежую схему с www.metro.ru, догадался куда ехать.

На станцию «Гольяново», конечную Арбатско-Покровской ветки. Открытую, как утверждала информашка с сайта, в шестьдесят пятом, через два года после «Щелковской». Выходы со станции располагались в районе Хабаровской, Уссурийской и Алтайской улиц.

До входа в метро Глебыч домчался в рекордные семь минут. Поезд почему-то еле-еле полз; а возможно, Глебычу это только казалось. Но так или иначе проехали «Измайловскую», «Первомайскую»... На «Щелковской» никого не попросили из вагона.

Этот перегон казался бесконечным. Но закончился и он: приехали в «Гольяново». Глебыч жадно заозирался.

Внешне станция выглядела, как большинство открытых в шестидесятые: хрущевский аскетизм, отсутствие дорогих отделочных материалов.

Типичная «сороконожка»: два ряда колонн поддерживают свод, кафель на стенах и колоннах; ни тебе мрамора, ни тебе гранита.

Зато до МКАДа рукой подать...

Глебычу всегда казалось: лучше уж такая станция метро рядом с домом, чем никакой.

Он отошел от поезда в центр зала и огляделся. Пассажиры двумя потоками спешили к выходам в торцах станции. Меньше чем через минуту Глебыч остался в центре один.

«Наверное, — подумал он, — Гений Калужской еще не приехал...»

Но не успел Глебыч додумать, как из-за колонны показался тот самый парень, виденный когда-то на «Площади Революции». Одет он был снова в джинсы и кожаную куртку; на этот раз Глебыч отметил еще и высокие ботинки на рифленой подошве.

Парень приблизился и протянул руку:

— Привет! Меня зовут Костя.

— Глебыч, — представился Глебыч.

— А имя?

— Вообще-то Олег... Но все зовут Глебычем. Я привык...

— Ладно, Глебыч так Глебыч.

Станция постепенно заполнялась пассажирами, ожидающими поезда в сторону «Щелковской». Тот факт, что мимо Гениев Подземки все проходили словно мимо пустого места, Глебыча уже давно не удивлял.

— Ты действительно человек? — со странной интонацией спросил Костя.

Глебыч слегка удивился: а кем он еще может быть? Но все же решил, что просто не понимает какой-нибудь важной мелочи и переспросил:

— В каком смысле?

— В прямом, — не меня интонации ответил Костя. — В самом прямом. Кем ты был до того, как завладел визиткой?

— Журналистом, — пожал плечами Глебыч. — Я и сейчас журналист...

— То есть, — подытожил Костя, — обычным человеком?

— Ну, да...

— Невероятно, — покачал головой Костя. — Такого еще не случалось.

Наверное, Глебыч поглядел на собеседника так жалобно, что тот поверил. Поверил и стал объяснять:

— Мы не люди, Глебыч. Мы — духи. Духи метро, гении новой стихии. Духи, джинны, гении, элементали — люди придумали нам много названий.

Когда-то мы властвовали лишь четырьмя природными стихиями — огнем, водой, воздухом и землей. Вы, люди, сумели создать новые стихии, такие, например, как метро, комбинаторные. Какая-то часть духов стала осваивать их, в основном молодежь. Мы, Гении московской подземки, потомки этих первопроходцев.

Наверное, у Глебыча сделалось нехорошее лицо. Он был человеком сугубо рациональным, в летающие тарелочки, лох-несское чудовище и прочий экзорцизм не верил ни грамма. Поэтому слова Кости не мог воспринять вот так с ходу. Невзирая на то, что сам умел проходить сквозь сомкнутые двери вагонов или перепрыгивать из вагона в вагон прямо на ходу.

— Тебе ли не верить... — усмехнулся Костя.

И взлетел. Просто и естественно взмыл под свод станции, а потом нырнул внутрь колонны. Несколько секунд — и он медленно всплыл из-под платформы, снова уравнившись с Глебычем.

— Собственно, ты ведь тоже все это умеешь.

— Да, — пробормотал Глебыч. — Глупо... Но ты ведь сам сказал, что я всего лишь человек. Мне трудно поверить в подобное.

— А ты не верь, — пожал плечами Костя. — Просто прими. Законы стихий непостижимы, однако это не мешает им быть незыблемыми.

— Ладно. — Глебыч вздохнул и нахмурился. — Лучше расскажи, что за чудеса с возникающими и исчезающими станциями?

— Погоди, — остановил его Костя. — Сначала объясни, как к тебе попала визитка. Обычно Гений может стать хозяином линии, только победив прежнего хозяина. Я не верю, что Маркуса победил простой человек.

— Не помню. — Глебыч виновато развел руками. — Точнее, не знаю. Я однажды... заснул в метро. А когда пришел домой — в кармане нашлась эта визитка.

Костя несколько долгих секунд пристально глядел Глебычу в глаза.

Потом недоверчиво покачал головой:

— Не понимаю. По-моему, это невозможно. Но куда подевался Маркус? Может быть, он сам отдал тебе визитку?

— Не помню, — беспомощно развел руками Глебыч. — Может быть.

— Н-да. — Костя громко щелкнул пальцами. — Ладно, тогда слушай. Суть вот в чем: метро, как и всякая стихия, непостоянно. Его облик напрямую зависит от нас, Гениев Подземки. В особенности от хозяев линий, линий реально существующих или ирреально существующих. Полной карты, я так понимаю, у тебя нет?

Глебыч отрицательно замотал головой.

— Вот, гляди. — Костя показал Глебычу глянцевый лист плотной бумаги, а возможно, пластика. На листе была изображена сложнейшая схема, состоящая из пересекающихся разноцветных линий и точек-станций с названиями. Центром этой схемы служила хорошо знакомая Глебычу схема московского метрополитена; незнакомые компоненты были обозначены контурами, как строящиеся.

— Это полная схема нашей стихии. Частично она существует реально — это то, что могут видеть люди и чем они

могут пользоваться как транспортным средством. Остальное — ирреальная часть. Во власти хозяев линий перемещать отдельные станции или линии целиком из реальности в ирреальность и наоборот. Но сделать и то, и другое довольно сложно. Причем перенос из ирреальности в реальность в десятки раз сложнее, чем в обратном направлении. К сожалению, в Москве большинство хозяев линий большие... как бы это сказать помягче... Нехорошие они духи, короче. Лишь некоторые, такие, как я или Гений Серпуховской линии, пытаются увеличить реальную составляющую стихии. Большинству просто наплевать — живут как хотят. Самые замшелые, вроде Гениев Солнцевской или Митино-Бутовской, перетащили свои линии в ирреальность целиком.

— Знаешь, — перебил Костю Глебыч, — а я как-то встретил двоих Гениев на «Автозаводской». Один костлявый такой, как вобла, а второй жирный, на херувима похож.

— А, — Костя брезгливо поморщился, — как же, как же. Балласт. Сухой — это Герман с Сокольнической линии. Что с «Воробьевыми горами» было, сам знаешь. А херувим вообще мурло мурлом... Хозяин Среднего Кольца.

Тебе оно известно под именем Каховская линия... Тьфу. Линия! Три станции, два перегона! Сказать стыдно. Кстати, перегон «Улица Подбельского» — «Черкизовская» Герману нашего херувима лет десять назад в карты выиграл...

— Неужели... все так безнадежно? — тихо спросил Глебыч. — Получается, в Москве метро скоро исчезнет совсем?

— Не думаю, — покачал головой Костя. — Я, например, сделаю все, чтобы этого не позволить. И я не одинок, можешь не сомневаться. Именно поэтому я страшно обрадовался, когда ты вытащил из ирреала «Маросейку». Поверь, вытащить из ирреала станцию внутри Малой Кольцевой — это... это... Это силаща невероятная. Последней, если я не ошибаюсь, вернули «Горьковскую», которая нынче «Тверская». В общем, когда вернулась «Маросейка», я решил, что у нас появился союзник — могучий, сильнее нас.

— Почему сильнее?

— Да потому что я не могу вернуть станцию «Якиманка» уже лет двадцать... Это на пересечении Калужской и Серпуховской линий, с пересадкой на «Полянку». Вернон с Калининской не может восстановить «Остоженку», сопряженную с «Кропоткинской». Боря с Люблинской достаточно быстро вернул кусок от «Чкаловской» на юг, а внутрь Малой Кольцевой — как отрезало. Не получается, слаб.

— Значит, — угрюмо заключил Глебыч, — теперь от меня напрямую зависит существование Арбатско-Покровской? От моих поступков? От того, веду я себя как скотина или как человек?

Костик невесело улыбнулся:

— Если бы все было так просто... Сунул бомжу сто баков — конечная станция. Вынул мальчонку из-под поезда — станция «Маросейка»... Увы. Не от поступков все зависит. А от того же, от чего зависят сами поступки. От помыслов. От устремлений. Проход из ирреала нельзя купить подачкой, его можно только выстрадать. По-честному. Искренне.

Глебыч некоторое время молчал.

— Прости меня, Костя... За «Маросейку». Я ее верну. Обязательно верну, вот увидишь.

— Верю, — серьезно отозвался Гений Калужской. — Во, поезд подходит!

Поехали я тебя с нашими познакомлю! Бран с Серпуховской, Вернон, Борька! Отличные ребята!

— Поехали! — загорелся Глебыч и направился к поезду. Прямо сквозь облицованную плиткой колонну.

— Скажи, Костя, — обратился он к духу подземки через несколько секунд, — а если мы, скажем, напьемся по поводу возвращения «Остоженки», «Якиманки» или той же «Маросейки», это будет плохо? Мы не навредим нашей стихии в реальности?

— Если ничего дурного не натворим — не навредим.

— Тогда давай так и сделаем, а? В смысле, напьемся, кто бы первым свою станцию ни вернул?

— А давай! — залихватски махнул рукой Костя.

* * *

Бран, Вернон и Борис и вправду оказались мировыми ребятами, невзирая что духи. Глебыч влился в их компанию легко и естественно, как встает на свое место недостающая деталька паззла.

И они напились — правда, раньше, чем собирались: весной 2003-го, когда на Арбатско-Покровской линии открылась станция «Парк Победы». За два года до переименования «Измайловского парка» в «Партизанскую», за три до возвращения «Якиманки», за пять — до «Остоженки» и «Российской» и за девять — до второго на памяти Глебыча пришествия из ирреала станции «Маросейка».

*май 2003
Москва — Николаев*

РОК НА ДОРОГЕ

Полуавтобиографическая повесть с сильными преувеличениями

Любые мысли о сходстве описанных в повести людей с людьми реальными остаются на совести читателя, даже если имена, фамилии или иные приметы совпадают. Автор также осведомлен о некоторых хронологических нестыковках в тексте.

1. Who Do We Think We Are? (1973)

До появления Димыча группа даже еще не обрела название. Не было и клавишника Пашки. А были...

Было их пятеро. Давно и прочно, на уровне «семьиродители» знакомые Андрюха Шевцов и Игорь Коваленко. Прибавившийся к ним несколько позже Данил Сергеев. Приятель и сосед Андрюхи — Вадик Орликов, которого обыкновенно именовали просто «Малый». И недавний знакомец Данила, человек-иерихонская труба, Костик Ляшенко.

Ну и разумеется, Шура Федяшин — личность совершенно свихнувшаяся. Ну скажите на милость, кому еще паяльник может быть привычнее авторучки, как не психу?

Впрочем, обо всем по порядку.

Кто был молодым, тот знает этот странный зуд в руках, это непреодолимое желание взять все, что можно хоть с натяжкой именовать музыкальным инструментом, объединиться с приятелями, включить на запись простенький магнитофончик, недавно подаренный родителями и...

У кого нет подобных какофонических записей юности? Когда к обычной акустической гитаре добавляются подушки и пуфики в качестве барабанов, крышки от кастрюль вместо тарелок и какая-нибудь экзотика для создания шумового фона, типа пищашего счетчика Гейгера, гордо именуемого «синтезатором»? Через это прошел каждый. Ну, почти каждый.

Разумеется, и Димыч (в миру — Дмитрий Василевский) в свое время через это прошел. Отдельно от будущей группы; ему компанию составляли собственные друзья юности — Андрей Дроботов и Валерка Уца. Группа, помнится, звалась «Небритый кактус» и конкурировала с другими дворовыми группами, которые носили не менее гордые названия «Помидоры» и «Кожзаменитель».

Основной состав будущей группы переболел страстью к какофоническим концертам сравнительно быстро. И к моменту знакомства с Димычем Игорь Коваленко уже являлся счастливым обладателем очень неплохой ударной установки брянского завода (подарок родителей), Малый — красной ромбической гитары «Стелла» средней паршивости, с которой он управлялся на редкость шустро и умело; Андрюха Шевцов успел обзавестись достаточно внятным басом «Тверь», который покорял с упорством маньяка. Ну а Костик и Данил пытались петь.

Димыча привел Шурик Федяшин, к тому моменту охотно взваливший на себя обязанности штатного инженера-электромеханика и оператора группы.

Сказал как-то, слушая пока еще далекие от цельного звучания рулады:

— Знаете, парни... Со мной в бурсе тип один учится. Димычем зовут. В радио он, говоря начистоту, ни хрена не рубит, но зато на гитаре играет. И — прошу внимания! — пишет песни. Мне нравятся, слышал как-то на мальчишнике.

В этой компании песни пока пробовал писать только Костик. Успел он сделать лишь три; и если просто под акустическую гитару они еще худо-бедно звучали, то командный вариант не устраивал никого.

— Веди, — после короткого совещания резюмировал Андрюха, выполнявший функции администратора и босса.

На следующую репетицию Шура явился в сопровождении сутуловатого парня в круглых очках. В потрепанном чехле парень принес гитару — как оказалось, самодел. Самодел был куда лучше инструмента Малого.

Назвался парень Димычем. Подключил гитару, примочку, взял несколько риффов. Цокнул языком.

— Ну, — сказал он после этого, — показывайте.

Коллектив не очень уверенно, но почти без сбоев сыграл «Беду земли».

— Рыхло, — резюмировал Димыч. — Драйва не хватает. Какая там тема? До-мажорчик, да?

Малый с готовностью нарисовал на бумаге обозначения аккордов.

— Гитару твою пожестче надо. Металла в тембра подпустить. Сможешь, Шурик?

— Не вопрос! — пожал плечами Шурик и принялся колдовать над микшерским пультом и эквалайзером. — Пробуйте!

— Поехали! — скомандовал Димыч.

Со второго квадрата его гитара вплелась в общее звучание. И — о чудо! — дотоле рыхлое и расхлябанное, оно неожиданно слиплось в довольно плотную основу, на фоне которой громыхал могучий голос Костика. Все натурально ахнули.

Перед припевом, после ритмической сбивки, ритм-секция разъехалась: Игорь на барабанах протянул целый такт, а Андрюха направил бас в припев уже после двух четвертей. Костик растерялся, и вместо жесткого, подчеркнутого музыкой:

Нет!

Я не хочу, чтобы было так!

прозвучало нечто маловразумительное.

— Стоп-стоп-стоп! — замахал руками Димыч. — Давайте определяться. Нот и вообще музыкальной грамоты я, извиняйте, не знаю. Поэтому объяснять буду на пальцах.

Остальные музыкальной грамотой владели в той же мере, что и Димыч, а именно вообще не владели. Но объяснения Димыча оказались на редкость простыми и доходчивыми; даже Андрюха, которому басовые премудрости давались с некоторым трудом, все понял с первого раза. Надо было просто посчитать в нужном месте про себя: «Раз, два, три, четыре» и только после этого входить в припев.

Попробовали. Получилось. Попробовали еще раз. Опять получилось.

Попробовали другую песню — и снова получилось весьма приятно.

— Заметно лучше, — резюмировал Димыч после полутора часов музицирования. — Теперь осталось гитарные темы прописать как следует... Малый, ты технарь, как я погляжу.

— Ну... — пожал плечами Малый и непринужденно сыграл скоростную гамму. — Такое умею.

— Отлично. У меня со скоростью худо... — признался Димыч. — Я тебе медленно покажу, а сыграешь как следует.

— Не вопрос! — радостно согласился Малый.

Со скоростью у Малого и впрямь все было в порядке. Воображения не хватало, это да. Если ему показывали, что именно и как именно играть, Малый воплощал все с математической точностью и удивительной легкостью. Но сам придумать что-либо путное Малый был, похоже, не в состоянии.

Но все уже поняли: в группе появился тот, кто умеет придумывать.

Через несколько репетиций идеологическим и музыкальным лидером с молчаливого согласия остальных сделался Димыч, тогда как вне репетиционного зала делами административного свойства и менеджмента продолжал заправлять Андрюха Шевцов. Такая ситуация устроила абсолютно всех.

Спустя месяц усиленных репетиций, Димыч поразмыслил, почесал в затылке и высказал идею:

— Клавишника надо. Мы ж не чистую тяжесть валим... Не помешает, клянусь. Есть кто-нибудь на примете?

— Есть! — не стал возражать Андрюха.

На следующей репетиции появился Паша Садов со своей многократно перепрошитой «Шексной», и вот тут-то группа зазвучала по-настоящему.

А потом был конкурс самодеятельных групп в кирхе, на улице Декабристов. Накануне долго придумывали название; остановились на варианте «Проспект Мира». Во-первых, песню такую сделали — очень приличную, кстати. А во-вторых, абсолютно все участники группы обитали либо непосредственно на проспекте Мира, либо поблизости. Почему нет, в конце концов?

Завсегдатаи конкурса к новичкам всегда относились снисходительно; «Проспект Мира» никто тоже не воспринял всерьез. А они, впервые играя на пристойном аппарате, сами ахнули после первого же аккорда.

«Звучим!» — кричали немые взгляды. Андрюха глядел на Димыча, Димыч — по очереди на всех.

Короче, первое место присудили «Проспекту Мира». Завсегдатаи приходили жать руки.

За успех в тот вечер было выпито немало пива, и долго еще вспоминали, как зал пританцовывал в такт «Демократии» и жег зажигалки во время «Замка на песке».

О группе заговорили в городе.

Уже через полгода, на концерте городского рок-клуба, неумолимая председательша мадам Портнова заявила после предварительного прослушивания: всем группам будет позволено сыграть от одной до трех композиций, в зависимости от оценок, выставленных жюри.

«Проспекту Мира» позволили сыграть шесть композиций. Даже старички из «Магазина» и полупрофи из «Забытого континента», даже первый блюзмен города Юрка Белоуков — все получили максимум по три. А «Проспект Мира» — целых шесть. Да еще шестую песню, собственно «Проспект Мира», группа должна была выдать в финале,

перед закрытием концерта, после настоящих профессионалов из «Фокстрота» и «Диалога», после тех, кого знала вся Россия.

Что творилось в зале, когда выступал «Проспект Мира»... Не описать словами. Народ выскочил на сцену и гарцевал на листе девятислойной фанеры, которым прикрыли оркестровую яму — как не проломился этот лист, уму непостижимо. Димычу сначала на гриф прилетел чей-то пиджак, а потом кто-то прошел по шнуру и выдернул его из разъема. Но ничего, все остались довольны. Кто-то из профи потом подошел и предложил купить песню «Проспект Мира».

Димыч с Костиком, как авторы, отказали. Профи ушел обиженным.

Потом были еще концерты — на море, на Южном фестивале. В ближайших городах и городках. Группа крепла и сыгрывалась, училась понимать друг друга без слов.

Но в какой-то момент все почувствовали: движение вперед прекратилось.

Нужна была какая-нибудь радикальная встряска.

Вот тогда-то и началось самое интересное.

2. Deep Purple (1969)

Вероятно, во всем была виновата любовь Димыча и Шурика к фантастике.

Но если первый ее только любил и читал, то второй вообще считал полной реальностью, просто пока не данной нам в ощущениях.

Ни для кого не секрет, что на Западе и в России рок-музыка развивалась в равной степени параллельно, но в то же время очень по-своему. После джаз-бума сороковых и пятидесятых на Западе возникли «Битлз», в России — «Река Слава». Даже в названиях отразилась глубинная разница западного и восточного подходов к року: на Западе нечто вроде «тараканов», у нас — нечто словесно-психоделичес-

кое, без прямого значения. Впрочем, не следует считать, будто для Запада превалирующей оставалась исключительно форма, а для русских — содержание. В конце концов, там ведь был «Кинг кримзон», а у нас «Атака». Да и шестидесятые показали, что две культуры склонны скорее брать друг у друга лучшее и дополнять чем-нибудь своим. Технологичный расцвет России в семидесятые и одновременный десятилетний кризис Америки мало что изменили: просто лучшие музыканты двух рок-культур сменили «Стратокастеры», «Джибсоны» и «Ибанезы» на «Тверь», «Кабаргу» и «Суздаль», а «Маршаллы» и «Пивеи» на ту же «Тверь», «Неман» и «Искру».

Но в одном Запад все-таки опередил Россию. Он первым придумал и провел Вудсток. Еще в шестьдесят девятом. Восток, то ли в силу природной лени и традиционного русского раздолбайства, то ли из пустой гордости созрел к идее аналогичного форума только через десять лет.

Теперь это легенды. Постаревшие и погрузневшие герои русского Вудстока, звёзды городка Бологое семьдесят девятого года, то и дело мелькают на телеэкранах, иногда выдавая нечто похожее на хиты прошлого.

Тогда все было проще. Талант мог пробиться без денег и раскрутки.

Тогда — но не теперь. И именно поэтому первые иллюзии неграмотных музыкантов «Проспекта Мира» довольно быстро развеялись. Да, их музыка была хороша. Да, они вполне пристойно ее подавали. Но толстым столичным дядям интереснее было вкладывать бабки в безголосых дочек, чем в разбитных провинциалов.

Но писать новые песни и выступать «Проспект Мира» все равно не прекращал, тем более что отчим Шурика Федяшина, мелкий пивной фабрикант, как-то весной позвал группу озвучить районный пивной фестиваль. «Проспект Мира» так озвучил, что к лету заводик отчима утроил оборот, сожрал с потрохами самого опасного местного конкурента, укрупнился и приступил к строительству нового цеха.

«Проспекту Мира» с этого обломился полный комплект аппаратуры, новые инструменты и предел мечтаний для группы их уровня — фирменный трейлер «Десна», шестиосный грузовой монстр-трансформер, который в походном состоянии вмещал всю аппаратуру и служил передвижным домом, а в стационарном — представлял собой удобную сцену-подиум. Даже колонки таскать не приходилось: трейлер подруливал к нужному месту, сдвигал крышу, опускал борта... И все. Сцена готова.

Рок-клуб, понятное дело, обзавидовался, но проспектовцы не жались: наоборот, затеяли большой концерт городских групп по всему югу. На собственном, понятно, аппарате. «Десна» показала себя во всей красе, а отчим Шурика не преминул присовокупить к каждому выступлению трейлер пива по льготной цене. Кроме того, красочные логотипы «Пиво «Янтарь» украшали борта «Десны» в походном состоянии и подножие подиума в концертном, что тоже способствовало популярности фирменного напитка.

В общем, народ «Проспект Мира» слушал с удовольствием, равно как и другие группы, колесившие в тот год по югам вместе с ними. Но попытки записать профессиональный компакт-диск неизменно заканчивались провалом. Возможно, именно оттого, что единственной в городе пристойной студией владел тот самый профи, которому в свое время Димыч и Костик отказались продать фирменную песню группы.

Так и осталось невыясненным — кто первым высказал ностальгическую идею: «Эх, на нашей «Десне» бы — да в Бологое семьдесят девятого года!»

Действительно, эх...

И никто не предполагал, что об этом можно было говорить серьезно — музыканты «Проспекта Мира» в семьдесят девятом в лучшем случае учились ходить, а Малый так и вообще еще не родился.

Единственным, кто не умел несерьезно относиться даже к бреду, оставался штатный инженер группы Шурик Федяшин.

3. The Book Of Taliesyn (1968)

Имелся у Шурика большой засаленный талмуд, в который он скрупулезно заносил все случающиеся на концертах и репетициях неполадки и подробно описывал методы их устранения. Последние страницы талмуда часто использовались в качестве полигона для скорых вычислений или каких-то радиотехнических прикидок. Калькуляторы Шурик не любил, предпочитал считать по старинке, на бумаге, в столбик. Говорил, что так нагляднее. Мало кто из проспектовцев обращал внимание на то, что во время репетиций Шурик все чаще забивается в любимый угол у рабочего пульта и колдует над любимым талмудом, а рядом все время таинственно светится матрица его ноутбука, приросшего к глобальной сети.

Ну, колдует и колдует, здраво рассуждал каждый из проспектовцев. У каждого свои обязанности. Димыч пишет собственные песни, гранит песни Костика и Данила, придумывает гитарные партии. Малый воплощает придуманное Димычем. Андрюха наворачивает на базе, Игорь его поддерживает. Пашка-клавишник обеспечивает красивый фон и вкрапляет в музыку изящные проигрыши. Костик с Данилом напрягают глотки. В общем, все при деле. Так почему бы Шуре-оператору не колдовать над талмудом, если весь аппарат работает без сбоев и выстроен как следует? Да ради бога, колдуй!

Но в перерыве очередной репетиции Шурик вдруг выполз из своего угла с талмудом под мышкой, приблизился к попивающим «Янтарь» музыкантам и вдруг очень ровным и уверенным голосом заявил:

— Ну что? Всё еще хотите побывать в Бологом семьдесят девятого? Могу вас туда протолкнуть. Только ненадолго, меньше чем на двое суток. На дольше не получится.

Данил выронил банку с пивом. Костик насупился.

— Шура, — спросил Андрей Шевцов после некоторой паузы, — ты рехнулся?

— Зачем? — пожал плечами Федяшин. — Это действительно возможно, я посчитал. Вот, можете взглянуть...

Он продемонстрировал несколько испещренных формулами листов из талмуда. Большинство понимало там только плюсы да минусы, как приснопамятный парень из преисподней Гаг в настенной писанине увечного земляка Данга.

— Очень наглядно, — прокомментировал Димыч с ехидцей. — И что сие означает?

— А сие означает, что если через двадцать четыре дня оказаться в строго определенном месте в строго определенную минуту и запустить один приборчик — можно на двое суток провалиться в любой произвольный момент с мая по сентябрь семьдесят девятого. Через двое суток нужно будет оказаться примерно в этом же месте и инверсировать режим приборчика. Тогда вернемся. Если не сделать этого... короче, не ручаюсь я тогда за нас.

— Не, — вздохнул Андрюха с сожалением. — Ты все-таки рехнулся.

Но Шурика невозможно было вывести из себя такой мелочью, как насмешка.

— Приборчик показать? — без тени смущения спросил он.

— А ты его хоть на кошках испытывал? — поинтересовался практичный Игорь.

— Нет. — Шурик отрицательно покачал головой. — Сейчас он просто не сработает — время не пришло. А такое время случается не чаще раза в тысячелетие.

— Угу, — хмыкнул скептик Димыч. — И, разумеется, нам немерено потрафило: это время подоспело именно сейчас.

— Именно так, — невозмутимо подтвердил Шурик. — Начало века как раз. Думаешь, случайно летосчисление многих народов привязано к Миллениуму?

— А оно привязано? — удивился Андрюха. — Ну, у христиан и исламистов — еще ладно. Но китайцы какие-нибудь или евреи явно по-своему считают годы.

— Китайцы обитают в соседней геомагнитной зоне. У них свои привязки к темпоральным каналам. А евреи просто

хитрые и скрытные, — парировал Шурик. — Специально не так считают, чтобы нас с толку сбить.

— Угу, — обиделся Паша, в котором частично текла и еврейская кровь, — как обычно, во всем виноваты евреи и велосипедисты!

— Я не понял. — Шурик недовольно прищурился. — Вы хотите в Бологое на русский Вудсток или не хотите?

— Погоди. — Димыч допил пиво и ловко закинул банку в корзину с логотипом «Янтаря». — Расскажи-ка поподробнее. Что, переходы во времени действительно возможны?

Не зря Димыч слыл среди друзей любителем и поклонником научной фантастики. Идею перемещения в прошлое он воспринял быстрее и легче остальных — не считая, разумеется, самого Шурика, для которого фантастики не существовало вовсе, существовали только реальности, частично данные нам в ощущениях, а частично пока не данные. Целью жизни Шурик давно уже считал перемещение реальностей из второй категории в первую.

Именно между Шуриком и Димычем спустя два часа состоялся короткий, но весьма содержательный разговор о невероятной затее. Димыч заявился в подсобку, где приятель по обыкновению что-то паял; остальные музыканты удалились на перекур. Димыч не курил, поэтому и пришел раньше остальных.

— Выкладывай. — Димыч присел на старый корпус от гитарной мартышки — не так давно Федяшин выковырял из него начинку: динамик и прочие радиотехничности. Начинка ныне успешно обитала в другом корпусе, рассчитанном и собранном лично Шуриком. — Все, что ты затеял.

— С подробностями или без? — уточнил Федяшин.

— С подробностями. Но чтобы я понял.

Шурик закатил глаза, всем видом показывая: либо с подробностями, либо так, чтобы ты понял.

— Ну, ладно, ладно... — смягчился Димыч. — Совсем уж в дебри физики не лезь. Но понять я все равно хочу.

Шурик с сомнением покосился на свой талмуд, но потом махнул рукой и отвернулся. Похоже, он окончательно

осознал, что его рабочие записи остальным решительно непонятны.

— Тогда я не буду тебе описывать современные представления о связях времени и пространства. Буду краток. Шесть лет назад один немец, физик Бертольд Нёрман вывел очень наглядную, но спорную зависимость. Основное, что из нее следовало, это то, что физическое тело способно покинуть основной вектор временного потока, сместиться относительно него и вернуться, но уже на ином отрезке. Другими словами, попасть в прошлое.

— Или будущее, — ввернул Димыч.

— Нет. В будущее невозможно сместиться. Понимаешь, будущее еще не наступило. Вектор туда просто не тянется, энергия на поддержание временного потока еще не затрачена. Так что...

— Жаль, — вздохнул Димыч.

— Величина абсолютного смещения по вектору и срок, в течение которого материальные тела будут находиться в ином времени, напрямую зависят от затраченной энергии. Поэтому во времена динозавров я вас запихнуть при всем желании не смогу — у меня нет собственной атомной электростанции.

— И соответственно запихнуть в тот же семьдесят девятый надолго — тоже не сумеешь. Так?

Шурик с сожалением вздохнул:

— Снова не так. Закон сохранения энергии знаешь? В полном соответствии с ним затраченная энергия на перемещение в прошлое должна выделиться при возвращении. Иначе цикл оборота энергии останется неполным. Ну, будут, разумеется, некоторые потери, которые в принципе нетрудно компенсировать. Полное путешествие во времени — это не только прыжок в прошлое, это еще и возвращение в исходную точку. Короче: у меня хватит мощности запихнуть вас в семьдесят девятый год на сорок семь часов. Меньше — будут сложности с возвращением. Больше — не хватит энергии. Я все просчитал, причем не один раз. Показывал Доку — он

сказал, что численные операции проведены без ошибок. Так что... если сработает — вернемся, не дрейфь.

— Да я не дрейфлю. Ладно. Будем считать, мы тебе поверили. Теперь понять бы, что нам делать на русском Вудстоке...

— Как что? — удивился Шурик. — Выступать! Такого аппарата, как у нас, в те времена даже «Черный доктор» не имел! Они там все вспотеют и обоссутся от радости! А светотехника? Тогда ж ни фига не применялось, выходили патлатые рожи на сцену, становились по стойке «смирно» и пели песенки. А я вам такое лазерное шоу зафигачу, на Луне видно будет!

— Хм... — задумался Димыч.

Пытливый и изобретательный его ум уже ухватил основную идею.

— А нам, стало быть, не хило будет разучить десятка два реальных боевиков последнего десятилетия... Как шарахнем «Обмен ненавистью» или «Череп на рукаве» — народ вообще в осадок выпадет!

— Верно мыслишь! — расплылся в улыбке Федяшин.

Димыч некоторое время молчал. Глаза его горели, в голове роились десятки сногшибательных планов.

— Когда, говоришь, можно будет двигать в прошлое? — уточнил он.

— Восьмого июля. Ровно через двадцать четыре дня.

— Успеем! — выдохнул Димыч. — Успеем все содрать и разучить.

— А если вдруг в Бологое попасть не обломится, — донеслось от дверей, — то те же боевики мы с успехом выкатим на «Ялтинском сборе» в августе.

Шурик с Димычем обернулись. Недостающий состав «Проспекта Мира» стоял в дверях подсобки и последние минуты, затаив дыхание, явно внимал разговору.

— Ну, Андрюха, — развел руками Димыч. — Ты как всегда прав! Стало быть, в Ялту едем?

— Едем. Только что Портнова звонила. Мы закрываем первое отделение.

4. Shades of Deep Purple (1968)

К пятому июля «Проспект Мира» успел обкатать полтора десятка самых убойных песен десятилетия. Шура Федяшин, последние дни не вылезавший из подсобки, наконец выполз, прищурился на лампочку и не терпящим возражений тоном изрек:

— Завтра с утра стартуем. Иначе рискуем не успеть.

— Не успеть? — удивился Андрюха. — Три дня еще!

— Ну, не три, а два с половиной. И потом, вдруг задержка какая-нибудь случится. Обидно будет. Отчиму я уже звякнул, трейлер пива он выделил. Причем на этот раз на халяву — можно будет раздать на концерте. То-то болелы порадуются.

Остаток дня ушел на погрузку аппарата и закупку походной жратвы. О выпивке, понятное дело, тоже не забыли: пиво пивом, а перед выступлением и чего покрепче не помешает.

Заночевали прямо в «Десне». С утра Данил мотнул на заправку, залился под завязку, «Проспект Мира» и сочувствующие лица погрузились и экспедиция в прошлое стартовала.

На выезде из города следом пристроился трейлер с логотипами «Пиво «Янтарь» на широченных плоских боках.

— Точка перехода расположена за Киевом, — изволил сообщить Шура. — Кто рулить хочет, распределяйтесь. Я — пас. Надо дообсчитать кое-что.

Рулить помимо Данила умели Андрюха, Игорь и Малый. Плюс еще один из сочувствующих — Леха Азиатцев по прозвищу Муромец.

«Десна» резво катила по киевской автостраде, окаймленной сплошной цепочкой мотельчиков, закусокных, заправок, техсервисов, придорожных лавчонок. Ничего особо привлекательного в поездке не было — народ либо отсыпался, либо резался в нарды. В кабине «Десны» прочно засел Димыч, да изредка сменялись водители. Киев обошли по восточной объездной.

С этого момента Шурик стал особенно часто сверяться с подробной топографической картой, с недавних пор укра-

сившей внутренней борт «Десны», и особо тщательно вынюхивая что-то в сети.

Наконец он шепнул в переговорник:

— Эй, рули! Притормаживай! Прибыли.

Трейлер в это время вел Игорь Коваленко, барабанщик. Характера он был ровного и довольно флегматичного, поэтому без комментариев прижался к обочине и выжидательно взглянул на Димыча.

Тем временем наружу выпрыгнул Шурик с ноутбуком под мышкой и мобильником на груди. Димыч тоже покинул кабину. Вдвоем они минут двадцать шатались по окраине придорожного поля, на котором росло что-то низенькое и зеленое. Затем вернулись.

— Эй, рули! Эта байда по полю пройдет? — Шурик кивнул на сияющую рекламными красками «Десну». — Надо будет съехать с трассы.

— Пройти-то пройдет, — пожал плечами Игорь. — Только ехать быстро не сможет.

— Скорость нам ни к чему, — авторитетно заявил Шурик. — Ладно, до перехода еще часа три. Давайте-ка вернемся к той лавке, что недавно проехали. Пожрать закупим.

Пожрать никто не отказался. Тем более что трейлер с пивом следовал в хвосте. И запустить туда лапу не составляло никакого труда.

— Слушайте, коллеги! — обратился к спутникам Димыч по пути ко входу в придорожную лавку «Елисеев и сыновья». При этом Димыч опасливо покосился на вышагивающего следом водителя пивного трейлера, который, понятное дело, ни о какой фантастике и перемещениях во времени слыхом не слыхивал. — А ведь надо учесть одну мелочь! Деньга-то у нас старая и новая вперемешку! Нужно купюры девяносто второго года отсеять. А то, прикиньте, в семьдесят девятом расплачиваться ассигнациями с ликом государя императора Николая третьего... Могут и в участок загреть, с городских станется.

— Дык, фестиваль-то не в городе, в чистом поле... Какие там городовые? — неуверенно возразил кто-то из болельщиков.

— Ну, не городовые, ну, полицейские будут. Загребут, а нам как раз возвращаться...

— Ты, прям, мои мысли читаешь, — в одобрительном ключе высказался Шурик. — Предупреждаю: никаких эксцессов с властями. Через сорок семь часов после перехода мы как штык должны вернуться. Причем в полном составе, люфт по массе весьма невелик. Так что давайте! Новые купюры — по дальним карманам. И монеты отсейте новые.

— Тьфу! — в сердцах сплюнул Андрюха. — У меня только это! — и продемонстрировал нераспечатанную банковскую упаковку новеньких двадцаток.

— Прячь! — неумолимо велел Шурик. — Я готовился. У меня только старые бабки.

Закупились, перекусили, попили пивка, заботливо убиравая пустые банки в пластиковый контейнер. В болтовне о предстоящем путешествии и вожделенном концерте незаметно прошло больше двух часов.

— Пора, — наконец скомандовал Шурик. — Все в будку, наружу никому носа не казать. Димыч... иди-ка к водиле пивняка. Успокоишь его, если что, — думаю, при переходе будут некоторые визуальные спецэффекты. Скажи, чтобы просто держался нашей кормы, метрах в пяти-семи. Мы медленно пойдём и без рывков. Мобильник, если что, держи наготове.

— Понял, — с готовностью согласился Димыч. — Успокою, не боись.

— Андрюха, за руль! Остальные — ховайсь!

Народ дружно полез в «Десну». Спустя несколько минут «Десна» и пивной трейлер медленно сползли с трассы в чистое поле (к вящему удивлению водителей проносающегося мимо транспорта) и замерли. Димыч не выпускал из руки мобильник.

— Че это мы? — удивленно спросил у Димыча водитель трейлера, сорокатрехлетний мужичок с испещренным красными прожилками носом, что выдавало пагубную страсть к горячительным напиткам.

— Да это... — принялся вдохновенно врать Димыч. — Магнитная буря надвигается. Молнии могут вдоль трассы встретиться. Шаровые — слышали о таких?

— Молнии? — недоуменно переспросил водила. — Читал в детстве...

— Во! А у нас ведь колонки в «Десне», усилители — не дай боже испортятся! Да и...

Договорить он не успел — выкнул самописной мелодией мобильник.

— Алло! — отозвался Димыч без промедления.

— Готовы? — справился Шурик.

— Ага! — подтвердил Василевский и повернулся к водиле: — Кузьмич, сейчас потихоньку пойдём вперед. Держись за бампером, метрах в пяти-семи. Идти будем медленно, верст пятнадцать в час, не больше.

— Ладно, — буркнул водила, соглашаясь. По всему было видно, что происходящее он считает совершенной блажью, но спорить не собирается: жалованье за поездку ему полагалось более чем солидное.

— Двинули! — скомандовал Шурик.

— Двинули! — повторил Димыч.

Два грузовика медленно поползли по окраине поля.

Сначала не происходило ровным счетом ничего: протекторы с затейливым рисунком ярославского «Медведя» безжалостно вминали зелененькую фермерскую поросль; Димыч даже забеспокоился: а ну как сейчас хозяева набегут? Но потом вокруг вдруг сразу стало темнее, окрестности внезапно заволочились непроглядной лиловой мутью, туманом, дымкой.

Кузьмич шурился, пристально глядя вперед. Бампер «Десны» еле-еле угадывался в нескольких метрах прямо по курсу.

А потом предупредительно пискнул мобильник. Димыч взглянул на экранчик. Связь с Шуриком прервалась, да и вообще аппарат, надежный и простой, проверенный временем и снегом «Спутник», потерял сеть.

Напрочь. Хотя роуминг вдоль основных трасс гарантировала любая компания мобильной связи, что «Россия», что «Небо-ТФ», что «ДемидовЪ».

За окнами грузовика продолжал клубиться туман, в котором бродили более темные смерчки, возникали особо фиолетовые, как казахский мускат, сгустки. Димыч не мог сказать, сколько продолжалась эта феерия — может, мину-ту, может, больше. Но закончилась она так же внезапно, как и началась.

Пасмурный вечер сменился безоблачным утром — ранним-ранним, солнце едва взошло, не успев даже потерять багровость и набрать нестерпимый глазу блеск. Вместо зелененькой фермерской поросли под колесами машин теперь колосилась чахлая пшеница или еще какой ячмень — в агрономии Димыч был не силен. Дорога по-прежнему оставалась слева, но теперь она лежала гораздо дальше, чем могло показаться, и выглядела неприятно пустынной. Даже со скидкой на ранний час.

«Десна» впереди дала по тормозам и остановилась; Кузьмич автоматически среагировал так же. Все-таки он был классным водилой.

Димыч выскочил наружу, сжимая в руке мобильник. Сеть по-прежнему не ловилась. Неудивительно — откуда ей взяться в семьдесят девятом году?

Было одновременно и весело, и страшновато. Неужели удалось? Неужели кудеснику Шуре Федяшину посчастливилось обмануть неумолимое время?

Странно: до перехода Димыч верил в возможность темпорального сдвига больше и охотнее. Теперь откуда ни возмись вылупился червь сомнения и принялся грызть — настырно, назойливо, упрямо.

Пионерам всегда труднее остальных. Что первому мореплавателю-неандертальцу, оседлавшему бревно, что Колумбу, первому из белых людей ступившему на австралийский берег, что Леониду Титову и Юрию Гагарину во время шага с трапа космолета на лунный грунт.

«Еще немного, — подумалось Димычу, — и шастать по временам станет так же привычно и буднично, как ездить в метро».

Отворилась дверь «Десны», из кубрика горохом посыпался народ. Шурик Федяшин и Андрюха Шевцов выпрыгнули из кабины. Федяшин неотрывно глядел на экран ноутбука.

— Ну что, коллеги, — вздохнул он. — Поздравляю. Мы в прошлом. Шесть восемнадцать утра, пятнадцатое августа тысяча девятьсот семьдесят девятого года. Через одиннадцать часов в полутьще верст отсюда стартует русский Вудсток. По коням: нам еще доехать нужно и заявиться. И аппарат расставить. Так что гнать будем шустро.

— Мамочки-и-и, — неверяще протянул Леха Азиатцев по кличке Муромец. — Утро. Надо пива хватить.

По близкой дороге неторопливо проехал легкий грузовичок с фургоном безрадостного грязно-серого цвета. Форма кабины его выглядела столь уныло и уродливо, что грузовичок казался гигантской игрушкой для неприятельных карапузов. Сияющие рекламой борта «Десны» и трейлера-пивняка разительно контрастировали с этой пародией на транспортное средство, не меньше, чем пасмурный вечер двадцать первого века в мгновении старта с праздничным утром века двадцатого в мгновении финиша.

5. Machine Head (1972)

Уродливый грузовик они обогнали только минут через пять. Вместо отличного автобана Киев — Смоленск имелась раздолбанная асфальтовая ниточка, многожды латанная. Латки были выполнены не асфальтом, а в виде залитой мерзким гудроном щебенки. Гнать больше шестидесяти верст в час по такой, с позволения сказать, дороге мог только законченный псих. Однако близнецы и дальние родственники недавно встреченного монстра от автомобилестроения без зазрения совести решались на это, словно убиваемые ухабами мосты им было ничуть не жаль. Если, конечно, не попадался впереди какой-нибудь особо карикатурный тихход, обогнать которого было тоже мудрено: дорога имела

всего две полосы, по одной в каждую сторону. Приходилось выжидать, чтоб в череде встречных машин случилась достаточная для обгона прореха. Езда в таком ритме выматывала нервы, Андрюха за рулем «Десны» отчаянно матерился, Димыч, вцепившись в рукоятку, изредка вторил ему, а Шурик, сидящий справа, только загадочно ухмылялся.

— Ну и дорожка! Не думал, что наши предки строили такую пакость... А еще говорят, будто у России два счастья: гении и автострады.

Димыч грустно вздохнул и потянулся к радиоприемнику. Однако на всем ЧМ-диапазоне нашлось только ровное шипение чистого эфира. Ни одной радиостанции не работало.

— Блин! И радио у них не было, что ли, в семьдесят девятом?

— Скорее ретрансляторов вдоль дорог нет, — подсказал умный Федяшин.

— Вдоль таких дорог вообще ничего нет! — фыркнул Андрюха. — Не то что ретрансляторов! Двадцать верст уже отмахали — хоть бы одна лавчонка завалящая или заправка! Поля да поля...

Наконец Димыч допер переключить приемник в АМ-диапазон и довольно скоро поймал вполне мощный и чистый сигнал. Прозвучали незнакомые позывные, шесть раз пикнуло и на удивление строгий и официальный голос дикторши объявил:

«Вы слушаете «Маяк». Московское время — шесть часов...»

— Шесть? — Димыч машинально глянул на свой понтонный механический «Крым», точности которого обзавидовались даже швейцарцы. — Не семь?

«Крым» его показывал семь — так подсказал перед выездом Федяшин. Все и перевели часы, чтоб не путаться.

— Хм... — удивился Федяшин. — Почему шесть?

— А, понял! — буквально в следующую секунду осенило его. — В семьдесят девятом еще не было перехода на летнее время! Хе-хе, так у нас даже лишний час в запасе есть до начала концерта! Хотя, с другой стороны, и сваливать на час раньше придется...

Димыч удрученно вздохнул:

— Вот всегда так! На ровном месте возьмут — и сопрут час...

Дикторша тем временем несла какую-то жуткую пургу о закромах родины, пятилетке досрочно, трудовых свершениях доярков и ратных подвигах сталеваров. Голос ее оставался все таким же умопомрачительно официальным — обращения государя императора к народу и то более живыми головами обычно озвучивают. За четверть часа передача ни разу не прервалась рекламой.

Потом без видимого перехода «Маяк» принялся клеймить заокеанских империалистов, якобы нагнетающих напряженность, хотя, насколько Димыч и остальные помнили историю, в конце семидесятых Америка сидела в полной экономической заднице и никакой напряженности нагнестти была просто не в состоянии. Арабы тогда пошаливали в Северной Африке, это правда, но бравый миротворческий контингент британцев и русских как раз летом семьдесят девятого за считанные дни вышиб из них дурь как минимум на четверть столетия.

В общем, прошлое оказалось чужим и отчаянно непривычным. Для успокоения нервов пришлось выпить по баночке пива. Даже Андрюха приложился — ему выдали из ящика специально захваченного «Шоферского», слабоалкогольного.

А буквально спустя пару минут дорожный инспектор в нелепой форме требовательно махнул полосатой палочкой и пришлось прижиматься к обочине.

6. Stormbringer (1974)

Никто, ясное дело, и не подумал вылезать из кабины. Андрюха только совсем опустил боковое стекло, до того полуопущенное.

Инспектор некоторое время тарашился на грузовики, потом переглянулся с напарником, сидящим в желто-голу-

бой машине с допотопной конической мигалкой, и нерешительно дернул головой. Напарник его тут же вылез.

Оба неторопливо приблизились.

— Старший сержант Белов! — козырнул инспектор, буравя глазами Андрюху. Тот как ни в чем не бывало отхлебнул пива и протянул водительское удостоверение.

Старший сержант Белов уставился на обычные права — небольшой, размером с карманный календарик, прямоугольный документ, аккуратно закатанный в ламинат. С документа на инспектора глядели фотодвойник Андрюхи Шевцова и державный российский двуглавый орел.

Инспектор принял права Андрюхи так, словно это была бомба.

Разглядывал он их непривычно долго. Потом, многозначительно переглянувшись с напарником, странно изменившимся напряженным голосом сказал:

— А-а-а... Путевой лист покажи...

И секунду спустя:

— ...те! Пожалуйста!

«Пожалуйста» в его устах звучало с непонятной осторожностью в интонации.

— Чего? — не понял Андрюха. — Какой лист? Может, документы на машину? Вот, будьте любезны...

Он полез за откидной солнцезащитный демпфер и вынул техпаспорт «Десны», а заодно и регистрационный талон южного отделения «Руссо-Балта»: инспектор, как видно, попался редкий зануда. В какой-то момент Андрюха едва не выронил техпаспорт и неловко дернулся, расплескав чуть не полбанки, которую так и не выпустил из рук. В кабине остро запахло пивом.

Старший сержант Белов мигом забыл о документах. Шевельнув носом, он вдохнул аромат «Янтаря». На лице последовательно отразился процесс узнавания.

— А что это ты... вы пьете? — спросил он, снова сменив тон. Теперь в голосе прослеживалось давление и злорадство, как у лавочника, который поймал на горячем мелкого воришку.

— Пиво! — признался Андрюха, демонстрируя зеленую полосу, неизменный атрибут слабоалкогольного «Шоферского».

— За рулем? Пиво? — зачем-то переспросил инспектор, хотя было вполне понятно, что он и с первого раза все прекрасно расслышал.

— Так «Шоферское» же! — в который раз удивился ничего не понимающий Андрюха. — Там алкоголя всего два оборота!

— Блин! — в отчаянии прошептал Федяшин на ухо Димычу. — «Шоферское» в семьдесят девятом, наверное, еще не делали!

Димыч успел подумать, что черт знает где, между Киевом и Москвой вполне могут и не знать пива «Янтарь». Это не черноморский юг, где «Янтарь» каждая собака знает и любит.

— Выйдите из машины! — потребовал инспектор Белов.

Его напарник все время молча стоял рядом, лишь изредка бросал недоверчивые взгляды на сияющие обода и трубы «Десны» и на глянцевую роспись бортов.

Андрюха тяжело вздохнул, поставил почти пустую банку на торпеду, открыл дверь и выпрыгнул на дорогу, привычно оборачиваясь к машине и закладывая руки за голову.

— Вы тоже! — не успокаивался инспектор.

Димыч и Шура Федяшин покорно полезли наружу, причем, разумеется, не через пассажирскую дверь, а через шоферскую. Руки они подчеркнуто держали на виду.

Инспектора это, похоже, удивило, потому что он несколько секунд таранился на высадку Димыча с Шурой. Оба в итоге пристроились рядом с Андрюхой, как положено, лицом к машине, руки за головой, ноги чуть-чуть расставлены.

Народ в кубрике «Десны», словно почувствовав неладное, затаился. Ни звуком не выдавал присутствия.

Инспектор, похоже, растерялся вторично. Интересно, а чего можно было ожидать от водилы и пассажиров в ответ на требование покинуть машину?

Трое из будущего какое-то время стояли, словно преступники, рожам в грузовик, а инспектор о чем-то шепотом совещался с напарником.

— Слушай, Димыч, — тихонько сказал Федяшин. — Никакие это, на фиг, не дорожники. Глянь, вообще затормозились. Чушь какую-то несли...

— А кто ж тогда? — удивленно переспросил Василевский тоже шепотом.

— Форма странная какая-то... — продолжал Шурик. — Никогда в доринспекции такую не носили, даже в семидесятые. Да и оружия у них нет. Где «Силаевы» штатные, а?

Прежде чем Димыч успел возразить или помешать, Федяшин вдруг проворно метнулся к шепчущимся «инспекторам», на ходу выуживая из кармана газовый пистолет, с которым никогда не расставался. Патрончики у него были ядерные — случилось однажды убедиться. Полчаса верной лежки гарантировано, если не час.

«Пок! Пок!» — дважды пролаяло оружие.

Оба «дорожника» кулями рухнули под колеса «Десны», кашляя и захлебываясь. Федяшин, моментально спрятав пистолет и прикрыв нижнюю часть лица поллой куртки, схватил одного за шиворот и спешно поволок к обочине.

— Помогайте! — донесся его приглушенный голос.

Димыч рефлекторно подчинился. Совершенно не задумываясь.

Глаза почти сразу стали противно слезиться. Андрюха тем временем занял место за рулем.

Вовремя: едва успели впрыгнуть в кабину, приоткрылось окошко из кубрика и полупьяный голос Малого осветомился, «какого хера стоим и когда двинем, время-то идет!»

— Едем, едем! — процедил Андрюха мрачно.

«Десна» тронулась, постепенно набирая ход. За нею двинул и пивной трейлер; глаза у Кузьмича ввиду последних событий сделались круглые и здоровенные, как два мини-диска. Хотя никто этого, понятное дело, не оценил. Желто-голубая машина с допотопной мигалкой и два истекающих соплями тела на обочине быстро пропали с мониторов заднего вида.

7. Fireball (1971)

Тут уж и самим пришлось гнать, невзирая на ухабы!

«Десна» и пивной трейлер кометами неслись по поганой местной трассе.

Ублюдочная легковая мелочь боязливо жалась к обочине, позволяя себя обогнать. Карикатурные грузовики, похоже, просто не в состоянии были состязаться с могучими руссо-балтовскими моторами двадцать первого столетия.

Димыч боялся только одного: далеко им не сбежать, если дорожники все же настоящие. Передадут по рации, и привет — вся служба ополчится на два приметных фургона. На фоне тусклых местных автомобилей два расписных красавца сияют как неоновая реклама в сумерках. И не хочешь, а обратишь внимание.

Впрочем, опасался Димыч зря. Когда старший сержант Белов оклемался до той степени, которая уже позволяет совершать осмысленные поступки, он пришел к простому и однозначному выводу: доложишь начальству — примут за идиота. Подобные происшествия на дорогах Страны Советов были даже не редкостью — чистой фантастикой. А начальство фантастики не любит.

Попадешь под горячую руку, отгрузят по загрузку по первое число...

Когда же выяснится, что никакая это не фантастика, а самая что ни на есть реальность — будет уже поздно. Никто не вернет снятую премию, не снимет выговор, не восстановит в должности... Оно надо? Пусть другие подставляют шеи, если охота. Старший сержант Белов никаких подозрительных грузовиков, словно сошедших со страниц западных автожурналов, сроду не видывал, кроме как в тех же журналах. Ни-ни. И напарник не видывал — правда ведь, Гуля? То-то же!

К тому же Белов сильно подозревал, что начальство в первую очередь потребует номера обоих грузовиков. Дабы опознать их и в случае чего не наступить ни на чью большую мозоль и не вляпаться в неприятности покрупнее масшта-

бом. А номеров-то старший сержант как раз и не запомнил. Как-то даже взглянуть не удосужился, до того не вписывались странные грузовики в окружающую реальность.

Так что опасался Димыч зря.

Москву решено было оставить восточнее и рвать мимо Смоленска. Трасса шла совсем не так, как было указано в атласе, но выбирать нынче не приходилось. Тем не менее убогая грязно-белая табличка, а затем и пошарпанная стела с безвкусными металлическими буквами были встречены с некоторым облегчением.

«Смоленск».

И еще: незадолго до стелы с табличкой у дороги попалась стеклянная башенка дорожной инспекции, почему-то увенчанная непривычной аббревиатурой ГАИ. Все ожидали самого плохого: остановки и немедленного ареста. Но инспектор у башенки шмонал какого-то беднягу-автолюбителя, а второй в башенке сидел, уткнувшись в раскрытую книгу, и на дорогу не глядел. В общем, пост они миновали без задержек.

— Вот видишь! — повеселел Федяшин. — Я ж говорил, никакие это были не дорожники. Бандиты, наверное, дань с грузовиков берут.

— У инспектора на посту форма была точно такая же, как и у тех двоих. И кобуры я опять-таки не заметил... — угрюмо прокомментировал Димыч, поправляя круглые очки.

Федяшин не ответил. Только скорбно засопел.

Некоторое время все молчали; потом Андрюха отвлеченным тоном заметил:

— Заправиться надо бы... Соляры верст на полста осталось.

— А вон и заправка! — Федяшин ткнул пальцем в лобовое стекло.

Заправка выглядела, как и все здесь, убого и странно. Ни тебе закусочной, сверкающей зеркальными стеклами, ни тебе дорожного сортира, ни тебе станции техобслуживания, ни телефонных кабинок.

Пыльные, грязные допотопные колонки с такими же пыльными грязными шлангами. Масляные пятна на дрян-

ном асфальте. Никаких рабочих в форменных комбезах — похоже, водитель был обязан сам отвинчивать крышку бака, вставлять пистолецихе в горлышко и глотать октановые пары.

И — опять! — ни единого рекламного щита! Не говоря уже о щите-ценнике.

Семьдесят девятый год представлялся проспектовцам совершенно иначе.

Андрюха мигнул Кузьмичу и зарулил на территорию стоянки. «Десна» остановилась в метре от донельзя выцветшего и сильно покоробившегося стенда с небрежно намалеванным красноватым стягом, плакатными фигурками допотопных работяг и сюрреалистическим изречением «Коммунизм победит».

Кого именно коммунизм собирается побеждать — прошлое умалчивало.

8. Perfect Strangers (1984)

Единственное, что не отличалось от привычного, — окошечко кассы.

— Я ша... — буркнул Андрюха и выпрыгнул на асфальт. На ходу доставая деньги, он пошел платить.

Народ в кубрике тем временем решил размять конечности и полез наружу. К приоткрытой двери кабины приблизился Данил Сергеев. Глаза у него масляно поблескивали — не иначе публика успела принять граммов по двести на грудь.

— Сменить не нужно? — участливо поинтересовался он.

Федяшин подозрительно уставился на него.

— Ты ж бахнул уже! — сказал он с нажимом.

— Игорь не пил, — довольно сообщил Данил. — Ему выходить лень, в гамаке изволит почивать. Но если надо сменить — сказал сменит.

— Ша решим, — пообещал Федяшин.

Он отвлекся неспроста: обратил внимание на Димыча. А Димыч с тревогой глядел сквозь подернутое радужными от-

светами лобовое стекло на действия Андрияхи у кассового окошка.

Андрияха чуть не по пояс влез внутрь; руки его тем не менее оставались снаружи, причем Андрияха бурно жестикулировал. По характеру жестов догадаться о предмете разговора было столь же трудно, сколь счесть звезды на небе или песчинки на пляже.

— Че-то не клеится, — мрачно изрек Димыч. — Не поездка, а какая-то сплошная жопа. Как тут наши предки жили, в этом долбаном семьдесят девятом?

— Как-то жили, — буркнул Федяшин. — Пошли разберемся.

Они по очереди покинули кабину «Десны». Димыч хмуро покосился на стайку болел, выползших из кубрика покурить. Поскольку курилки на заправке тоже не обнаружилось, народ просто отошел метров на тридцать, к чахлым деревцам на отшибе, где у некогда красной, а ныне насквозь проржавевшей пожарной бочки криво торчал из слежавшейся земли кое-как укомплектованный пожарный щит, а под ногами полным-полно валялось разнокалиберных окурков.

— Что такое, Андрияха? — Шурик хлопнул административного гения группы по спине.

Андрияха осторожно извлек плечи и голову из окошка. Лицо у него было таким растерянным и обиженным, словно он только что воочию убедился: Земля плоская, а солнце и луна приколочены к хрустальному своду дюралевыми гвоздями.

— Соляры нету, — похоронным тоном объяснил Андрияха. — А хоть бы и была, то только государственным машинам и только по талонам. За бабки — шиш.

— Как это? — не понял Шурик. — Что значит — нету?

— Эй, ребята! — донеслось вдруг из окошка. — Вы что, из Финляндии, что ли? Не понимаете, как не может быть соляры? А что у нас, ептыть, есть вообще, а? Кроме любимой партии...

— Так! — нашелся Димыч. — Пойдемте-ка погутаим...

— Куда? — недовольно спросил Андрияха.

— Да вот... хоть в магазин. Жратву наша банда, поди, уже всю схарчила. Ну и курева своего вонючего небось прикупите.

— Да, кстати! — встрял подошедший Костя Ляшенко. — Я как раз хотел сходить. Вон какая-то лавка виднеется.

За куревом выдвинулась делегация человек в восемь, включая Кузьмича из пивного трейлера.

Над лавкой висела замызанная вывеска с уклончивым названием «Продовольственные товары». А товаров внутри было... В общем, остолбенели все.

Плавленные сырки такого вида, словно их грузили вилами, вековой твердости пряники и березовый сок в неряшливых и пыльных трехлитровых банках.

Больше в магазине не нашлось НИ-ЧЕ-ГО. Пустые полки и витрины. Пустые холодильные шкафы странного облика, к которым никак не подходило ласковое и щемящее понятие «ретро».

Толстая равнодушная тетка в застиранном белом халате, не поднимая головы, зло спросила:

— Ну, чего пялитесь? Будете что брать или как?

Ошарашенные гости из будущего нерешительно топтались у входа.

Проходить боялись — может быть, из опасения исчезнуть вслед за исчезнувшими из лавки товарами. Ибо какой смысл держать такой торговый зал пустым? Одна аренда сожрет и перекроет любую выручку этой жуткой пародии на магазин.

— Нет, спасибо, — пробормотал Димыч и пулей вылетел наружу. За ним потянулись и остальные.

— На сколько еще хватит соляры? — мрачно осведомилс Димыч, когда вернулись к автомобилям.

— Ну, верст на пятьдесят — семьдесят, — пожал плечами Андрюха. — А у тебя, Кузьмич?

— Так же, — коротко ответил тот.

— Кассир посоветовал мне отъехать чуть дальше, встать за кольцом и постопить бензовозы. Сказал, их там много с нефтебазы шастает. И за червонец зальют баки доверху.

— Так поехали! — решительно заявил Шурик. — Давай, банда, в кубрик, время не ждет!

— Сменить на... — опять затянул было Данил, но Андрюха оборвал его одним-единственным жестом. Данил осекся на полуслове и покорно побрел в кубрик.

До кольца было совсем недалеко — только успели отъехать от негостеприимной заправки и миновать негостеприимные «Продовольственные товары». Вдоль дороги незаметно встали угрюмые и безрадостные серые заборы, приземистые, казематного вида строения высились за заборами. Андрюха приткнул «Десну» у бордюра за ближайшим же перекрестком, не забыв протянуться и оставить место для трейлера Кузьмича. Словно по заказу в сотне шагов от этого места на противоположной стороне улицы зеленел свежеекрашенный киоск с веселенькой надписью «ТАБАК» на жестяном карнизе. Пока Андрюха с Шуриком ожидали обещанные бензовозы, курильщики решили пополнить запасы отравы.

К киоску первыми подошли Данил, Костик и Малый.

Выбор курева оказался небогатый — шесть сортов. Все незнакомые. И если первое удивляло, то второму залетные гости из двадцать первого века не слишком удивились. В их родном времени новые сорта сигарет возникали чуть не каждую неделю, чтобы потом бесследно исчезнуть.

Странно, что в продаже не оказалось ни одной старой почтенной марки вроде «Дуката». И импорта не оказалось — вездесущих «Camel» или «Winston». Имелись «Столичные» и «Фильтр» в совершенно незнакомых пачках, копеечные сигареты «Новость», бесфильтровые «Прима» и папиросы (судя по надписям) «Беломорканал» и «Волна»; последние три сорта — в грубых картонных пачках, каких никто сроду не видывал.

— Бдя, ну и выбор, — хмыкнул Данил. — Что рискнем?

— Я — «Фильтр», — решительно выпалил Костик и протянул в окошко десятку. — Пять пачек!

Стоил «Фильтр» сушие гроши — семьдесят копеек.

Остальной народ тоже полез за деньгами. Перспектива курить незнакомое почему-то никого не испугала — наобо-

рот, хотелось экзотики, древности, чтоб потом можно было обронить ворчащему деду: «Фильтр»? Да курил я ваш «Фильтр», гадость редкая...»

Не тут-то было.

— Что это ты мне даешь? — возмутилась тетка-продавщица. — Деньги давай!

Костик озадаченно взял назад свою десятку и уставился на нее.

Десятка как десятка. Портрет государя императора, Сенатская площадь... На обороте — двуглавый орел, все как положено.

— А это разве не деньги? — осторожно спросил он.

— Ты б еще керенки принес! — фыркнула тетка презрительно. — Напьются и хулиганят! Управы на вас нету, ироды!

— Так! — насторожился Данил. — Я гляжу, у Димыча с Андрюхой тоже проблемы!

Все обернулись. Упомянутые двое бурно общались с водилой таки отловленного бензовоза. Что-то у них явно не ладилось.

— Ну-ка, пошли все! — скомандовал Данил.

Толпа неудовлетворенных курильщиков послушно последовала за ним. Но пока дошли, водила бензовоза успел запрыгнуть в кабину своего уродца и укатить вдоль по улице, гремя цепью.

— Что такое? — спросил Данил у Андрюхи с Димычем.

Андрюха нервно развел руками:

— Да бабки наши ему не понравились...

— Во-во! И тетка-табачница не взяла!

Подошел хмурый Федяшин. Димыч мрачно взглянул на него и изрек сквозь зубы:

— Ну, что? Ты уже догадался, что происходит?

— Почти, — хмуро подтвердил тот.

— А что происходит? — заинтересовался Андрюха.

— А то, — пояснил Димыч. — Это семьдесят девятый год, но не наш. Это какая-то другая ветка истории. Здесь все не

так, как у нас. Другие деньги. Другие машины. Лозунги, вон, какие-то дурацкие...

Все невольно поглядели на ближайшую угрюмо-серую пятиэтажку, увенчанную безыскусными рябыми буквами, складывающимися в короткую и абсолютно ничего не говорящую надпись: «Слава КПСС».

— Что еще за ветка? — не понял Костик.

— Ветка истории. В этом мире, к примеру, в Первой мировой победила не Россия, а Германия с Англией. И пошло-поехало...

— А у нас в Первой мировой победила Россия?

Димыч с досады фыркнул:

— Ты в гимназии вообще не учился, что ли?

— Да я историю вечно прогуливал, — беспечно признался Костик. — У нас такая мымра училка была...

Вмешался Андрюха:

— Это все, конечно, безумно интересно... Да только время идет.

— А что время, — меланхолично заметил Федяшин. — Время нам теперь до задницы. Если это другая ветка, вряд ли здесь в те же сроки и в том же месте пройдет русский Вудсток.

Эта простая и разящая наповал мысль потрясла всех проспектовцев, кроме разве что Димыча, который и сам дошел до аналогичной мысли.

Последний месяц они жили этим фестивалем. Они уже не мыслили себя без него и вдруг — все рухнуло словно картонный домик. В одночасье.

— Бабки местные все равно нужны, — вздохнул Федяшин. — Заправиться и вернуться в точку перехода. Надеюсь, назад мы попадем в свою ветку... Что-то я не учел. Помимо перехода во времени и пространстве, видимо, происходит и вероятностный сдвиг, и мы проваливаемся в параллельный мир. Не из-за этого ли...

Шурик вдруг умолк, задумчиво поскреб макушку, а потом с невнятным «я сейчас» отбыл в сторону «Десны», где

немедленно сунулся в кубрик, надо понимать — в свой по-таенный угол, к ноутбуку и любимому талмуду.

— Ё-моё, — протянул Малый, наконец-то впечатлив-шись. — Параллельный мир! Охренеть можно.

— Да хоть перпендикулярный, — буркнул в сердцах Ди-мыч. — Главное — он чужой. Совсем чужой. Точнее, мы здесь чужие.

9. Purpendicular (1996)

— Ладно, не паникуйте. — Андрюха уже взял себя в руки. — Продадим чего-нибудь. У Шурика всякого барахла по загошнякам валом. Мартышку какую-нибудь загоним, ди-намик... Пульт вроде менять собирались. Я бы бас свой ски-нул, какие проблемы?

— Надо еще местных музыкантов отыскать, — задумчи-во протянул Малый. — Думаешь, успеем?

— И как бы дорожники те несчастные нам на хвост не сели... — добавил Димыч.

— Точно! Надо бы поспокойнее место под стоянку най-ти! А ну, по коням, да поживее мне!

Через какие-то четверть часа был обнаружен глухой ту-пиковый дворик.

«Десна» первой сунулась во дворы, на разведку, и преус-пела в поисках тихого угла довольно быстро, а за оставшим-ся на дороге пивным трейлером Димыч и Андрюха верну-лись пешком.

На улице у обычного в этом мире небольшого ларечка толпился народ, причем почти исключительно мужчины. Чем торговали, было не разобрать, но многие стояли со стек-лянными банками, пластиковыми канистрами и прочими емкостями объемом от литра до десяти. У самого ларька шла вялая грызня и толкотня.

— Чтоб я сдох... — пробормотал Андрюха и принялся.

В сторонке, в тени у низкой ограды палисадничка, не-сколько блаженно щурящихся счастливых пили...

Ну, конечно же, пиво! Им и пахло — дрянным разливным пивом.

— А у нас целый трейлер, — мгновенно схватил суть Димыч. — Загоним десяток ящиков — вот и бабки! Во, толпа какая!

— Точно! — У Андрюхи загорелись глаза. — Только нужно узнать, почему здесь пол-литровая банка! Вон магазин на углу, пошли мотнемся!

Несложная мысль о том, что будь в магазине баночное пиво, то либо здесь не создалась бы толпа, либо там собралась бы такая же, просто не пришла им в головы. Андрюха с Димычем без промедления зашагали в сторону магазина.

Но в перпендикулярном мире все было не так. Во-первых, и эта, с позволения сказать, продуктовая лавка ассортиментом не блистала.

Больше всего музыкантов поразил брикет мороженой рыбы, в котором угадывались отдельные тушки, хвосты и головы. Головы смотрели из толщи брикета сурово и вместе с тем печально.

Димыч интуитивно направился к отделу, где на полках красовались уже знакомые банки с березовым соком. Кроме того, из ценника явствовало, что за десять копеек возможно испить молочного коктейля.

— Скажите, сударыня, а пиво сколько стоит? — учтиво спросил Димыч.

Андрюха Шевцов безмолвно вырос у него за плечом, но и молчаливая поддержка друга дорогого стоила: суровая тетка, которую Димыч назвал сударыней, поглядела на них так, будто оба только что, не отмыв смолу, вознеслись в мир из ада и стоят сейчас все в шерсти, галантно перебросив хвосты через согнутые в локте левые руки.

— Нет пива! — буркнула тетка. — На улице в разлив...

— А если бы было, сколько бы стоила банка... или бутылка? Мы, видите ли, приезжие...

— Да уж вижу, что не местные! — все так же неприветливо фыркнула тетка. — Смотря какое. «Жигулевское» — пятьдесят две копейки. «Ячменный колос» — пятьдесят пять.

— Огромное вам спасибо! — сердечно поблагодарил Димыч, слегка поклонился и принялся отступать к выходу, невольно оттесняя туда же и Андриюху.

Так они и покинули странный магазин, где ничем не торговали — пятясь, как раки.

— Короче, по полтиннику будем торговать. Скинем сотни две банок — на топливо хватит!

Спустя пять минут Димыч осознал, насколько он заблуждался. Нет, пиво пошло на ура, тем более что гости из двадцать первого века, изыскав решимость, подошли к очереди с открытыми банками в руках как раз в момент, когда вождеденное окошко закрылось и за мутным стеклом образовалась белая с черной надписью табличка: «Пива нет». Поэтому очередь охотно переметнулась к трейлеру, как только выяснила, что в банках именно пиво, да еще явно выше качеством, чем в разлив...

В общем, кормовой отсек трейлера опустел за четверть часа. Сорок два полных ящика и россыпь, оставшаяся от набегов из «Десны», ухнули без следа. Димыч удовлетворенно складировал в сумочку-напузник местные купюры — смешные, незнакомые, без родимого двуглавого орла и с профилем незнакомо бородатенького индивида вместо привычного лика государя императора анфас. На купюрах меньше десятки портрета не было: пятерку украшали легко узнаваемые кремлевские башни, только почему-то с пятиконечными звездами на шпилях. Кроме того, наличествовали сюрреалистические зеленые бумажки достоинством в три рубля — не два, а три! Ну и, естественно, рубли. Правильного, кстати, цвета, но вида, понятно, незнакомо. Мелочь тоже была со странностями: например, самые мелкие монетки — копейка, две, три и пять были желтыми. А покрупнее, до рубля включительно — белыми.

Парадокс...

Особенно Димыча впечатлил юбилейный металлический рубль с фигуркой все того же бородатенького индивида, простершего руку, и второй, явно изображающий какой-то памятник в виде громылы с мечом в одной руке и маленькой

девочкой в другой. Монеты были увесистые, большие — только очень довольный собой режим мог чеканить такие блямбы для свободного обращения.

В общем, с трудом, но все-таки справившись с возмущением очереди, желавшей еще невиданного здесь пива «Янтарь», откочевали в тихий дворик, а потом заманили туда же бензовоз и залились топливом под завязку. Да и вопрос, куда ехать, решился неожиданно просто и скоро.

Малый встретил у соседнего дома двух волосатиков с гитарой в кофре и мимо пройти, конечно же, не смог. Спустя десять минут Малый, Данил, Костик, оба волосатика и почти все болельщики сидели в кубрике «Десны» и курили какую-то дрянь. А Димыч с Андрюхой внимательнейшим образом изучали местную карту, пожертвованную волосатиками, где жирным крестом был отмечен небольшой подмосковный городок Можайск.

Именно там нынешним вечером стартовал какой-то полуподпольный рок-фестиваль. А точнее, даже не в самом Можайске, а где-то под ним.

Волосатики сказали, что ближе к месту подскажут как ехать: оба уже бывали там на концертах.

И еще Димыч почему-то запомнил, что на месте Твери в этом мире находится город Калинин.

10. Come Taste The Band (1975)

Доехали быстро и на удивление спокойно. Местная автоинспекция, к великой радости Димыча, Андрюхи и Шуры, на короткий автопоезд внимания более не обращала, а остальным было все равно: обкурились до полубоморочного состояния и полегли в кубрике. Андрюха поворчал было, но в конце концов счел, что пассажиры, впавшие в лежку, лучше пассажиров буйных.

— Фиг с ними, доеду без подмены, — сказал он. — А все как раз воспрянут аккурат к установке аппарата.

— Пра-ально! — поддержал Федяшин, перебравшийся в кабину. — Ты газку-то поддай — тащимся, как «Руссо-Балт» сорок девятого года по беломорской гати...

Андрюха немного поддал — насколько позволяла дорога.

Волосатики-аборигены заодно научили, где и как при местной скудости следует закупаться съестным — закупились еще на выезде из Смоленска.

Провизия была, мягко говоря, странной, и в другое время никто из проспектовцев и свиты на такое не позарился бы и в сильном поддании, но треволнения перехода да некоторый налет экзотики в итоге примирили с необходимостью намазывать бурую консистенцию, именуемую «икра кабачковая», на хлеб и вкушать кильки в томате, состоящие, казалось, из сплошных хвостов и глазастых голов. У килек взгляд был не менее печален, чем у недавней рыбы в замороженном брикете. Видимо, печальный рыбий взор был неотъемлемой приметой этого мира и вообще этой эпохи, наравне с бородатым индивидом, чей лик украшал здесь все и вся: от купюр и монет до придорожных щитов и барельефов.

Музыки по радио тут не было как класса: между новостями, от которых сводило скулы и мутилось в сознании, передавали либо что-то посконно-народное, либо что-то совершенно несъедобное и по интонациям — жутко патристическое, либо классику. Путь коротали в досужем трепе.

Тот факт, что все ездоки на рус-Вудсток находятся в чужом времени да еще вдобавок в совершенно чужом мире, уже вроде и не удивлял: привыкли. Удивлялка переполнилась и отрубилась.

— Я представляю, как мы здесь всех уберем, если у них такая музыка, — заметил Димыч перед тем, как окончательно выключить радио.

Заодно в который раз обсудили примерный порядок песен. Федяшин торопливо дописывал скрипты обещанного лазерно-светового шоу. В общем, глазом не успели моргнуть, как в окошечко забарабанили из кубрика.

— Ша налево поворот нарисуется! — сообщил один из волосатиков-аборигенов. Рожа его вельми измята и припухшая была. — Туда и рули!

Приехали в сущее село вместо чинного уездного городка. По улицам бродили куры и козы, а кое-где — и коровы. Подъехали к заросшему бурьяном и крапивой стадиончику, рядом с которым смутно возвышались какие-то жуткие развалины. Оказалось, это никакие не развалины, а местный клуб, гордо именуемый малологичным словосочетанием «Дом культуры». А остальные дома что — рассадник бескультурья, получается?

Проспектовцы отчаялись понять здешнюю логику. Просто мирились с неизбежностью.

— Однако местный Вудсток обставили с нужной помпой! — заметил долговязый и рыжий Костик Ляшенко, выпрыгнув из «Десны» и немедленно вляпавшись в коровью лепешку. — Село еще то, м-мать!

И принялся оттирать подошву о траву.

Все окрестные кусты и заросли в округе кишели духовными братьями волосатиков-попутчиков. Царство клешей, бисера и портвейна. Странно, но у развалин (пardon: Дома культуры!) практически не скопилось автомобилей. Вся эта гоппа добиралась автостопом или электричкой. Как организаторы привезли аппарат — проспектовцы вообще не представляли.

И что самое странное — концерт предполагалось проводить в этом самом Доме. В его обшарпанном до сердечных судорог зале с убитыми деревянными кресельцами. Когда Димыч с Андрюхой сунулись в зал к оргкомитету мероприятия, почему-то названного заморским словом «сейшн», сердца их и вправду дрогнули. На сцене как раз устанавливали аппарат. Старомодный с виду и явно более чем наполовину самопальный.

Недобрый это был мир...

Тем не менее в зале царило бодрое оживление, кто-то кем-то командовал, кто-то таскал колонки, кто-то путался в проводах, кто-то деловито цокал в фонащий микрофон; многие толпились у сцены.

Происходил обычный в таких случаях «обмер шворцев»: музыканты показывали друг другу инструменты, выслушивали мнения и высказывали мнения. Димыч с Андрюхой решили, что происходит это чуточку с большей ревностью, нежели они привыкли. Зашедший следом Игорь Коваленко, понятное дело, сунулся смотреть кухню. После осмотра он натурально вспотел и заявил, что за эти дрова не сядет ни за какие блага жизни.

На что его снисходительно спросили со сцены:

— А у тебя что, «Тама» или «Премьер»?

Игорь фыркнул в ответ:

— Позарюсь я на это говно заграничное, как же! У меня четвертый «Урал» в российской комплектации плюс брянское железо.

Ответом ему было дружное ржание и вопрос:

— А у гитариста вашего тоже «Урал»?

Димыч не стал уточнять, что в привычных им местах «Урал» не делает гитар. Просто сообщил:

— У меня — «Тверь-поток», у Малого — четырехгребешковая «Суздаль».

Тот факт, что каждый гребешок-звукосниматель Малого стоит, пожалуй, поболее всего в данный момент находящегося на сцене аппарата, Димыч опять же не стал высказывать вслух. В конце концов, они с Малым тоже не с «Твери» и «Суздали» начинали...

На сем дискуссия и заглохла, хотя Димыч видел искривленные в гримасе губы Андрюхи при виде явно самопального корпуса двойной пищалки, на которую неведомый рукодел заботливо приладил самопальную же нашлепку «Marshall». Нашли что лепить!

К идее перенести концерт на улицу организаторы отнеслись более чем прохладно. Не возымели последствий аж клятвенные уверения, что аппарат «Проспекта Мира» по мощности позволит заглушить даже старт «Союза» и «Аполлона», вместе взятых (эта реальность знала и «Союз», и «Аполлон» — проспектовцы по пути успели углядеть у кого-то из аборигенов одноименную пачку сигарет). В общем,

удалось договориться, что в перерыве, когда народ выползет подышать воздухом и покурить, «Проспекту Мира» дадут сыграть пару песен.

На том, как говорится, и покалили сростень. Ни один визитер из будущего ни секунды не сомневался: вышедший подышать и покурить народ назад уже не зайдет. К тому же именно в антракте решили начать халявную раздачу пива.

И отправились проспектовцы разворачивать свой аппарат. Хороший аппарат, российский, без пошлых нашлепок «Peavey» или «Roland».

Шура Федяшин уже успел выяснить, куда тянуть силовой кабель и куда подключаться. Пашка Садов и Муромец с двумя друзьями, имен которых Димыч не знал, Федяшину помогали.

Развернуть «Десну» в походно-сценическое состояние было делом нетрудным, тут требовалась не столько физическая сила, сколько знание-последовательности операций. Поэтому управились много раньше, чем народ в зале. А уровни всей системы Федяшин привычно выставил по датчикам — сколько раз «Проспект Мира» убеждался, что поправлять ничего особо не придется.

В общем, уже через час команда из будущего все завершила, трейлер с пивом был поставлен позади десносцены, внеся сумбур и урон в ряды стадионных сорняков, а проспектовцы с болелами и добровольно примкнувшими на дармовой «Янтарь» аборигенами смогли почить на травке с банками в руках.

— Черт меня подери, — пробормотал Димыч после первого глотка. — Именно так я себе и представлял русский Вудсток!

11. In Rock (1970)

До начала концерта ничего особо интересного не произошло. Подошел лохматый парень из оргкомитета и ммуро переспросил, как группу именовать и какой город она пред-

ставляет. Услышав название маленького южного городка, парень скептически скривился и убрался восвояси. На небольшие по размеру стенки «Неман» он лишь мельком скопил взгляд, а вот две бочки Игорехиной кухни явно привлекли его внимание. В целом, передвижная сцена проспектовцев покуда выглядела почти пустой.

Перед выступлением никто не злоупотреблял веселящим, даже не слишком подверженные дисциплине Малый с Данилом. Пашка-клавишник ковырялся у своих четырех панелей, одна из которых была все той же старой заслуженной «Шексной». Костик и Данил тихо распевались, хотя до их выхода было еще далеко: часа три, не меньше, предстояло провести в душном зале «Дома культуры». Федяшин чего-то как всегда допаивал и довинчивал, Малый с Димычем и Андриюхой лениво болтали. Болельщики и аборигены разбрелись, поскольку дармовой «Янтарь» временно иссяк, но зато они унесли и широко распространили благую весть, что в перерыве, когда «эти психи начнут валить на улице», всем желающим будет выкачено вдоволь пива.

Потом лагерь «Проспекта Мира» почтили визитом два местных мэтра.

Первый, кучерявый брюнет по имени Андрей, гитарист и поэт, вел себя добродушно и приветливо. С ним за милую душу поболтали, посулили удивительное световое представление в сумерках. Расстались, пообещав обязательно прослушать их группу. Второй, длинноволосый мрачноватый субъект с повадками педика вел себя заносчиво и нагло. Его вежливо отбрили, после чего на проспектовцев налетела возмущенная дива вся в бисере и с горящими очами. Диве показалось, что «какие-то сраные провинциалы вели себя непочтительно по отношению к гению из самого Питера». Диву тоже отбрили и тоже вежливо.

Ну а там и начало подоспело.

Оставили на часах Кузьмича и направились в зал.

Поскольку фестиваль был полуподпольный и, как понял Димыч, идущий вразрез с линией властей, групп приехало не

особо много, да и те большей частью по благу. Кучерявый Андрей и его команда выступали уже третьими. Играли они классно, даже при дохлой аппаратуре, а тексты и музыка очень запали в душу всем гостям из будущего. Зал завелся с пол-оборота, и скоро народ уже орал, скакал и пел вместе со всеми.

Периодически приходилось прогонять со сцены разнообразных девиц.

Федяшин, ясное дело, все писал на мини-диск, моментально снюхавшись с ребятами за пультом. Веселились довольно долго, причем проспектовцы единодушно решили, что Андрей и его ребята далеко пойдут при умелой раскрутке. Впрочем, и без раскрутки пойдут. В их песнях пульсировала сама жизнь, замысловатая и неоднозначная. Да и поэтому Андрей был далеко не последним на российских просторах любого из миров.

Потом на сцену вылезли люди гения из Питера и гений лично. Вот тут-то все крупно и обломались. Голос и манера петь у гения оказались (ожидаемо, впрочем) под стать ориентации, а тексты... Н-да. Вроде каждое отдельно слово — понятно. А все вместе — пустышка, прах.

Оценка проспектовцев была единодушной: понты и отстой. Хотя часть местного народа торчала по полной программе. Но многие именно сейчас впервые поползли наружу — покурить и развеяться.

Вышли и проспектовцы. Снаружи сгущались летние сумерки и цветные огоньки на сцене «Десны» казались случайно попавшими в этот тусклый мир осколками праздника.

Минут через двадцать объявили перерыв: гений утомился и пообещал продолжить после.

— Начнем, а? — сразу оживился Костик. — Обломаем ему малину!

— Начнем... — не стал возражать Андрюха. — Командуй, Димыч! Твое время настает.

Перед каждым концертом Андрюха традиционно передавал бразды правления Василевскому, как бы подчеркивая, что административная часть акции плавно перетекает в музыкальную. Димыч кивнул:

— Пошли. И скажи Кузьмичу, чтоб фургон откупорил. Но больше упаковки на рыло не давать — пусть еще раз подходят.

Федяшин уже поджидал в глубине сцены с традиционной бутылкой водки на всех. Перед самым выходом, для куражу — незаменимое средство! Сразу начинает хотеться всех завести, взорвать тишину и добить музыкой до самых звезд.

— Ну что? — справился Димыч, утерев губы и поправляя гитару. — Дадим джазу? Поехали с инструменталочки! «Смерть в ми-миноре»!

Пашка кивнул и переключил свои доски. Игорь для разгону пару раз бубухнул по бочкам. А потом дал палочками отчет.

И тишину разорвала мистическая гитара Димыча.

Он был природенным ритмарем. Не мог играть так быстро, как Малый — да и вообще, если уходил в соляки, то только в медленных вещах. И соляки у него были медленные, густые и тягучие, как добрая малага. Но если он начинал риффовый ритм — то держись. Его размеренные рычащие повторения завораживали, заволакивали сознание наркотической пеленой, и хотелось идти на эти звуки, как идут на дудочку крысолова всегда осторожные крысы. Казалось, Димыч играет не в одиночку — две, а то и три гитары звучат иногда в унисон, иногда в терцию создавая то неповторимое чудо, что зовется рок-музыкой. Техасские бородачи во главе с Билли Гиббонсом явно приняли бы Димыча за своего.

Композиция разворачивалась; после агрессивного вступления пошло развитие. Зрители-слушатели валом валили из зала на звуки; и тут Шура взялся за свои лазеры.

Что-что, а по части световых феерий он был мастер.

Толпа застыла.

Лазеры чертили в вязком августовском воздухе причудливые мерцающие фигуры, осветители синхронно поворачивали жерла, клубами валил из раструбов сценический туман...

Действо началось.

Не давая народу передохнуть, за инструменталкой грянули «Ты — это я», совершенно убойный хит девяносто пятого года от «Системы плюс». Тут уж не стеснялся никто: ни сирена-Костик, ни математик-Малый, ни Пашка-клавишник, ни Игорь за своим свирепым рамным «Уралом». По сравнению с уже слышанными командами «Проспект Мира» звучал куда тяжелее, забористее и жестче, но вместе с тем отточеннее. И толпа начала заводиться.

12. Burn (1974)

Следующей выплеснули на слушателей «Обмен ненавистью», потом — «Штиль».

Кажущаяся неторопливость вступления и размеренно спокойное начало «Штиля» позволили зрителям хлебнуть пивка и прийти в еще более хорошее расположение духа.

Я жду заблудившийся ветер,
Прижавшись к грот-мачте спиной.
На нашем пиратском корвете
Нежданно настал выходной, —

пел Костик еще не громко и не агрессивно под атональный перебор Димыча и Малого. Ритмично грохотали бочки под такой же ритмичный бас.

Вкрадчиво фонили клавишные. А потом разом, словно с обрыва — в пропасть обрушили на толпу мощнейший и не раз проверенный драйв второй части куплета:

И море, как зеркало чистое, в полдень застыло,
Ушла к горизонту бескрайняя синяя гладь,
И солнце нещадное палубу нам опалило,
И нам остается лишь тщетно к Нептуну звать.

А после тревожного и несколько щемящего куплета в четыре голоса вышли в торжествующий и столь же ритмичный припев:

Я жду, когда снова порадует море ветрами,
И полным бакштагом пойдет гордый парусник наш.
Над мачтой взовьется, как птица, черное знамя,
И вновь прозвучит команда: «На абордаж!»

«На абордаж!» приехавшие с «Проспектом Мира» болельщики проорали так дружно и так слаженно, что глаза загорелись даже у тех, кто начал слушать заезжих южан с откровенным скепсисом.

Второй куплет Костик и Данил пели вместе, умело чередуя голоса:

Я помню лихие походы,
Набеги, сраженья, бои,
И снова в плохую погоду
Заноют раненья мои.
Я с берега каждое утро с тоскою безумной
Смотрю на соленые брызги и пенный прибой,
Мне снятся фрегаты и шлюпы, корветы и шхуны,
И вкрадчивый шепот кильватерных струй за кормой.

На этот раз припев подтягивала уже добрая половина толпы, а «на абордаж» проорали так, что дрогнула земля.

Федяшин как раз смастерил над сценой призрачного «Веселого Роджера»; череп шерился, флаг слабо трепетал на несуществующем лазерном ветру.

А «Проспект Мира» продолжил первой, короткой перебивкой, разбавляющей размеренное течение длинной композиции:

Эй, капитан!
Эй, капитан.
Эй, капитан!

Короткая, напрашивающаяся каждой клеточкой музыкальной души пауза, и — ликующее, подхваченное сотнями глоток:

На абордааааж!!!

Настало время Малого: он с радостью показал, на что способен. Гитара стонала и выла, шумели на заднем плане волны, кричали чайки, звенела сталь.

Третий куплет снова пустили поспокойнее. Первую его половину:

Мне холодно что-то порою,
И руки немного дрожат,
Ведь годы над головою
Как белые чайки кружат.

А потом снова пошел драйв:

Но мне не забыть гром орудий и стон парусины,
Наполненной ветром, как кубок наполнен вином,
Оружия блеск и изгибы бортов бригантины,
Что, встретив пиратов, встречается с каменным дном.

Припев пели хором. А вторая перебивка вообще ввела толпу в сущий экстаз:

Эй, капитан! Наша жизнь — это только дорога.
Эй, капитан! Этот бой — остановка в пути.
Эй, капитан! Остановок не так уж и много.
Эй, капитан! И все меньше их впереди.

На фоне перебивки припев уже казался достаточно спокойным. Но всеобщее «На абордаж!» снова всколыхнуло округу.

А следом, без остановки, Димыч свалился в короткий ритмический клинч: это означало, что прицепом пойдет и «Шторм». Обе песни игрались в одном ритме и тональности, но как одно целое их пускали не всегда из-за длины: каждая по шесть с лишним минут. Но тут сам бог велел: слушатели встречали на ура.

Ветер гремит в парусах
И скрипят от усталости реи,
Море, огромное море нам песню поет.

Мы, победившие страх,
Мы в бою никого не жалеем.
Роджер Веселый диктует команду: «Вперед!»

Это самое «вперееееееед!» тянули опять в четыре голоса, даже обычно молчащий Андрюха примкнул к Малому и в микрофон они выдохнули разом, щека к щеке.

Снова фирменные Димычевские ритмические переходы и паузы, а потом припев:

Снова в бой!
Никому,
Как обычно, не будет пощады.
Страшный бой.
Обагрён
Жаркой кровью холодный клинок.
За собой нас ведет
Капитан, и медлить не надо,
Лишь успеть отвести
Нож врага и нажать на курок.

Лазеры сверкали и метались над подиумом. Клубился туман. Разноцветные световые лучи шевелились, как живые, бродили по сцене, ложились яркими пятнами под ноги музыкантам.

Пираты не помнят родства,
Стало домом соленое море,
А берег — лишь узкая пристань да шумный кабак.
Краткий момент торжества,
Крепким ромом залитое горе,
И опять поднимаем над мачтой
Свой выцветший флаг.

Димыч кивнул Малому, и они сошлись посреди сцены, осветители скрестились на двух фигурах с гитарами. Это означало, что Костик и Данил могут перевести дух и промочить горло: вместо припева пойдет концертный соляк, которого в студийном варианте обычно нет.

Перед сценой творилось... черт знает что. Многие размахивали над головами снятыми майками, лес рук тянулся к сцене, хотя, спасибо, никто не решался пока на нее взобраться. В общем, все шло как надо.

Снова лихой абордаж.
И поется кровавая песня.
Есть ли у жизни пирата завтрашний день?
Воспоминаний багаж,
И от них не уйти, хоть ты тресни,
И Веселого Роджера черная-черная тень.

От этой песни всегда оставалось такое чувство, будто чего-то не доделал, не успел в жизни. Ведь есть же где-то моря и острова, и кто-то смотрит на них, а над головой у него трепещут паруса и снасти.

Припев поставил в песне жирную точку.

13. Slaves And Masters (1990)

Позже выяснилось, что именно во время «Шторма» мэтр из Питера, вкусив портвейну, решил потопырить пальцы и направился продолжать свое выступление в зал. Надеялся небось, что народ потянется за ним.

Фигу: за мэтром последовали только несколько съехавших девиц. А петь для пустого зала любой бы обломался.

В общем, обиделся мэтр. Крепко обиделся. Но «Прспект Мира» этого не знал. А и знал бы — плюнул да растер.

Решили дать народу расслабиться на медлячке, затянули «Осень стучит в окно». Эту песню начинал Малый, под перебор. Продолжал Костик, а завершали все вместе. Зажигалок под медляки тут еще не жгли, но руками качали славно. Следом выдали «Замок на песке». Творение Костика Ляшенко.

Шурик устроил над зрителями лазерный дождь; по толпе скользило почти неразличимое пятно ультрафиолетового

прожектора, заставляя белые — только белые! — одежды зрителей светиться на манер рекламных стоек над казино.

В уютном месте, в уголке
Я строил замок на песке,
Совсем не думая о том,
Что смоем первым же дождем.

Там, там дам приют своей мечте,
Забыв, что в жизни суе
Под ноги часто не глядят
И замок могут растоптать...

Костик дал отмашку Игорю — это означало, что ему нужно несколько секунд передышки, посему надо вклинить в песню аритмичную перебивку, после которой последует модуляция на тон.

Сюда однажды я приду
И лишь развалины найду.
Кругом следы, следы, следы...
Где ж вы, плоды моей мечты?

В этом месте Федяшин всегда врубал хорус и создавалось полное впечатление, что поет сотня Костиков, а подпеваёт сотня Данилов:

Куда ты смотришь, человек?
Скорей, скорей, уйми свой бег.
Под ноги лучше посмотри
Любить, мечтать, не разучись.

И — с еще большим драйвом и акцентом:

Чтоб равнодушию не дать
С твоей душою совладать,
Чтоб не угас огонь желаний,
Не превратилось сердце в камень.

Настало время неторопливого, густого соляка Димыча.
Малый отменял.

Звучало неповторимо...

Зрители стонали в сотни голосов. Казалось, вели сейчас Костик всем умереть — послушались бы, не раздумывая.

Неповторимое ощущение — понять его может только тот, кто сам хотя бы раз стоял в полутьме сцены перед залом или стадионом и видел сотни горящих глаз, обращенных к тебе.

Сыграли еще «Законы толпы», «Терминатор (граница света и тьмы)», «Ветер защиты», «Перегрузку», «Держись, Москва», «Двенадцать», «Законы подъездов»...

А потом и светать начало. Зрители обессилели. Музыканты тоже. И был объявлен перерыв — реально первый со вчерашнего вечера.

Димыч, сняв гитару с ноющего плеча и залпом заглотив банку «Янтаря», почувствовал, что зверски хочет спать. Андрюха и Костик выглядели не лучше. Бедняга Игорь, чья судьба была наиболее тяжелой в физическом плане, весь лоснился от пота, а майка его давно улетела в зал.

Последовала массирующая атака местных музыкантов. Вопросов было не счесть: что за аппарат? где брали? почему не продается ли?

Перспектовцы вяло отмахивались: потом, потом, пива охота, лежать охота... Все потом...

Как-то отбились.

Димыч еле добрал до закутка с топчаном, рухнул и отключился.

14. Abandon (1998)

Разбудил его Шурик, теребя за плечо. В узкие вертикальные щели между стойками и драпировкой ломилось яростное летнее солнце.

— Эй! Вставай-ка!

— А? — вскинулся Димыч.

Проспал он немного, всего несколько часов, но как всегда после концерта это здорово восстановило силы.

За плечом Федяшина, который Василевского разбудил, стоял озабоченный Андрюха. Выражение Андрюхиного лица Димычу сразу не понравилось: по всей вероятности, предвиделись какие-то административные трудности.

— Что такое? — спросил Димыч, щурясь на свет.

— Жопа, братец. Мне тут добрые люди нашептали, что гений из Питера в припадке ревности куда-то сдул. И посоветовали сниматься отсюда пододру-поздорову, пока худого не стряслось. Я почему-то склонен к этому прислушаться.

— Так что, второй части не будет? — огорчился Димыч. Вчерашний слушатель ему понравился: оттягивалась толпа на славу.

— Не будет, братуха. Мы уже половину аппарата свернули. Пошли заканчивать.

Не подчиниться Андрюхе Василевский не мог. Его епархией оставалась исключительно музыкально-теоретическая часть.

Снаружи было на удивление пустынно; из «Дома культуры» доносилось ритмичное треньканье. То ли кто-то выступал, то ли настраивался. И народу было совсем мало: небось дрыхли все по кустам. Парочками и группами. Группа поддержки проспектовцев в полном составе наличествовала перед десносценой. Что-что, а построить болельщиков Андрюха мог без излишнего напряжения. Поэтому свернулись достаточно быстро. И выехали почти по-английски. Почти — потому что попрощаться пришли кучерявый Андрей со своей группой да несколько парней из других команд. И Димыч сразу понял, кто были те самые «добрые люди», предупредившие Шевцова о грядущих кознях питерского гения.

— Знаете, ребята, — задумчиво сказал напоследок Андрей, — такое впечатление, что вы приехали к нам из завтрашнего дня. И что ваш завтрашний день куда светлее нашего, сегодняшнего.

— Ну, — вздохнул Димыч. — Если начистоту, то так оно и есть. Только не рассказывай никому, ладно?

Димыч умолк, переглянулся с Шевцовым и Федяшиным, а потом добавил:

— А впрочем, можешь рассказывать. Все равно никто не поверит. Да и ты скорее всего не веришь.

— Я — верю, — ответил Андрей серьезно.

Пива в трейлере оставили всего ничего — чтоб только на дорогу хватило. Остальное сгрузили на радость группе Андрея и немногим примкнувшим хорошим людям.

Пожали на прощание руки. Расселись.

— Ну что? Прощай русский Вудсток? — спросил Андрюха, жужжа стартером.

— Ничего, кроме банальщины, на ум не приходит.

— Погоди, — спохватился Димыч. — Я сейчас.

Он метнулся в кубрик, схватил чехол с гитарой и приблизился к Андрею.

— Возьми, — сказал Димыч, протягивая инструмент. — Тебе она нужнее. «Тверь-поток», восьмая модель. Примочка и шнуры там, внутри. Шнуры хорошие, с золочеными джеками. Да и примочка не фуфло, реальный «Шторм».

И, не дожидаясь ответных слов, вернулся в кабину.

— Вот теперь, прощай, русский Вудсток! — вздохнул он, хлопая дверцей.

— Пусть банальщина, зато правда.

«Десна» и пивной трейлер заурчали двигателями и медленно тронулись.

15. The House of Blue Light (1987)

Обратная дорога запомнилась как-то смутно — всем, не только Димычу.

Рулил опять Андрюха, поскольку остальные умельцы после выступления хорошо поддали. Да и встреча с местными дорожниками все еще оставалась вероятной, а административные проблемы Андрюха привык решать сам. Димыч периодически задремывал, потом просыпался, скидывал

голову. Навстречу тянулась и тянулась паршивая дорога в непривычной пустоте обочин. Шурик возился с ноутбуком, вычислял точку возвращения, которая, как он сказал, перемещалась, не стояла на месте.

Пару раз останавливались на окраинах городов и городков, дабы пополнить запасы того, что местные называли продуктами. Хорошо хоть за пивом в обычных для этого мира очередях убиваться не приходилось, а отсутствие воды при наличии пива переносилось удивительно легко.

Концертная эйфория постепенно сменялась мыслью «скорее бы домой».

Домой.

Слово, которое начинаешь ценить, только когда поски-таешься какое-то время, поживешь в стороне от любимой койки, любимой кухни, любимой комнаты, любимого компьютера... Почты небось навалило нечитаной...

Дорожники однажды все-таки остановили их. Почему-то не спросили права, только путевой лист. Вопрос решился несколькими красноватыми купюрами с профилем бородатенького индивида — Андрюха обладал завидным даром убеждения, да и инспектор не слишком сопротивлялся.

Похоже, он также предпочел свалить бремя разбирательств на кого-нибудь из коллег далее по трассе.

А вскоре Шурик Федяшин велел сворачивать на пыльную колею меж полей и минуты через три притормозить у жиденькой и столь же пыльной полоски деревьев. До перехода, по словам Шурика, оставалось часов семь. Кто не ото-спался — немедленно завалился в кубрике, а те, кто успел, — расселись на брезенте с краю поля за бутылочкой-другой. Разговоров было. И о выступлении, и о странном семьдесят девятом годе неведомой реальности, и не только. И о звездах, точно таких же, как и в родном и привычном мире.

В предрассветных сумерках Федяшин указал направление; два грузовика вторично за последние двое суток медленно двинулись по полю, быстро влипнув в уже знакомый лиловый туман, очень похожий на подсвеченный сценический дым. А потом сразу настал вечер.

У Андрюхи запиликал мобильник в кармане, возвещая о пришедших сообщениях. Чуть впереди, между заправкой «Тюменьтопливо» и дорожной лавкой «Елисейев и сыновья» виднелась привычного облика трасса, по которой проносились привычного облика машины, а несколько в стороне возвышалась ажурная вышка «Российских систем дальней связи», увенчанная полутораметровой чашей спутниковой антенны. Пестик с шаровидным набалдашником, напоминающим трость, целился в ущербный полудиск Луны, что зависла меж туч в темно-голубом небе.

— Хм! — сказал Андрюха и нарочито неторопливо переложил остатки нездешних денег в нагрудный карман.

— Дома, — не замедлил расплыться в улыбке Димыч. — Как я рад, шоб я был здоров!

— Готово! — удовлетворенно провозгласил Федяшин и звонко щелкнул клавишей «Ввод». — Мы отсутствовали в своем времени... и пространстве, как оказалось, сорок семь часов и двенадцать минут с секундами. Все по расчетам.

Народ в кубрике воодушевленно отплясывал «Сударыню».

«Черт возьми! — только сейчас позволил себе сформулировать Димыч. — Я боялся об этом думать. Боялся, что мы потеряемся в чужом и неприятном мире. Наверное, не только я этого боялся».

А вслух сказал:

— Спасибо, Шурик, за то, что ты не ошибся. Трогай, Андрюха. Пора домой.

— Так ведь мы уже дома, — отозвался басист, улыбаясь от уха до уха. — И это главное.

16. The Battle Rages On (1993)

В ближайшие три года «Перспект Мира» выпустил и благополучно продал одиннадцать альбомов, мгновенно ставших платиновыми. Второй, четвертый, восьмой и одиннадцатый.

цатый были чисто их альбомами. Остальные — переосмысленным материалом записей с русского Вудстока в какой-то из параллельных реальностей. Конечно, причиной мгновенного успеха послужил дебютный альбом-бомба под названием «Рок из-за барьера»; а песни «Поворот», «Все очень просто», «Скачки» и «Кого ты хотел удивить?» держались в голове практически всех хит-парадов около семидесяти недель. Музыкальные критики долго пытались выяснить, кто же реально кроется под никому неизвестным псевдонимом Андрей Макаревич, какой известный поэт, какой маститый композитор и какой модный аранжировщик?

Тщетно.

Вполне успешными оказались и многие другие песни с других альбомов — «Воскресенье», «По дороге разочарованной», «Ночная птица», «Забытую песню несет ветерок», «Лилипуты-1» и «Лилипуты-2».

Но спустя три года «Проспект Мира» распался. Возможно, потому, что собственные их песни хоть и имели успех, но не такой оглушительный.

Возможно, потому, что проспектовцы немного повзрослели. Возможно, потому, что Димыч Василевский все меньше стал уделять внимания музыке и все больше — любимой фантастике. Песни «Проспекта Мира» крутят по радио и сейчас, диски продаются и поныне, а клипов они никогда не снимали.

Прошли годы. Много. Пятнадцать. Или даже двадцать. По-разному сложилась судьба бывших проспектовцев. Как ни странно, миллионером ни один из них не стал — вероятнее всего из-за того, что каждый отчетливо сознавал истинную причину успеха «Проспекта Мира».

Андрей Шевцов, басист и администратор, успел отсидеть в тюрьме пять лет за экономическое преступление, которого не совершал. Жена дождалась его и теперь он счастливый муж и не менее счастливый отец, удачливый предприниматель, хозяин собственного дела. Живет в родном городе.

Константин Ляшенко, вокалист, уверовал в Бога, выгнал шалаву-жену, воспитал двоих сыновей, которых не отдал матери. И сегодня поет в хоре одной из небольших церквей родного города. К сожалению, с ним стало попросту не о чем разговаривать, помимо веры, и поэтому бывшие коллеги видятся с ним очень редко.

Данил Сергеев, вокалист, женился и переехал в соседний город, где также занялся предпринимательством. Не столь успешно, как Шевцов, но в общем на жизнь не жалуется. Когда ему бывает совсем тяжело или тоскливо, он берет телефон, набирает номер... и Шевцов сотоварищи тогда хватают такси и чуть не среди ночи приезжают к нему, чтобы вытащить куда-нибудь в бильярдную или питейное заведение.

Вадим Орликов, он же Малый, гитарист, не устоял перед алкоголем и наркотиками, которые стубили его на шестой год после рус-Вудстока.

По распаду группы он нигде не работал и ничем определенным до самой смерти не занимался.

Игорь Коваленко, барабанщик, единственный, кто продолжает жить музыкой. Последнее время он сотрудничал с, в общем, посредственной группой «ХАОС», отвергая предложения куда более именитых коллективов.

Вероятно, ему нравится. Выглядит он счастливым.

Павел Садов, клавишник, одно время был связан с кришнаитами, а потом просто пропал. Говорят, он устроился столярком в крохотную мастерскую где-то на окраине родного города. Говорят, в какой-то момент он почувствовал непреодолимую тягу создавать вещи своими руками.

Говорят... Но это ведь тоже своего рода счастье и творчество.

Александр Федяшин, инженер, быстро стал большим и важным человеком.

Его чуть ли не мгновенно по возвращении из чужого прошлого подгрести под себя какие-то секретные военные ведомства, связанные с научными разработками. Теперь

увидеть его невозможно, возможно только переписываться через сеть. Впрочем, отвечает Федяшин редко, что свидетельствует: без работы он не сидит. Местоположение Федяшина, разумеется, неизвестно и установить его не удастся никакими ухищрениями.

Ну а Дмитрий Василевский окончательно ушел в фантастику. Пишет книги.

Много уже написал — не то двадцать с чем-то, не то тридцать с чем-то.

Но иногда решается тряхнуть стариной и берет в руки гитару — по крайней мере два сольных альбома он выпустил. Переехал в Москву, хотя в родном городе бывает довольно часто. Однажды встретил в салоне мобильной связи Андрея Шевцова и с тех пор именно с ним видится чаще остальных. Участвовал в выездах в соседний город к Данилу. Как-то во время дружеской посиделки пообещал друзьям и коллегам описать все, что произошло пятнадцать или даже двадцать лет назад, описать честно и без прикрас. Ему можно — он ведь фантаст.

Совершенно точно можно сказать: никто из бывших проспектовцев ни капельки не жалеет о той в высшей степени необычной поездке. И вряд ли пожалеет в будущем. Именно о таких людях потом говорят: он жил не зря.

А это не всякому удастся.

*Март — май 2002
Москва, Соколиная Гора*

ДЖЕНТЛЬМЕНЫ НЕПРУХИ

-Пятьдесят процентов, — мрачно сказал Шарятьев. Это были первые слова с момента, когда Фрея окривела и Шарятьев пошел визуально оценить степень работоспособности основных групп органов.

Маккензи оторвался от шивателя, сдвинул с глаз линзы и вопросительно уставился на коллегу.

— В каком смысле пятьдесят?

— В прямом. — Навигатор оставался мрачным, как набрякшая грозой туча.

— Вся правая сторона отнялась.

— То-то я смотрю, данные пошли с утра какие-то левые, — легкомысленно выдал натужно бодрящийся Хомуха.

Провинившийся трассер пытался острить, пытался разрядить обстановку, но остальные почему-то веселиться не желали.

Капитан не замедлил окрыситься:

— А ты помолчи, остряк, блин! Кто две подряд вариативности проспал? Р-распылю, блин! Скормлю активатору!

Хомуха немедленно съежился, притих и чуть ли не носом уткнулся в мутноватую линзу обозревателя. В рабочей области кое-как виднелась половина ближайшей звезды — косматого желто-оранжевого солнца раза в четыре больше размерами, чем ожидалось, — и жиденькая россыпь тусклых огоньков, наиболее ярких из далеких звезд.

— Кой черт нас сюда понес, — пробурчал Маккензи и надвинул на глаза линзы. Сшиватель в его руке хищно зашевелил хоботком на хромированном кончике.

Судя по решительному виду Маккензи, можно было с большой долей уверенности предположить, что органы, ответственные за ориентировку, бинж (иными словами — биоинженер) вылечит еще до полуночи. Однако ориентировка — только полдела. После второй вариативности Фрея окончательно окривела и впала в ступор. Половина систем вырубилась, другая половина принялась безбожно врать. Экипаж не сразу осознал, что к чему, — полеты на Фрее и ее сородичах почти всегда проходили как по маслу и людям в рейсах приходилось большею частью бездельничать. Да и в исследовательской фазе живой корабль многие функции трудолюбиво взваливал на себя — при условии, конечно, что его вовремя и досыта кормили.

На Фрее их было шестеро — капитан Гижу, навигатор Шарятьев, биоинженер Маккензи и рядовые трассеры — Ба, Хомуха и Мрничек, люди без определенной специализации, вроде матросов на древних парусниках.

Поди туда, принеси то, подай это. Жри ром и не отвесчивай, когда не следует. Ну и веди корабль по трассе, разумеется, в свою смену.

Стартовали с Венеры за здравие; до орбиты Плутона браво скакали по узловым точкам, вовремя просчитывали и огибали попутные вариативности, потому и не вляпались ни в какое дерьмо вроде астероидного пояса или недокументированного облака космического мусора. За пределами Солнечной стало полегче, мусора тут сроду не водилось (не успел долететь от начала космической эры), а который водился в незапамятные времена — давно истлел под бомбардировкой нейтрино до полного исчезновения. Хотя бывалые люди говорили, что шанс наткнуться на древний корпус мертвого космического корабля все еще сохраняется. Мертвой материи нейтрино до фени — так и будет миллиарды лет

болтаться в межзвездной пустоте, пока какой-нибудь болван не въедет на полном ходу. Тут-то ему, болвану, полный швах и настанет.

Фрея, ведомая поочередно всеми, включая Маккензи и Гижу, поначалу вела себя вполне адекватно, даже когда болван Хомуха проспал первую вариативность. Задели в ходовом режиме какую-то жиденькую туманность, оболочка тут же зафонила, но Фрея осталась спокойна, и капитан подумал было, что пронесло, но уже на следующей смене болван Хомуха проспал вторую вариативность. Результат не замедлил сказаться — бедный корабль, свято веривший в то, что его ведут по межзвездной пустоте, так и не успел толком вывалиться в нормальное пространство, еще в полуфазе погряз в какой-то нелепой металлической сетке, обнаружившейся в пределах звездной системы. Сетку он, конечно же, прорвал, но и из ходового режима тут же выпал. Да еще все линзы отчего-то погасли и оболочка зафонила так, что экипажу пришлось сожрать по целой упаковке антидота.

Антидот антидотом, от излучения они на первое время спаслись. Но Фрея-то, Фрея! Когда Маккензи оживил линзы левого борта — никто не поверил глазам. Такой картины снаружи быть попросту не могло! Нелепая звезда весьма далекой от сфероидальной формы, да к тому же видимая почему-то по краю каждой линзы и только наполовину. Вместо ожидаемой и легко просчитываемой по каталогу планетной системы — хрен с маслом, размазанный вокруг звезды даже не в плоскости эклиптики, а по полной сфере, и такой бедлам в эфире, как будто они угодили в центр планетарной стройки во время аврала.

Под хреном с маслом подразумевался некий мелкозернистый культурный слой, в равной степени могущий состоять и из каменных обломков, и из искусственных спутников, и из трупов сородичей Фреи. Во всяком случае ни одного цельного объекта крупнее шестиместного космического корабля вокруг чертовой несферической полужезды рецепторы Фреи перед кончиной не зарегистрировали. Исполинская металли-

ческая сеть, растянутая на несколько миллионов километров, тоже подпадала под определение «хрен с маслом».

А по каталогу планетная система значилась, как подобная Солнечной.

Вряд ли стоит объяснять, что это такое — застрять очень далеко от дома без возможности вернуться. Тут и самые добродетельные люди способны озвереть и потерять цивилизованное лицо.

Особенно когда виноват в катастрофе кто-то один.

— А ведь это полная задница, коллеги, — нервно барабанил по грибообразному столу пальцами, сообщил Мрничек. — Сдохнем мы тут, как пить дать сдохнем!

— Не каркай, — буркнул капитан в ответ.

Мрничек насупился и замолк, зло покосившись на бедного Хомуху. Тот рад был бы сквозь Фрею провалиться, не смотря что там безвоздушка.

Смерть нечасто оказывается вот так — совсем рядом. Волей или неволей каждый из экипажа начал задумываться о том, что ждет его в ближайшее время. Не сразу — некий ресурс автономности у корабля имелся. Но все же, все же... Когда в ближайшем будущем над тобой висит меч, психика начинает сдавать. Единственный способ отвлечься от этого — чем-нибудь заняться, желательно тяжелым и отупляющим.

Перераспределить контейнеры с припасами в трюмах, например. Да без погрузчиков, вручную. Чтоб мышцы заняли и комбинезон насквозь пропотел.

— Во что это мы въехали, а, кэп? — Мрничеку никак не молчалось. — Фрея вроде сказала, что в металл.

— Сказала, — пробурчал Маккензи, не отрываясь от линз и шивателя. — Может, она уже к этому моменту шизанулась, вот и ляпнула сгоряча, что на ум пришло.

— Да какой у нее ум? — тоскливо протянул Шарятьев. — Так, видимость одна.

— Это у Вадика нашего видимость, — грозно сообщил капитан. — А Фрею вы мне не трожьте!

Хомуха после слов капитана съежился еще сильнее — из-за линзы не видеть.

Некоторое время на него поглядывали уже все — кто с сочувствием, кто с негодованием. Только Маккензи не поглядывал, работал.

Пилотировать полуживой корабль невозможно — это осознавал каждый член экипажа. Не состыкуется ущербная нервная система корабля со здоровой нервной системой трассера, вместо нормальной картины мира он ощутит нелепые и обрывочные сигналы, никак не складывающиеся в нечто целое.

А значит, никаких прыжков по узлам, никакой ориентировки. Застряли не пойми где. Непруха, какая чудовищная непруха! И главное — на ровном ведь месте, трасса не то чтобы испрыганная, но вполне оживленная. И — что самое обидное — невзирая на оживленность трассы, никто их не подберет и не заметит: полуживую Фрею без корректно подключенного трассера никто не опознает как корабль! А корректно подключить трассера... ну, понятно, в общем. Классический замкнутый круг.

— Готово, — неожиданно сказал Маккензи примерно через полчаса.

Он сдвинул линзы и устало выпрямился. Потом потянулся, словно только что проснувшийся кот. На бинжа поглядели — даже Вадик Хомуха осмелился чуть приподнять голову.

Капитан немедленно оживился и поспешил усесться к сенсорике.

— Так-так, что тут у нас? — Он торопливо подмонтировался к головному интерфейсу.

— Да я тебе и так скажу — что. — Маккензи с отвращением отложил шиватель и не спеша стянул перчатки. — Раз правая сторона отнялась, будет Фрею заносить, как хромого пьяницу, которому вдобавок еще и глаз очень удачно высадили. По узлам уходить в таком состоянии я бы не рекомендовал.

— Не рекомендовал! — фыркнул, не оборачиваясь, капитан. — Да если все обстоит так, как ты рассказал, это труба полная, уходить по узлам!

— А оно, увы, обстоит, — вздохнул Шарятьев. — Правая сторона — дохляк, ровно по продольной оси. Я четыре раза проверил. Здесь (он показал рукой вправо от себя) — мэртво, здесь (влево) — живет, но в некотором ошалении.

— Я бы на тебя посмотрел, если б тебе выкололи глаз и оторвали ногу! — Капитан был сама мрачность, видимо, интерфейс лишь подтвердил неутешительные выводы Маккензи.

— И руку! — добавил молчаливый великан Ба.

— Ага. А также одну почку, одно легкое и половину селезенки... — Шарятьев уныло махнул рукой. — Ежу понятно, что в таком режиме отсюда не уйти. Будем лечиться.

— Тут не лечение нужно, а реанимация, — продолжал нагнетать черноту Маккензи. — Я вам не Бриарей, у меня всего две руки.

— И два глаза, — многозначительно сказал Ба.

После его слов воцарилась невольная пауза. Каждый из присутствующих мучительно осознавал сказанное.

И осознал.

— А что? — чужим голосом просипел Мрничек. — Если полумертвую на правую половину Фрею поведет полупарализованный трассер... Это как минимум шанс, я вам скажу!

Все, не сговариваясь, недобро поглядели на побледневшего Хомуху — в который раз, но теперь уже не просто зло. Теперь — оценивающе, как хищник на потенциальную жертву.

— Р-ребята, — тот попытался влезть в щель между обозревателем и оболочкой рубки, — в-вы чего?

— Кларенс, — обратился к Маккензи капитан Гижу. — Ты анатомию хорошо помнишь?

Голос у него был жесткий, как излучение вблизи нейтронной звезды.

— Анатомию-то я помню, — невозмутимо ответил Маккензи. — Но вот скальпеля у меня все равно нет. А дока на таком уровне запрограммировать я просто не сумею. Думаю, ты тоже.

Мрничек с готовностью затряс поднятой рукой, будто школьник на уроке:

— Я! Я знаю, как стандартный швигач ввергнуть в режим скальпеля! Меня мама когда-то научила.

— Да вы что, с ума посходили? — заорал возмущенный Шарятьев. — Какой скальпель, какой швигач? Вы что, серьезно?

— А что? — Мрничек набычился и сразу стал похож на дикобраза, растопырившего иглы перед более крупным противником. — Он нас сюда загнал, он пусть и выводит! Я подыхать в расцвете лет не собираюсь!

Первая горячка от внезапно осознанного шанса спастись схлынула более или менее благополучно, без поспешных оргвыводов и опрометчивых поступков, хотя на Хомуху страшно стало смотреть.

— Погодите, — осадил всех капитан, как и положено капитану. — Давайте-ка все обдумаем как следует. Застряли мы здесь — это бесспорно. Насколько я знаю, лечить корабли с таким процентом поврежденности таки да, еще никому не доводилось. Но мы пока и не пробовали.

— Да ты уж говори как есть, капитан, — перебил Маккензи насмешливо. — Не мы не пробовали, а я не пробовал. Все равно никто больше не умеет, даже ты.

— Правда твоя, — с горечью признал капитан. — Ты, как бинж, наша единственная надежда. Это первое. Второе — сколько у нас цикла?

— Года на четыре, — со знанием дела сообщил Шарятьев.

Молчун Ба снисходительно усмехнулся, словно знал нечто такое, чего не знал более никто. Это не ускользнуло от внимания Гижу.

— Что такое, Йохим? Ты хочешь что-то сказать?

— Нет, капитан. Я ничего не хочу сказать.

Гижу исподлобья поглядел на трассера.

— Да понятно, что он хочет сказать, — махнул рукой Маккензи. — Поскольку правая половина Фрей отнялась, цикл также усох ровно наполовину.

— Замечательно, — всплеснул руками Мрничек. — Прелестно!

У него неприятно задергалась мышца на лице — младший трассер еще не сталкивался даже с пустяковыми авариями в космосе и сейчас нервничал гораздо сильнее остальных астронавтов.

Капитан повертел головой и снова перевел взгляд на великана Ба.

— Погоди, Йохим... Сдается мне, у тебя подозрительно глубокие познания касательно кораблей для простого трассера. Не желаешь ли объясниться?

Ба тяжело вздохнул, но желания объясниться не выразил.

— Послушай, Йохим, — терпеливо и очень спокойно обратился к Ба бинж Маккензи. — Мы ведь не в кабаке на космодроме, не так ли? Мы застряли хер знает где у черта на рогах. Мы тут легко сдохнуть можем — не сейчас, так через пару лет, когда загнется цикл. Или раньше, если уполовиненного цикла не хватит на шестерых в суточном режиме. Давай-ка не будем недоговаривать. Ну?

Ба пожал плечами и без особой охоты сообщил:

— Я не всегда ходил трассером.

— А кем еще? — Капитан ненавязчиво перехватил инициативу. — Давай, давай, Йохим, колись!

— Бинжем.

— Ух ты! — восхитился Мрничек. — Таки у нас два бинжа! Живем!

Маккензи, склонив голову набок, слегка улыбнулся:

— И какой у тебя класс, коллега?

— Первый, — сознался Ба. — Был. На позапрошлый год.

Сам Маккензи пока дослужился только до второго — экипажи от трех человек до двенадцати.

— И ты молчал? — искренне изумился Шарятьев. — Ё-моё! У нас зубр на борту, а мы и не знали!

— Да хоть ремонт! — гаркнул на них Гижу. — Это упрощает проблему, но отнюдь не решает ее! Мы на необитаемом острове, понимаете аналогию? У нас разбитый вдребезги по-

полам корабль с порванными парусами и сломанный компас! Пусть у нас два боцмана вместо одного — сильно это нам поможет?

— Погоди, капитан, — осадил его Маккензи, единственный, кто осмеливался общаться с первым лицом корабля практически на равных. — Йохим, у меня к тебе два вопроса. Первый: ты можешь сообщить нам что-нибудь дельное? Опираясь на прежний опыт, разумеется.

— Нет, — бесстрастно ответил Ба. — Не могу. В такую задницу я никогда раньше не попадал. Самое страшное, что случилось — это когда на транс-Веге наша Самура потеряла одну из передних петипальп. Не знаю почему, может, метеорит, может, еще что. Управлять ею стало невозможно, погрешности превышали допустимый буфер, мы чуть не сгорели. Но я точно знаю, что, когда мы отняли одному из трассеров палец, он привел Самуру к Титану.

— Палец?

— Угу. Мизинец.

Мрничек не удержался и в который уже раз зыркнул на помалкивающего в сторонке Хомуху.

— Иными словами, ты считаешь, что у нас есть выбор, — подытожил Маккензи. — Со временем сдохнуть всем, или попытаться выжить, искалечив одного.

Ба вздохнул. Очень красноречиво.

— По-моему, не стоит спешить, — вставил осторожный Шарятьев. — Искалечить всегда успеем. А цикл вроде пока шестерых тянет, как я погляжу.

— А второй? — мрачно спросил Гижу.

— Что — второй? — не понял Шарятьев.

— Это я Кларенсу. Он говорил, что у него два вопроса к Йохиму, а задал пока лишь один.

Шарятьев живо повернулся к Маккензи:

— Да, Кларенс, а второй-то чего?

Маккензи досадливо отмахнулся:

— Второй к делу отношения не имеет.

— И все-таки? Давай, не трави душу.

— Ну, хорошо, — покорно вздохнул Маккензи. — Еще я хотел спросить у Йохима, почему он из бинжа первого класса превратился в рядового трассера.

Лица, как по команде, обратились к великану.

— Да, Йохим! — поддакнул капитан. — В самом деле, почему?

— Нам это не поможет, — невозмутимо сказал Ба. — Поэтому я промолчу.

Шарятьев угрюмо взглянул на каменное лицо бывшего бинжа и понял — такой может и палец отнять, и... все остальное. Бедный Вадик Хомуха...

Капитан на некоторое время задумался, потом решительно хлопнул обеими руками по роговице перед линзой:

— Значит, так! Хомуха и Мрничек... нет, лучше Хомуха и Шарятьев — ну-ка метнулись в биосеттинг и замерили цикл! Тянет он шестерых или не тянет. Паёк — хрен с ним, можем и урезать, а вот кислород урезать не получится, поэтому в первую очередь просчитывайте регенераторы.

Мрничек — ты дуй к фронтальным флипстерам и выясни, что там Фрея себе решила насчет столкновения с металлической преградой. Только не трогай ничего, просто пойми, как она интерпретирует препятствие и что начала по этому поводу предпринимать. Или собирается предпринять, если еще не начала. Постарайтесь управиться за час-полтора. Ать-два, бегом марш!

Хомуха кинулся к кормовому твиндеку так, будто за ним гнались волки; Шарятьев успел только удивленно вытаращиться и разинуть рот, а потом покачал головой и потрусил следом. Мрничек угрюмо поглядел им вслед, вздохнул и убрел в голову. В рубке остались капитан, бинж и экс-бинж.

— Вообще-то проверять флипстеры более пристало навигатору, — проворчал Маккензи. — Но я понимаю, сейчас посылать Мрничека вместе с Вадиком... чревато.

— Молодец! — похвалил бинжа капитан без всякого энтузиазма. — Голова!

Откровенно говоря, Гижу просто хотел остаться наедине с Ба и Маккензи — не так уж и важны были прямо сейчас выводы Фрей относительно столкновения и даже данные по циклу жизнеобеспечения: вопреки общераспространенному мнению, при желании можно урезать и кислород, правда, в достаточно ограниченных пределах. А если учесть, что цикл всегда имеет солидный запас прочности, то по этому поводу можно было волноваться еще меньше.

Интересовало капитана другое.

— Йохим, — обратился Гижу к экс-бинжу первого класса. — Молодняк я выставил, так что можешь говорить без обиняков. Фрея лечится?

— Нет, — хмуро сказал Ба и добавил: — Официально считается, что корабль подлежит полному восстановлению при проценте повреждений не выше семи. У нас, как ты сам понимаешь, пятьдесят.

— Уже меньше, я ж кое-что оживил, — буркнул Маккензи. — Линзы, там, датчики...

— Ну, пусть будет не пятьдесят, пусть будет сорок девять. Невелика разница.

— А официальным данным можно верить? — поинтересовался капитан.

— Более или менее. Я лично считаю, что если повреждено больше пяти-шести процентов органов — дело швах, нужно спасти ориентировку и ждать помощи. Но в нашем случае...

— Помощи мы не дождемся, — невесело продолжил за коллегу Маккензи. — Нас попросту не заметят. Дьявол, а ведь просто поглядеть глазами точно никто не удосужится, надеяться можно только на подключенного трассера.

Несколько секунд все молчали. Потом капитан встрепенулся:

— Йохим, а когда оторвало петипальпу вашей... э-э-э... как ее звали?

— Самурой ее звали.

— Да. Когда оторвало петипальпу вашей Самуре, во сколько ты оценил процент повреждений?

— Примерно в полтора. Чуть меньше. Реально сначала высчитываются процент по объему, процент по массе и процент по насыщенности органами. Потом выводится средне-квадратичный и учитывается поправка по таблице.

Капитан вопросительно зыркнул на Маккензи; тот еле заметно кивнул.

— И все равно пришлось отнимать трассеру палец?

— Пришлось, — подтвердил Ба. — Видишь ли, капитан, время от времени случаются аварии, когда не удается вылечить и самую пустячную неисправность. Корабли достаточно сильно унифицированы, но все же имеется риск отторжения вживленных запасных органов и фрагментов.

Собственно, именно поэтому при высоком проценте повреждений лечение и не приводит к гарантированному успеху: отторжения все равно будут. Но заметишь ты это, только когда пролетишь мимо узла или снова влипнешь в незамеченную вовремя вариативность. А подлеченные после аварийных рейсов корабли запикивают в трехгодичный карантин, даже если команда вживляла всего лишь какой-нибудь паршивый термодатчик на камбузе. В том, разумеется, случае запикивают, если корабль возвращается, а возвращаются далеко не все.

— Трехгодичный? — изумился капитан. — Ни фиги себе! Я не знал.

— Откуда тебе знать? — Ба пожал плечами. — У тебя только второй класс.

Гижу насупился. Действительно, Фрея являлась джампером второго класса и спецам первого на ней делать было нечего. Путешествия на практически безотказных живых кораблях расслабили астронавтов.

Сведений об авариях почти не поступало, только сведения о редких пропажах кораблей с трасс.

— А если не лечение тогда... что? — Капитан смотрел на экс-бинжа и думал: «Какая удача! На борту обнаружился спец первого класса!»

— Я уже сказал, — развел руками Ба. — Если гора не идет к Магомету, значит, нужно повредить трассера в той же степени, в какой поврежден корабль. Осталось только выбрать кого.

— Могу вас обрадовать, — мрачно сообщил капитан. — Времени на то, чтобы выбрать будущего э-э-э... трассера-инвалида у нас предостаточно. Года полтора, не меньше. Правда, существует риск, что мы постепенно сдрейфуем в очередную вариативность — тогда нам точно безотлагательная крышка.

— Скорее мы на мусор какой-нибудь забортный напоремся, — унылее, чем обычно, напророчил Маккензи. — Или на каменюку.

Навигатор Шарятьев немедленно замахал на бинжа руками:

— Кларенс, брось, какой мусор, какие каменюки? Обычная планетная система! А то, что датчики ересь какую-то транслируют, так Фрея же повреждена. Бредит, бедная... Что же до метеоритов — так нас скорее заметят транзитчики на ближайшем узле, чем мы на метеорит напоремся.

— Вообще-то наоборот. Причем я не намекаю на множество метеоритов, — поправил традиционно невозмутимый Ба. — Если, конечно, вас интересует мнение рядового трассера.

— Так, — решительно вмешался капитан. — Йохим, сейчас ты не рядовой, сейчас ты бинж первого класса. Пусть и... в отставке. Я беру всю ответственность на себя — разумеется, если нам повезет и мы выкарабкаемся. Поэтому веди себя соответственно, договорились?

— Ай-ай, кэптейн. — Ба довольно неуклюже отсалютовал правой, зачем-то оттопырив мизинец. — Начинаю вести.

— Ага, — немедленно ошетинился Мрничек. — Значит, нас, рядовых, наименее ценных членов экипажа, остается только двое?

— Именно так, рядовой, — жестко подтвердил Гижу.

И добавил уже спокойнее:

— А будешь возражать — придушу.

От капитанского спокойствия Мрничека лавиной пробрал озноб. Он втянул голову в плечи и сразу стал похож на замерзшего, нахохлившегося воробышку.

Глянув на капитана в момент тирады, любой бы утратил малейшие сомнения: придушит.

— Тогда выбор у нас станет еще беднее, — заметил Маккензи. — Кстати, я бы на твоём месте не возникал, кадет. Бинжей у нас тоже два, а капитан с навигатором — сам понимаешь... в любом случае нужны до самого финиша.

Шарятъев, глядя в сторону, невыносимо фальшивым тоном пробормотал:

— Ну, если Фрею кто-то проведет по узлам до самой Солнечной, то и без навигатора финишировать сумеет. Самостоятельно.

Было видно, как трудно дались ему эти слова.

Несколько секунд все молчали. Никто не спешил ни подтвердить, ни опровергнуть слова навигатора.

— Я бы хотел напомнить, коллеги, — подал голос Йохим Ба. — Убивать никто никого не собирается. Только частично парализовать.

— Спасибо, успокоил, — позабыв о капитанской угрозе, выкрикнул Мрничек, но почти сразу осекся и снова поник.

— ...а на Земле достаточно развитая медицина, чтобы вынуть из инвалидного кресла практически любого, — продолжил Ба, словно бы и не заметив, что его перебили. — Кстати сказать, палец трассеру с Самуры пришили в лучшем виде.

Маккензи скептически покачал головой:

— Ну ты сравнил! Палец и частичный паралич! К тому же еще нужно нашего... счастливца осчастливить так, чтобы Фрею это устроило. То есть прибить ему правую половину тела, ни больше ни меньше. А у нас даже врача толкового на борту нет... прости капитан.

Капитан, по традиции исполняющий на малых кораблях еще и обязанности врача, поджал губы, но возражать не стал:

— Ты прав, Кларенс. Нейрохирургом я себя назвать не могу.

— На самом деле не все так страшно, как кажется. — Йохима Ба, похоже, ничем нельзя было смутить. — Вспомните: при инсультах часто парализуется именно половина тела. Значит, сделать то же самое не так уж и трудно, нужно только порыться в справочниках, найти методы лечения, инверсировать программу железного доктора и положить под лазер одного из нас. По-моему, это гораздо меньший риск, чем пресловутые метеориты.

Железным доктором называли одно из немногих полностью механических устройств на борту квазиживых кораблей, а именно медицинский комплекс-автомат.

— Черт возьми, у тебя на все есть ответ, — нервно сказал капитан.

Ба пожал плечами:

— Я ведь бинж первого класса, ты сам сказал. Пусть и в отставке.

— Ладно. — Капитан встрепенулся. — Это все лирика. Предлагаю для начала решить, что мы делаем: ждем, пока не начнет дохнуть цикл, или прямо сейчас решаем, кого из нас предстоит искалечить. Высказываемся по возрастающей. Вадик?

Подавленно молчавший Хомуха выполз из щели между оболочкой рубки и ребром жесткости, одновременно служащим панелью климат-контроля. Был Хомуха бледнее бледного и довольно жалок с виду, но явно пытался крепиться.

— Я... Я хотел сказать... раз я всех подвел... то и калечить надо меня. Только, пожалуй...

— Рядовой! — рявкнул капитан таким голосом, что Шарьятев, Мрничек и сам Хомуха синхронно вздрогнули. — Мне повторить вопрос? Повторяю: считаешь ли ты, Вадим Хомуха, трассер, должны ли мы ждать до выработки ресурса жизнеобеспечения или принимать решение прямо сейчас? И прекрати мне блять, слушать тошно.

Хомуха судорожно сглотнул и осмелился поднять взгляд на капитана.

— Я... Я...

Капитан предупредительно поиграл желваками на скулах; Хомуха тут же вытарашил глаза и остекленело проорал:

— Я считаю, что принимать решение нужно сейчас!

— Ну, вот, другое дело, — гораздо миролюбивее отозвался Гижу. — Принято. Мрничек?

Второй трассер подскочил с гриба-табурета перед мертвой линзой диагностера правого борта:

— Я считаю, что торопиться не следует! Тем более что Вадик имел мужество признать...

— О мужестве поговорим позже, — оборвал его капитан и повернулся к навигатору, нервно потирающему щеки у накопителей: — Ты?

— А? — вскинулся Шарятьев. — Ну... Я бы тоже подождал. Все-таки... Ну как-то это...

— Понятно, — кивнул Гижу. — Кларенс?

Маккензи презрительно оттопырил губу:

— Ждать полтора года, одичать, пересраться меж собой? Я против. Решать нужно сейчас.

По виду капитана несложно было понять, что в выборе бинжа он ничуть не сомневался. Он по очереди оглядел всех своих коллег по экипажу, в последнюю очередь остановив взгляд на Йохиме Ба.

Несколько секунд они глядели в глаза друг другу. Неотрыено. Словно древние дуэлянты перед барьером за миг до того, как разойтись на положенное расстояние.

— Напоминаю, — непререкаемо сказал капитан, — что у нас тут не палата общин и решение принимается не числом голосов. Решать буду я, ваш капитан. Но прежде я хочу услышать мнение каждого. Итак, Йохим, за тобой последнее слово.

Ба впервые за истекшие несколько часов улыбнулся — чуть заметно и, как показалось остальным, одобрительно:

— Я вижу, что ты уже принял решение, капитан. И я разделяю твое решение. Прямо сейчас и никак иначе.

Гижу в который раз характерно поджал губы, но снова не стал возражать.

— Что ж... Ты угадал, Йохим. Ждать мы не станем.

Капитан повернулся к остальным. Он не зря был капитаном: в спокойное время с Гижу можно было и пошутить, и попихаться на татами в спортблоке, и поболтать за жизнь. Но когда приходилось брать ответственность на себя, капитан сразу становился Капитаном.

— Не станем мы ждать, глупо это. Но только не надейтесь попусту, опрашивать всех, кого именно мы положим под лазер железного доктора, я не намерен. Мы будем тянуть жребий. Причем тянуть будем все, включая навигатора и капитана. Вадик, сходи на камбуз, принеси зубочистки, шесть штук. Можешь заранее одну обломать...

Хомуха дернулся было, но его перехватил за плечо великан Ба.

— Не трудись, малыш. У меня есть колода карт. Потянем карты — их больше. Верьте мне, нервы будут целее.

Экс-бинж достал из нагрудного кармана комбинезона плоскую коробочку, вынул из нее колоду и неторопливо перетасовал. В огромных ладонях Йохима светлые прямоугольнички карт выглядели странновато и до предела неуместно. Тасовал Ба не то чтобы с какой-нибудь особенной сноровкой, но и не напоказ неуклюже — так тасует колоду любой человек, которому приходится резаться в преф или покер не чаще раза в год.

— Все очень просто, — объяснил Ба, положив карты в центр гриба-стола.

— Любой может сдвинуть колоду один раз или отказаться сдвигать. Потом мы по очереди тянем по одной карте и одновременно — подчеркиваю, одновременно! — вскрываем. Нашей черной меткой будет пиковый туз. Идет?

Маккензи, даже в такую минуту не утративший врожденного ехидства, насмешливо фыркнул:

— Надеюсь, тебя выгнали из бинжей в трассеры не за шулерство?

— Нет, — совершенно серьезно ответил Ба. — Не за это. Я вообще никогда не играю в карты. Я только гадаю.

— Можно я перетасую колоду? — нервно спросил Мрничек. — Прежде чем начнем сдвигать.

Смотрел Мрничек на капитана, но тот предпочел не вмешиваться:

— Йохим начал эту игру и не вижу причин менять ведущего. Спрашивай у него.

Мрничек требовательно уставился на Ба.

— Тасуй, — пожал плечами Ба. Вроде бы равнодушно.

Схватив колоду (чуть быстрее, чем того требовала ситуация), Мрничек сначала бегло проглядел карты, словно боялся, будто колода сплошь состоит из тузов пик. Потом принялся тасовать — точно так же, как минуту назад Ба — не слишком умело, но и ничего не уронив. Тасовал он долго и тщательно, показушно вытянув шею в сторону — мол, я не подглядываю, мне видны только рубашки.

Примерно через минуту колода вернулась в центр стола. Мрничек повернул голову к стоящему справа от него Шарятьеву:

— Сдвигай!

Тот протянул руку — рука подрагивала, — снял примерно половину карт и поменял местами верхнюю половинку с нижней. Он тоже старался продемонстрировать честность: карты едва-едва отрывались от роговицы-столешницы.

— Я не буду, — превентивно заявил Маккензи.

— Я тоже, — сдвигать отказался и капитан.

Следующим стоял Ба; он карты сдвинул, все так же аккуратно и медленно, после чего приглашающе повел рукой в сторону Хомухи. Тот потянулся было к колоде — руки сильно тряслись. Слишком сильно.

Очевидно, виновник неожиданной реинкарнации клуба самоубийц убоился, что уронит или засветит карты, поэтому он поспешно отдернул руки и решительно мотнул головой:

— Не буду!

Легко было представить, что творилось в душе у этого паренька, недавнего курсанта, не налетавшего еще и пяти лет. Да и Мрничеку было явно не легче. Даже немало повидавшему Шарятьеву.

— Кто потянет первым? — очень, очень спокойно и мягко спросил Ба.

— Стоп! — вмешался капитан. — Тянуть не будет никто. Карты сдам я. И уж поверьте, жульничать не стану: я без труда мог все устроить так, что карты сейчас тянули бы только четверо. Или вовсе двое. Или вообще не начался бы этот... балаган. Назначил бы Хомуху, и все. Ясно? Сдаю.

Возражать никто не посмел, да Гижу и не предоставил такой возможности. Он просто положил перед каждым по одной карте, причем вообще без всякой антишулерской показушности, будто они сейчас играли на то, кто пойдет программировать ужин.

— На счет три — открываем. Готовы?

Воздух в рубке, казалось, стал густым, как коллоид.

— Раз!

По лицу Хомухи сползла крупная капля пота.

— Два!

Мрничек стал еще бледнее обычного; Шарятьев ожесточенно тер обеими руками обе щеки сразу.

— Три!

Шесть рук потянулись к лежащим на столе картам. Шесть рук перевернули их картинками вверх.

Первым издал вздох облегчения Мрничек — ему выпала восьмерка червей.

Шарятьев осторожно, двумя пальцами, будто сколопендру, держал трефовую даму. Хомуха тупо глядел на трефовый же туз, словно соображая: не мерещатся ли ему перекладинки. Маккензи взглянул и сразу же бросил на столешницу пикового валета. Себе капитан сдал бубновую десятку.

Каждый из них даже не успел подумать, что тянуть карты придется еще раз, и быть может, даже не один.

А мгновением позже Йохим Ба совершенно спокойно повернул свою карту рубашкой к себе, картинкой к остальным и показал.

Пикового туза.

Пауза вышла нервной и скомканной. Мрничек закатил глаза, Хомуха шмыгнул носом. Шарятьев неожиданно прекратил тереть щеки и переминаться с ноги на ногу — обмер,

будто статуя. Маккензи склонил голову набок и подозрительно прищурился.

— Пойду подберу программу для железного доктора, — сказал Ба естественно и просто, словно не случилось ровным счетом ничего. — Полагаю, лучше меня этого никто не сумеет, да и здоровье все-таки мое...

Хомуха потоптался у стола еще с полминуты и куда-то бочком ускользнул. Мрничек что-то пробубнил неразборчиво и тоже тишком слинял из рубки.

— Послушайте, — вслед за тем ожил Шарятьев и принялся тереть щеку, на этот раз одну, — а почему у Ба колода оказалась с собой? Я понимаю еще в каюте, но с собой? В такой момент?

В голосе его сквозило смутное подозрение.

— Хочешь перетянуть? — Маккензи, как всегда, был самохитство. — Валяй, зубочистки на камбузе, если карты не нравятся!

Шарятьев отвел глаза — не то чтобы торопливо, но быстро.

— Брек. — Капитан слегка хлопнул ладонью по столу. — Жребий был честным, я ручаюсь, что сдал верхние карты. Уж мне-то можете верить.

Собственно, насчет этого никто и не сомневался.

— Слышь, кэп. — Маккензи вдруг стал серьезен. — У меня на тупике бутылка виски имеется. Позволишь? А Вадик пусть обед приготовит. Хрен с ним, с циклом, по-барски, с икрой и устрицами. А?

Гижу секунду поразмыслил.

— Виски позволю. А что до обеда... Представь, каково на этом обеде будет ЕМУ? И нам, рядом с НИМ?

Маккензи опустил лицо и несколько раз мелко кивнул:

— Да... Ты прав, капитан... Как всегда. Ну, я пошел.

Во второй раз навестить Йохима Ба в Ноттингемском клиническом центре Гижу и Маккензи сумели только спустя полгода — нравы в режимном секторе космоцентра были, понятное дело, суровые. Они шли локоть к локтю, больше

не капитан и больше не бинж — в кадетских комбинезонах вообще без всяких нашивок, только с номерами на спинах, лишенные всех привилегий, званий и классов. Коротко остриженные, с обострившимися чертами лица.

Если повезет, через годик-полтора их восстановят в правах рядовых трассеров и, возможно, даже зачислят в какой-нибудь экипаж на заштатной трассе. Тот, кто допустил аварию, теряет все, это известно всякому.

Но к Йохиму Ба их все же отпустили.

В первый раз Гижу, Маккензи и Шарятьев приходили сюда дня через четыре после того, как ущербную Фрею с Титана на Землю доставила во чреве исполинская Кларесса. Йохим Ба плавал в физрастворе за толстым то ли стеклом, то ли пластиком и соображал не лучше, чем заспиртованный медвежонок в зоологическом музее. Врачи говорили, что шансы есть, и много, но нужно время. Молча постояв рядом с беспамятным товарищем по команде и несчастью несколько минут, они ушли.

После трибунала Шарятьева почему-то отослали в другой центр, хотя уместнее было бы отослать Маккензи — он как раз проходил по отдельной линии подготовки и относился к ведомству биоинженерии в отличие от экс-капитана и экс-навигатора, которых когда-то готовили в одной школе, только на разных факультетах. С тех пор Гижу и Маккензи редко расставались, а причины перевода Шарятьева поняли несколько позже.

Они уже знали, что Ба поправляется, но двигательные функции еще не полностью восстановлены.

Невзирая на комбинезоны без нашивок, в спецсектор их пропустили без проволочек. И на этаж тоже. Строгая сухопарая медсестра безропотно проводила их в палату.

Палата... После крохотной камеры, в которой обитали Гижу и Маккензи уже шестой месяц, хотелось назвать ее дворцом.

Огромная, невероятно огромная комната под прозрачным куполом, в данный момент раскрытым. Сверху нависа-

ло летнее небо. Под куполом натурально росла трава и мелкие кустики — газон газоном. Вокруг — мраморная дорожка, лавочки; посреди специального пятачка — фонтанчик с рыбками. И только где-то там вдали, у дальней стены виднелась койка, как раз напротив громадной видеопанели.

Йохим Ба сидел в кресле, у фонтанчика; рядом возвышался изящный столик, на котором красовалась ваза с фруктами; тут же стояли кувшин молока и глиняная кружка. Во втором кресле небрежным ворохом пузырились кое-как развернутые газеты. Бросалась в глаза палочка, бережно приклоненная к креслу.

Ба медленно повернулся в сторону посетителей и сразу стало видно, что правая половина лица у него словно омертвела: даже морщины заканчивались на середине лба. Странно неподвижным оставался глаз. Ни намека на мимику, восковая маска, не лицо.

Точнее, пол-лица, потому что левая сторона жила. Но эта полуулыбка хорошо знакомого человека выглядела чужой.

— Здравствуй, Йохим, — твердо поздоровался Гижу.

— Здравствуй, — эхом повторил Маккензи.

— Отпустили наконец-то? — ответил Ба.

Говорил он тоже плохо, но в целом разборчиво.

— Здравствуйте. Вон там есть стул, тащите сюда.

За стулом сбегал Маккензи, Гижу тем временем убрал из второго кресла газеты.

— Сколько у вас времени?

— Минут десять, — виновато признался Гижу.

— Ага. Давайте обо мне не будем: выкарабкаюсь помалу.

Лучше скажите, когда вы поняли?

Гижу на секунду опустил голову.

— Да я почти сразу понял, когда ты карты достал, — признался он. — Еле сдержался, чтобы не попросить тебя показать мизинец.

Ба улыбнулся своей жутковатой полуулыбкой:

— Ну, мизинец-то мне присобачили на совесть, даже шва не осталось.

— А я понял, — признался Маккензи, — когда ты нашел программу за какие-то двадцать минут. Я глянул — инверсировать такую уйму операций так быстро? А если учесть еще, что на поиск самой программы должно уйти какое-то время...

— А чего мне тянуть, если вы уже поняли, а остальные никогда и не поймут?

— Шарятьев тоже догадался. По крайней мере что-то заподозрил.

— Да? Не ожидал от него. И как Шарятьев?

— Ничего. Летать будет вряд ли, но преподавателем стал отменным.

Ба вздохнул.

— Что ж... Каждому свой путь. К нам ему, сами понимаете, не судьба. А пацаны?

— Мрничек сбежал в дефектоскописты, в космос больше ни ногой. А Хомуха, представь себе, подался на навигаторский факультет!

— Вадик? — изумился Ба. — После того, как он нас всех чуть на тот свет не отправил?

— А он, оказывается, и не виноват был. Фрея еще с прошлого рейса на просчете вариативностей сбила, что-то там у нее занедужилось, а космодромные бинжи проспали. Собственно, они тоже не виноваты: отклонение было в табличном пределе, просто стало больше, чем раньше.

Но теперь статистика снята, думаю таблицы уже обновили с учетом нашего случая. А Вадик, между прочим, тянет на золото по итогам полугодия!

— Ну, молоток! Рад за него!

Над палатой щебетали птицы.

— Слушай, Йохим, я давно хотел спросить, — начал Гижу, но на несколько секунд умолк. — Ты... Ты начал экзаменовывать нас в тот самый момент, когда признался, что ты не простой трассер, а разжалованный бинж?

— Разумеется! Если уж вляпались по-крупному, нужно сразу брать быка за рога и решать, кто способен работать

сакрифайсером, а кто нет. Я поставил на обоих и выиграл — ты, капитан, начал подыгрывать мне раньше, чем осознал это. Да и Кларенс вел себя... адекватно.

Йохим по-прежнему называл Гижу капитаном.

Маккензи не преминул съязвить:

— Премного благодарны за доверие...

В самом деле, кто способен сохранить спокойствие и уверенно лечь под врачебный лазер в ситуации, в которой совсем недавно пребывала Фрея?

Кто не сломается тогда, когда порой ломаются лучшие из лучших? Кто не позволит им сломаться, взвалив на себя роковое бремя неудачника, вытянувшего страшный жребий?

Только тот, кто однажды уже пережил подобное. Поэтому в сакрифайсеры набирали лишь астронавтов, вернувшихся на аварийных кораблях, и лишь тех, кого рекомендовал искалеченный сакрифайсер.

— Не тяжело вам? — спросил Ба участливо. — Меня, помню, просто бесило, что все вокруг считают меня арестантом.

— Меня тоже бесит, — сознался Гижу. — Однако держусь. И Кларенс держится, но таким ядовитым стал — мне его, клянусь, придушить иногда хочется!

— Ну, извини, — вздохнул Маккензи. — Не от райской жизни.

— А курс как? Дается?

Капитан упрямо поджал губы:

— Куда ж он денется... Только программы подбирать тяжело — много их, черт бы их побрал... Голова пухнет.

Программы фрагментарного поражения организма... Заранее просчитанные до десятитысячных долей процента на любое из возможных повреждений — они ввергли бы в ужас любого из инквизиторов древности. И любой сакрифайсер должен был разбираться в них быстро и безошибочно — от этого зависела как его жизнь, так и жизнь всех, кого он спасал.

— Программы, — проворчал Ба, хмурясь половиной лица. — Что программы, они еще не самое страшное. Хотите знать, что было самым трудным для меня?

— Что? — в один голос выдохнули Гижу и Маккензи.

— Труднее всего, — признался Йохим Ба, лучший сакрифайсер дальнего космоса, — было научиться всегда — всегда! — вытаскивать из этой чертовой колоды именно пикового туза!

Август 2003 — февраль 2004

Николаев — Москва

Борт на орбитальную станцию «Гелиотроп» задержали и во второй раз.

Теперь на четыре часа.

Веня сплюнул с досады и уже, чаверное, в сотый раз за сегодня поглядел на хронометр.

«Ну, что, — уныло подумал он. — Опять в бар? Я уже, выпить, булькаю! Пиво — и то не лезет!»

Следом Веня очень непоследовательно подумал, как быстро пиво, а заодно и остальные спиртные напитки ему обрыдли. Каких-то два года — всего-то! — промелькнувшие, будто миг. И вот, пожалуйста: вместо курсанта, который в любую секунду был готов пить все способное гореть, имеется еще зеленый, но уже не скажешь, что желторотый, оператор систем орбитального слежения и аналитик группы тазионарного сканирования. И в вышеозначенного оператора-аналитика нынче не лезет вышеозначенное пиво. Правда, пиво вряд ли способно гореть...

Чертов шатл опять не прошел предстартовые тесты — не из-за погоды же его задерживают! А шаттлы — не «Боинги», их на Земле раз-два и обчелся. Несколько «Буранов-4» у русских, несколько «Джураев» у штатников, две «Мелиссы» у Европы да единственный «Дзё» у объединившихся по извечной восточной хитрости японцев-китайцев-корейцев. Говорят, заложены корабли у австралийцев, Ирака, Индии и совместный латиноамериканский под патронатом Бразилии.

Впрочем, это и пять лет назад болтали, и семь, когда Веня только поступал в космоакадемию. А шаттлов, кроме вышеперечисленных русских, американцев, европейцев и восточной коалиции, все равно никто так и не построил. Да и построенные летают через пень-колоду — чего далеко ходить, тот же Веня в означенный срок улетел лишь однажды, чему сам же несказанно удивился. Недолго, впрочем, удивлялся, на прямотоке часов шесть чинились в ходовом режиме.

В который раз уныло выслушав голос дикторши, Веня все же решил пойти в бар. Но, во-первых, через сортир, а во-вторых, в баре первым делом выпить не пива, а чаю. Да с какими-нибудь сосисками или на худой конец — бутербродами.

В сортире ошутимо пованивало и вдобавок не работала половина кабинок — и без того не ахти какой просторный пис-холл был поделен пополам полосатой полицейской ленточкой, заходить за которую, понятное дело, не рекомендовалось. Все эти радости Веня выяснил еще перед первой задержкой. С унынием отметив, что земная космонавтика в общем-то переживает упадок, Веня подхватил сумку и зашагал через зал в направлении сортира.

«А с чего бы ей переживать расцвет, земной-то космонавтике? — думал он. — Целей достойных нет. Пашем на науку, каковая сейчас мало кого всерьез интересует.

Ситуация и впрямь была довольно унылая. Космос перестал манить людей, вот в чем беда. Человечество закрутилось в делах земных, как белка в колесе, погрязла в сиюминутных колыбельных проблемах. Околоземное пространство, правда, освоили довольно густо — плюнуть некуда, чтобы не угодить на обшивку какого-нибудь спутника. Собственные аппараты на орбиту даже Камбоджа и остров Питкэрн запустили. Ибо связь, навигация, метеонаблюдение, шпионаж, в конце концов. В этом люди видели практический смысл. А какой практический смысл, скажем, в полете на Луну? Или на Марс? Что там делать, на Луне или Марсе?

Месить инопланетную пыль? Что, кроме морального удовлетворения, могло получить человечество от высадки на безжизненные планеты, рядом с которыми даже знаменитая Долина Дьявола выглядит райским уголком? Ну, кое-какие научные данные, бесспорно, пополнились бы. Но от этого у программиста из Кентукки или садовода из Коктебеля разве денег прибавится? Или срок жизни удлинится?

Жители Земли становились все более и более приземленными и практичными. Особенно по мере того, как принялась загигаться природа и перестало хватать ресурсов. Каким образом на скудненькие космические исследования и подобные им программы изыскивались средства, Веня даже не представлял.

Погруженный во все те же философские с оттенком грусти мысли Веня вошел в бар. Почти одновременно с объявлением дикторши о посадке борта «Ниппон» — «Холодный» — «Омега-двенадцать»-«Канаверал».

«Хоть у кого-то проблем нет, — подумал Веня. — Впрочем, откуда я знаю — по расписанию этот борт сел или как обычно? Вряд ли как обычно...»

Он успел заказать чаю с сосисками и просмотреть первую полосу позавчерашней газеты, валяющейся на столе. А потом поднял взгляд на входные двери. Скорее всего реагируя на чей-то пьяный возглас, диссонансом разорвавший тишину сонного бара на почти пустом космодроме.

«Севшие, что ли, надрались в полете?» — подумал Веня с неудовольствием. Сейчас любая мысль о полете вызывала у него неудовольствие.

А потом Веня встал и заорал сам:

— Зоран!!! Твою мать!!!

Надо же! Зоран Радманица! Мало того, что однокашник, так еще и сосед по комнате в академической общаге!

— Веня! — Зоран с трудом сфокусировал взгляд, но приятеля все же узнал. — Чего это ты тут торчишь?

— Борта жду! — Веня подбежал к оч-чень не слабо поддавшему Зорану — на ногах тот держался еле-еле. Но Радма-

ница всегда отличался тем, что, даже когда на ногах держался нетвердо, неизменно сохранял ясность мышления.

— Дался тебе этот борт... — фыркнул Зоран. — Бросай космос ко всем чертям. Поехали ко мне, в Струмицу! К маме! Виноград убирать!

— Я бы с радостью, — вполне искренне вздохнул Веня. — Но сам же знаешь — работа, будь она неладна...

— Уже не знаю, — заявил Зоран и рухнул на стул. — Меня уволили.

Веня уселся на свое место и тут же подавил желание вновь вскочить.

— Как уволили?

— А вот так. Вышвырнули. Без выходного пособия. Ты что это тут пьешь? Чай? Рехнулся, да? Официант, водки!

— погоди, погоди, — затараторил Веня. — Расскажи толком. В чем дело? И чем ты вообще занимался? Или подписка?

— Была подписка. Понимаешь — БЫЛА. Теперь нету. Вольный птах.

Официант за стойкой неторопливо загружал поднос. Графинчик, рюмки, сок, фужеры. Салфетки.

— Где работал? — не унимался Веня.

— Станция «Омега-двенадцать».

— Это оборонка какая-нибудь?

— Ну, можно сказать и так.

— А за что вышибли?

— За безделье. Там и одному-то работы раз в году на два часа. А нас четверо было.

— Н-дя. — Веня задумчиво почесал кончик носа. — Ну, чем занимались я не спрашиваю...

— А ты спроси. — Зоран покосился в сторону официанта — тот как раз обходил стойку, чтобы подхватить сервированный поднос со стороны зала. — А я отвечу. Морочили голову инопланетянам.

Веня едва не поперхнулся чаем.

— Кх... Кому?

— Инопланетянам, — невозмутимо повторил Зоран. — Ей-ей не вру.

Веня принялся затравленно озираться, но в баре, кроме них, находился только официант да какой-то грузный толстяк перед экраном эс-ти-ви. В ушах толстяка чернели акустические бусины и разговор приятелей он слышать не мог по определению.

Официант разгрузил поднос, справился, не нужно ли еще чего, и, услышав единодушное «нет», тотчас смылся за стойку.

Не медля ни секунды, Зоран наполнил рюмки водкой, а фужеры соком и выдохнул:

— Давай, Веня! За что-нибудь хорошее!

И залпом сглотнул свои законные семьдесят граммов.

Пока Веня протискивал в желудок водку да запивал соком, Зоран без всяких церемоний наколол на Венину вилку одну из Вениных сосисок и принялся как ни в чем не бывало уплетать. Веня протестовать не решился.

— Ты не знал, что ли? — не прожевав толком, продолжал Зоран. — Лет тридцать назад засекли беспилотный аппарат за орбитой Юпитера. Явно разведывательный. Прикинули траекторию — из системы Центавра.

Ближайшие, так сказать, соседи нами заинтересовались. Ну, в общем, решили их радиопередачи, во-первых, раскодировать, а во вторых... на всякий случай откорректировать, если пойдут данные о Земле. Этим я, собственно, и занимался два года. Вкручивал соседям, что Земля безжизненна, бесплодна и ни разу не интересна.

— Н-да, — с завистью вздохнул Веня, на миг забыв даже о прискорбном факте увольнения Зорана. — Интересно живете... то есть интересно жили... прости.

— Да ладно, — отмахнулся Зоран и снова потянулся к графину.

«А я, понимаешь, два года сканировал осточертевшие марсианские пустыни. Да ломал голову над тазионарными аномалиями — сдвигом и двумя всплесками на стандартных тазиограммах. Офигительно интересно».

От мысли, что проклятый шаттл когда-нибудь все-таки взлетит, Веня доберется до опостылевшего «Гелиотропа» и не менее опостылевшей лаборатории и снова будет сидеть перед экраном и тасовать безликие цифры в поисках ускользающего объяснения, стало еще гаже. Поэтому наполненную Зораном рюмку Веня воспринял уже с одобрением.

— И что? — поинтересовался минутой спустя Веня. — Ключули эти центавряне на вашу липу?

— Не знаю, — пожал плечами Зоран. — Сигнал к ним дошел года за четыре. Мы честно сфабриковали картинку и сопутствующие данные пустынной Земли, начисто лишенной атмосферы, воды и, разумеется, жизни. Но на Центавре, понимаешь ли, не успокоились. Ты о тазонарном сканировании слышал что-нибудь?

— Здрате, — фыркнул Веня. — Это как раз то, чем занимался последние два года я.

— Знаешь, стало быть, — кивнул Зоран, наливая по третьей. — Так вот, эти сволочи перестали посылать беспилотные аппараты, а взамен занялись этим самым сканированием. Приходится и это перелицовывать на пустынный лад.

— Ну, — Веня глядел на наполненную рюмку уже определенно с вожделием, — мы ведем себя точно так же. Марс сканируем, Венеру, Меркурий, спутники... Давай еще по одной, что ли?

— Давай. — Зоран очнулся. — Давай за космос. Люблю я его все-таки... хоть и командуют его освоением сплошные сволочи.

Выпили.

«Да уж, — думал Веня, жуя сосиску. — Конечно. Не эти уволившие Зорана сволочи корпят ночами над отчетами и ломают головы над теми же аномалиями данных сканирования. Ну откуда, скажите на милость, взяться в отраженном сигнале одному сдвигу и двум всплескам? И потом, как вообще могут возникнуть всплески в зонах когерентного отражения? Бред ведь... Бред, данный нашим датчикам в ощущениях...»

— Знаешь, в чем главная головная боль наших умников с «Омеги-двенадцать»? — продолжал выбалтывать служебные секреты захмелевший еще больше Зоран. — Ты как спец должен понимать. Если исказить отраженный тазионарный поток, в нем возникает какой-то сдвиг и какой-то всплеск, кажется, даже не один. Свойство такое паршивое. В естественных условиях его быть не должно вроде. Вот наши начальнички и боятся, что на Центавре заподозрят неладное и пошлют пилотируемый корабль. А живым инопланетянам голову морочить гораздо труднее.

Очередная наполненная рюмка выпала из рук Вени. Брызнула водка — на скатерть, на пол, на безработного Зорана Радманицу. Зоран с изумлением уставился в округлившиеся глаза Вени.

— Твою мать! — пробормотал Вени. — Пустыня, значит! Красная безжизненная пустыня! И при этом — один сдвиг и два всплеска в отраженном потоке! И никаких шансов заслать к Марсу нормальную экспедицию! С такой-то полуживой космонавтикой, когда один отдел не ведает, чем занимаются остальные! Твою мать!!!

Вени с грохотом хватил по столу кулаком.

— Ты чего? — испуганно промямлил Зоран, на всякий случай придерживая графин с остатками водки. — А, Вени?

Но тот уже малость успокоился и сел.

— Да ничего, собственно. Просто я понял: у марсиан есть своя станция «Омега-двенадцать». Или как там по-ихнему, по-марсиански? И я даже не слишком удивлюсь, если с этой станции всех скоро к чертовой матери поувольняют. Дай только долететь до «Гелиотропа»...

*сентябрь 2002
Москва, Соколиная Гора*

ДОМ ЗНАКОМЫЙ, ДОМ НЕЗНАКОМЫЙ

Я очень хорошо помню тот воскресный майский день: именно тогда я познакомился со своей второй женой — совершенно случайно, — а Пашка впервые побывал в музее «Твой Дом».

Вызов выдернул меня из глубин утреннего сна. Самого крепкого и сладкого, после которого, даже проснувшись, невероятных трудов стоит оторвать голову от подушки или хотя бы пошевелиться.

Вызов настырно звенел колокольчиком, сверляще отдавался в самом мозге, поскольку был настроен с моей черепушкой в резонанс. Колокольчик не был особенно громким — он просто стал частью моего организма.

Кровать тихонько вздрогнула, усиливая вызов. Бывало, после особенно тяжелых дежурств на звуки я вообще не реагировал. Я и на тряску кровати не всегда реагировал... тогда на голову выливался ушат холодной воды. Дом точно знал, что мне необходимо проснуться — я сам ему вчера об этом сообщал и соответствующим образом инструктировал.

Как раз на «ушате» я окончательно проснулся и приподнял голову над подушкой.

«Интересно, — подумал я, отгоня сонливость, — ушат — это сколько? Литр? Два? Или больше?»

Не могу сказать точно, но лужу на подушке менеджер спальни потом сушил целых пять минут.

— Да! — покорно отозвался я.

Кровать одновременно чуть изменила форму и наклон основной плоскости; подушка слегка потолстела, а порт нейрочипа у виска предупреждающе пискнул и отключился от сети. Теперь я не лежал, а полулежал.

На коврик перед кроватью стусился видеостолб. Ну, конечно же, кто еще может меня разбудить в выходной день, как не этот ненасытный до знаний обормот?

Пашка, внук, вреднейшее и любимейшее существо. Формально он приходится мне праправнуком, причем уже шестым по счету, но так уж повелось в нашей семье, что всех младшеньких на два или больше поколений зовут просто внуками и внучками, без разбору. В самом беспокойном возрасте между тремя и четырьмя годами из наших Пашка — единственный. Праправнуку Витьке уже девять, это совсем другой возраст. Почему-то все мои внуки, правнуки, праправнуки и целая орда племянников разной степени родства в возрасте три-четыре-пять намертво прилипают ко мне. И я с ними с удовольствием вожусь и занимаюсь любимым делом.

Я помогаю познавать им наш теперешний Дом.

Кроме меня, брата Виталия, жены его Клавдии и нашего с Виталием отца Тимофея (главы семьи Пожарских), никто толком и не помнит старых времен и Дома, каким он был прежде.

Слишком стремительным стало время, когда я был молодым, события развивались не так стремительно. Даже антивирусы в сети обновлялись всего лишь ежедневно, а не так как сейчас, каждые шесть с половиной минут.

— Здравствуй, тутусик! — поздоровался я.

Всех внуков такого возраста я называл тутусиками, как когда-то отец меня, а потом и брата Витальку.

— Привет, деда! — поздоровался внук. — А я тебя не вижу!

— Видео включи, — командуя я Дому. Точнее, менеджеру спальни. Чего мне, в самом-то деле, от внука прятаться? Он сто раз по деду в моей же постели прыгал, словно попугайчик. И боролись мы тут же, на ковре — Пашка до сих пор

сохранившуюся мамину пижаму с грибочками называет «ки-моно». Я научил год назад...

Не следует думать, что Пашка чересчур уж вреден — не вреднее сверстников. Просто возраст такой. Приходится терпеть. Когда потакать его выходкам, а когда и по затылку шлепнуть.

Почему-то при виде этого жизнерадостного тутусика у меня всегда пробуждаются воспоминания.

Его деда, ныне видного мужчину пятидесяти двух лет на весьма уважаемой общественной должности, я когда-то тоже знакомил с Домом.

Тогда Дом был совсем другим.

Дом всегда не такой, каким ты его помнишь вчера. Он меняется. Вместе с нами.

Так вот, этого самого Пашкиного деда, тогда трехлетнего карапуза, за какую-то шалость я вознамерился в очередной раз отшлепать. А он еще накануне пожаловался старшему брату, малолетнему хакеру (чтоб его!), будто дед Дима (я то есть) его побивает. Ну а этот малолетний хакер не придумал ничего умнее, чем сломать локальную систему активной защиты в детской. Чего было, вспоминаю... И смех, и грех. Только я размахнулся, чтоб обормота шлепнуть, а меня гравитационным захватом — бац! Очнулся на ковре, перед глазами искры, спина болит, а эти двое ржут перед терминалом, бандиты...

Но я их все равно люблю.

Пашка тем временем торопит:

— Вставай, деда, уже полдесятого! Мама завтрак нам готовит.

Ага. Значит, Василиску, правнучку мою, этот деятель уже поднял, а ведь та весьма совиного образа жизни девица. До сих пор полночи по дискотекам шляется да прыгает под те-перешний бум-бум. Причем почему-то только по педовским клубам — натуралов ей, что ли, мало? А муженек ее хоть бы хны, уткнется в свой терминал и коды тасует. Есть жена рядом, нету ее — лишь бы мелкий был накормлен да занят и

не мешал работать. Хотя, признаю, делом он занимается многообещающим, в будущем кое-что в мире точно перевернет. Ну а я и рад Пашку занять.

Мне зятевы сетевые шуры-муры неинтересны, потому что малопонятны.

Совсем я отстал от сетевой жизни. А ведь в свое время сколько прибуд разных под редкое железо написал, сколько драйверов переточил на новый лад, когда в семнадцатом старые волоконные протоколы окончательно сдохли и буквально все переползли под 1024-разрядные процессы. Шеф-то мой, пень старый, считал, будто новые драйвера легче написать. А чего их писать, аппаратные библиотеки-то под них один хрен все те же, нужно только доступ под 1024-разрядность оптимизировать да сжать заново.

Впрочем, зятю я сегодня кажусь таким же непроходимым пнем, как мне шеф в далеком семнадцатом. Поэтому и выпирают из конторы через четыре года на досрочную пенсию, хотя мне всего сто шестнадцать.

Василиска, значит, на кухне, командует поварским терминалом и шурует по необъятному холодильнику. Тогда и впрямь пора вставать. Потому что Пашкин утренний энтузиазм легко объясним. Вчера я пообещал сводить его в музей под все объясняющим названием «Твой Дом».

Любое разумное существо хочет как следует познать свой Дом, как бы он ни назывался — дворцом, хрущобой, лачугой, иглу, бунгало или еще какой саклей. И каждому должно свой Дом познать. А то, что большинство из вышеперечисленных названий помнят только замшелые пни вроде меня... так время ж имеет свойство течь. Причем чем дольше живешь, тем быстрее оно, подлое, течет. Я по средам всегда в баскетбол играю с приятелями — с девятнадцатого года, между прочим, всего два пропуска было!!! Так вот, раньше, помню, от баскетбола до баскетбола неделя пока-а-а пройдет... А сейчас вроде вчера только играли, а меня менеджер спальни в любом месте Дома ловит и вежливо долбит: «Дмитрий Тимофеич! Через час баскетбол! Вам свежую форму в раздевалку переслать?»

В общем, пообещал я Пашке, что уже выхожу к столовой и побрел в душевую. У меня там все по старинке, даже ионизаторов нет. Хотя сервис-менеджер нашего этажа уже все уши насквозь прожужжал. Долго еще, дескать, будем антисанитарию в Доме разводить? Ну не люблю я ионный душ, я люблю обычную очищенную воду!

К сроку я привел себя в порядок, взбодрился коньячком и перенесся в нужную точку Дома. Попутно выбрал запись из фонотеки. Не какой-нибудь нынешний бум-бум, не люблю я его, голова от него пухнет. Я классику уважаю — «Арию», там, «Дип Перпл» или «Айрон Мейден». Семейный сегмент музыкального менеджера услужливо принялся транслировать выбранную запись прямо в мозг, через чип. Очень удобно: и окружающим не мешает, и слышать продолжаю всех. Музыка звучит внутри и это глубоко правильно.

Сегодня я выбрал «Puerto del Sol» Зденека Светча. «Дом Солнца», одну из старейших мелодий Земли в обработке знаменитого маэстро.

Василиска уже прекратила колдовать, пила кофе из стильной несимметричной чашечки и курила какую-то гадость. Я поморщился: не люблю табака. Впрочем, морщился я зря, Василиска заранее активировала кухонный поглотитель. Знает, что дед Дима не курит, заботится.

Приятно.

— Привет, дедуля! — Василиска кокетливо помахала ручкой. Дым срывался с кончика ее сигареты и бесследно исчезал. Пахло молотым кофе, слегка разогретым жирком и точными специями.

— Я вам по отбивнушке сообразила и яичницу. Ну и салатик твой любимый, конечно.

— Спасибо, киска! — поблагодарил я. Искренне. Василиску я тоже люблю... Я всех своих детей и внуков, да и вообще людей, любил, люблю и буду любить — пока мы все живы в нашем общем Доме. Я даже инопланетян почему-то люблю — в глобальном, разумеется, смысле.

Тут явился Пашка; с порога завопил «А-а-а-а!» и с разбегу прыгнул мне на колени, благо я успел присесть к столу. Ина-

че просто прыгнул бы на меня, как наш котяра Бубу на старое дерево посреди лужайки. Сто раз я это видел, лужайка прямо перед окнами моей спальни. Кстати, я говорил, что у меня в спальне окна настоящие, спектритовые? Не люблю голографических миражей по стенам, неживые они какие-то. И показывают не жизнь, а записи. А у меня — вполне настоящий кот, настоящее дерево и настоящая зеленая травка, в любое время можно пойти и поваляться, что мы с Пашкой частенько и прodelываем, когда я не на дежурстве.

Лопал Пашка сегодня на диво исправно, даже с вилкой обращался невероятно ловко. Ну, естественно — кто ж будет затягивать завтрак перед долгожданным походом в музей? Поэтому я порезал ему отбивнуху на кусочки, яичницу тоже порезал — обращение с ножом пока для Пашки еще проблема. Мал.

Запив молоком, мы дружно проорали Василиске: «Спасибо!» Та напутственно чмокнула каждого из нас в щеку — сына присев, а меня — встав на цыпочки.

И мы двинулись в музей.

У каждого взрослого теперь есть персональный домашний транспорт; Пашка по малолетству такового еще не имел и самостоятельно передвигаться мог только пешком. Тем не менее это чудо частенько заглядывало ко мне в кабинет или спальню, хотя Василискины с сетевым гением пенаты расположены довольно далеко от моих. Подбрасывает этого карапуза кто-нибудь, не иначе.

Музей как раз перенесли на новое место, куда-то на Ахлензию, в субтропики. Я тут еще не бывал, так что и сам озирался с превеликим энтузиазмом.

Помещение под музей отдали весьма просторное, в нашем Доме таких, конечно же, много, но все-таки... Больше всего оно напоминало футбольный стадион или баскетбольную арену. Или космопорт. Эдакая огромная ракушка посреди апельсиновых рощ. Земные апельсиновые деревья на Ахлензии вполне приживались, даже вымахивали повыше обычного — тут тяготение низкое. Смешно подпрыгивая при каждом шаге, отчасти — с непривычки к тяготению, отчасти — из известного детского обычая, Пашка потащил меня ко входу.

Мы часто с ним ходим в музей, поэтому ритуал Пашка выучил назубок.

Сначала к кассам, потом к накопителю для тех, кто желает осматривать музей не в одиночку, а с экскурсоводом. Ну а как экскурсовод появится — в захватывающий мир нового музея, в мир пыльной древности или пронизанного Домашней фемтоэлектроникой дня сегодняшнего, в зависимости от характера экспозиций.

В экскурсоводы нам досталась очень симпатичная и молодая тетенька, все при ней, и одета во что-то ультрамодное; но меня-то не проведешь.

Глаза выдают возраст. Ей не меньше восьмидесяти. Пригласить, что ли, эту даму после работы в ресторанчик? Если одинока — может, и к себе приглашу, на коньячок или вино. А если не одинока, так и отбить не грех. Я ведь тоже мужчина хоть куда, хоть и на пенсию досрочно выпинывают. Зато на стометровке до сих пор легко из двенадцати секунд выбегаю. Не как раньше, конечно, не девять с хвостом... Но все же.

С момента потери жены я предпринимал несколько попыток сойтись с женщинами, которые мне нравились. Но все как-то не складывалось.

Хоть экспозиция в музее была и новая, вскоре выяснилось, что изменилось в ней не слишком много. Поэтому я предоставил Пашке и стайке таких же любопытствующих в возрасте от трех (это Пашка) до сорока—пятидесяти (инопланетянин-коану, их возраст очень легко определить) слушать рассказ миловидной экскурсоводши, а сам снова провалился в воспоминания. Переходил от экспоната к экспонату, от голограммы к голограмме, от зала к залу, а сам вспоминал.

Вспоминал, как точно так же когда-то с отцом впервые пришел в похожий музей, как с восторгом и непониманием глядел на индейский вигвам и поражался — как Дом может быть таким микроскопическим? Чуть больше человека? Как бродил по клетушке со странным названием «коммуналка», в которой, как неродившийся цыпленок в яйце, в тесноте и духоте ютились целые семьи. Не такие, конечно, многолюдные, как наша, тогда и семьи были поменьше.

Вспоминал, как бывал в музее потом с детьми и внуками.

Как сам жил в тоннелях под Марсом, в двадцать шестом. Тогда Марс как раз объединился с земным Домом. Как вскоре после этого впервые с нашим Домом столкнулись инопланетяне и как интересно было посмотреть на их Дом. Как появились первые межзвездные транспорты в нашем уже общем с инопланетянами Доме. Как вслед за этим Дом начал расти столь стремительно, что необыкшиеся люди теснились перед миллионами незнакомых сервисных отделов.

Как Дом стал не только расти, но и одновременно структурированно мельчать, потому что Домашние сервис-службы окончательно срослись с медицинскими и каждый разумный вдруг осознал собственное тело такой же составной частью Дома, как кофейник, индивидуальный шлюз, глобальное телевидение или климатический модуль на этаже.

Вспоминая, я не заметил, как экскурсия по музею Дома подошла к концу и с первого взгляда покоровшая меня экскурсоводша подарила слушателям прощальную очаровательную улыбку.

Прежде чем я к ней подошел, меня, конечно, успел атаковать вопросами Пашка. Понятно, что в музее он больше глазел, чем слушал: мал еще, термины вроде «Большой Взрыв» и «расширяющаяся Вселенная» пока не для него. Тем более что второй термин уже мало-помалу выходит из обихода и заменяется куда более логичным и понятным «расширяющийся Дом». Но ничего, скоро станет понимать. Возможно, именно его поколение станет первым, для кого понятие Вселенной в отрыве от Дома станет лишь ненужным архаизмом.

Я очень рад за его поколение.

А с экскурсоводшей, к слову сказать, у нас в итоге все получилось.

Она теперь просто бабушка Нина для всей семьи Пожарских. К ней быстро привыкли — живем-то все в одном Доме.

20 декабря 2001

Москва, Соколиная Гора

ИСПОВЕДЬ ЗАВЕДОМОГО СМЕРТНИКА

Микрорассказ

Выжить бы...
Надеюсь, получится. Глупо, конечно: из наших практически никто не ускользнул, не избежал предначертанной участи. Но я все равно надеюсь.

Что еще остается?

Ничего.

Знали бы вы, насколько это ужасно: знать, что не выживешь. И все-таки я трепыхаюсь, я пытаюсь ускользнуть, уползти, спрятаться, вырваться из этого порочного и чудовищного круга.

Гляжу направо. Н-да.

Налево. Ничуть не лучше. Значит, будем глядеть прямо перед собой.

Взгляд останавливается на трупе, застывшем на полу. Это метра на три вниз. Ну, вот, еще одна жертва в этой бессмысленной битве. Хотя кто назвал это битвой? Избиение. Геноцид.

Впрочем, есть немало примеров, когда и мы бивали врага. В кровь, иногда и до смерти. Но, к сожалению, это случаи единичные и несистематические. Ну разбитая голова, ну вспоротый живот. Детские игрушки. А где масштабные операции? Где потери в рядах противника и неудержимое, как лавина, контрнаступление с нашей стороны?

Нету. Слишком уж мы разобщены и молчаливы. Слишком привыкли нас уничтожать. Сама судьба, будь она неладна, предопределила это: нас выслеживают, захватывают и уничтожают. Хорошо еще, если сразу и без мук. А бывает и хуже. Вас когда-нибудь запирали надолго в холоде, где нечем дышать, где вокруг лед и иней, где все внутри стынет и где прахом идут любые надежды? Завидую, если нет. А ведь есть еще и огонь, и он тоже способствует нашим мукам. Да мало ли способов посеять смерть?

По мне — так лучше холод. Угасаешь медленно, чувствуя, как жизнь медленно-медленно утекает из тебя, как цепенеют мысли и иней так же медленно-медленно оседает на теле. По крайней мере уже не почувствуешь, как тебя, окоченелого, вынут и, чувств никаких не изведав, свернут шею.

Тьфу ты, можно подумать, я уже испытывал все это. Испытывал... А может, и правда испытывал? Откуда эти воспоминания? Пресловутая память поколений? Или это не я помню, а кто-то во мне? Или, наоборот, помню не «Я», как личность, как мыслящий объект, а помнит моя телесная обложка? У тела ведь тоже может быть память.

Чушь. Бред. Сейчас это не главное. Затаиться, замереть, не привлекать ничьих взглядов.

Некоторые умудряются на шаг столь же красивый, сколь и бессмысленный — с высоты, навстречу асфальту. По мне — так та же смерть, только не по воле врага, а по собственной воле. К сожалению, исход все равно одинаковый.

Не хочу.

Замереть, затаиться...

Враг. Приближается. Неспешно, походкой хозяина. Лениво скользит глазами; от этого взгляда все внутри цепенеет. Кажется, он видит нас насквозь и никакая неподвижность, никакие прятки не спасут.

Таюсь. Я маленький, я крохотный, я прозрачный. Меня вообще нет! Я выдумка! Фантом! Чего стоишь, проваливай давай, не трави душу!

Фух. Кажется, ушел. Пока живем. Надолго ли?

Ну что, пробуем дальше? Глядите-ка, а труп, который я недавно видел, уже убрали. Быстро работают, этого не отнять.

Итак, куда? С высоты? Нет, это не мой путь. А какой тогда мой?

Не успеваю додумать — снова враг. Уже другой, полненький и лысый. Вот ведь пакость: нам даже такие опасны. Полненькие — в особенности.

Глядит пока в другую сторону, там вроде кто-то из наших тоже пытался схорониться.

Мысли словно замерзают, остается одна, циклическая: «Не меня! Не меня!»

Гадкая мысль, не спорю. Не меня, так другого. А представить себя на месте этого другого? Не хоч-у-у-у-у!!! И все равно таюсь и твержу мысленно: «Не меня! Не меня! Чтоб вам всем сгореть и замерзнуть одновременно, сволочи!»

Когда придет мой черед, я буду реабилитирован за это трусливое «Не меня!». Но сильно ли меня обрадует реабилитация? Сомневаюсь.

— Две бутылки «Клинского», пожалуйста, — говорит лысый. — Одну откройте.

— «Клинское» теперь с пробкой на резьбе, — с лентой сообщает продавец и тянется ко мне и моему соседу.

— Да знаю я российскую резьбу, — бурчит лысый. — Плоскогубцами не свернешь. Откройте.

Последнее, что я вижу перед глотком воздуха и падением в преисподнюю — тянущийся к моей шее-пробке ключ с эмблемой «Клинского».

Трудно быть пивом...

*октябрь 2004
Москва, Соколиная Гора*

ГОД ЖИЗНИ

(Тема о неизбежности)

1

Юго-западный ветер трепал кроны вековых буков и рвал в клочья низкие облака. Но Клим чувствовал: ветер скоро утихнет. Чутье его никогда не подводило.

Поправив заплечный мешок, он размеренно зашагал по утопанной тропе.

Куда вели его ноги, Клим не знал. Жизнь в крохотном городке на границе степей и леса ему осточертела, даже частые набеги прибрежников не разгоняли навалившуюся скуку. Клим честно сражался на стенах бок о бок с горожанами, а про себя все твердил: «Уйду... Уйду...»

Вот, наконец, решился. Дорога всегда действовала на него бодряще, наверное, среди его предков было много кочевников. И вообще, сидя на одном месте, Клим кис и грустил, а чуть ступит на убегающую к горизонту тропу — глядишь, и ожил.

На этот раз тропа вела его почти точно на запад. Ветер постепенно стихал, растрепанные облака уползали прочь, открывая безупречно-голубое небо, но эта голубизна с трудом пробивалась под сень старого леса. Стало заметно светлее.

Клим вдохнул побольше воздуха, пропитанного растительными запахами, и довольно зажмурился. Хорошо! Доро-

га, лето, и еще ему скоро исполнится двадцать один год, а значит, он станет взрослым по-настоящему. Можно будет открыто наниматься в охрану, в войско — на любую службу. А уж мечом Клим владел для своих лет... ну, скажем так, недурно. Чем заслуженно гордился.

Через два дня, когда солнце застыло в зените, Клим медленно поднял голову и заслонился ладонью от нестерпимо яркого света.

«Пора», — решил он. Никто не посмел бы упрекнуть его в спешке.

Нарочито неторопливо Клим сбросил с плеч мешок, не спеша развязал его и запустил внутрь правую руку. Так же неторопливо нашарил заветный кожаный чехольчик.

Вот он, знак совершеннолетия! Блестящий серебристый медальон на короткой цепочке. На обратной его стороне двадцать один год назад выгравировали имя и день появления на свет будущего владельца.

«Все», — подумал Клим, надевая медальон. Похожая на две трубочки застежка сухо клацнула и зафиксировалась. Застегнуть ее можно было лишь один раз — в день совершеннолетия, а потом медальон, не снимая, носили до самой смерти. Да и с мертвых не снимали, ибо снять его удалось бы лишь отрезав голову или разорвав цепочку, но, хрупкая на вид, она не рвалась.

«Теперь я не просто Климка, подросток без голоса и права на слово. Клим Терех, гражданин Шандалара, именем Велеса и во имя его».

Солнце нещадно слепило глаза, но лишь теперь Клим опустил голову. Вздохнув, подобрал мешок и продолжил путь с радостью в сердце, и пела в его жилах кровь предков-кочевников.

Людей Клим встретил спустя шесть дней. Конный отряд, десяток латников, и во главе, как ни странно — сотник. Пешего да одинокого встретили без враждебности: одиночка городу не угроза, а кроме как в городе, и в немалом, сотнику нечего делать.

— Здоров будь, человече! Кто таков? Куда собрался?
Клим стал, откинув назад отросшие на голове волосы.
Собственно, он хотел показать медальон.

— Взрослеющий я... В город иду.

Сотник хмыкнул. Клим доверчиво захолопал глазами.

— На службу, что ли, целишь?

Клим опустил глаза. Сотник вспомнил, как сам много лет назад пришел в город с юга, как долго все смеялись над его смуглой кожей, и враз смягчился:

— Ладно! Гордей! Подбери!

Худошавый латник, забрав в левую руку и пику, и уздечку, протянул правую Климу. Секунду спустя Клим сидел на лошади позади латника, поправляя съехавшую сумку.

Отряд долго полз вдоль тихого ручья, сотник явно не спешил.

Кони понуро плелись, изредка тряся головами и позвякивая сбруей.

Наваливался вечер, и Клим уже было решил, что придется еще раз ночевать в лесу, но тут отряд наконец выбрался из чащи. Вдали виднелась городская стена, розоватая в лучах заката.

Сотник вдруг оказался бок о бок с Гордеем и Климом.

— Вот она — Зельга! Гляди. Теперь это и твой город.

Клим кивнул, рассматривая высокие башни, чеканно проступающие на фоне неба.

Кони нетерпеливо зафыркали, предчувствуя близкий отдых, и пошли мелкой рысью. Клим покрепче ухватился свободной рукой за кожаный пояс Гордея.

Ворота, вопреки ожиданиям, были распахнуты настежь. Видимо, Зельга не боялась мелких врагов, а серьезные редко посещали эти места.

Казармы располагались совсем недалеко от ворот. Латники спешили, лошадей уводили высыпавшие из казарм конюхи. Сотник, на ходу сдирая доспехи, мурлыкал однообразную мелодию; валяющееся на булыжник железо подбирал парнишка-оруженосец.

— Где Влад? — зычно осведомился сотник, прервав мурлыканье. От доспехов он освободился, оставшись в кожаных штанах, куртке и добротных яловых сапогах. Из оружия при нем остался меч да кинжал за поясом.

Кто-то из солдат, выбревших на шум, с готовностью сказал:

— Известно где — в таверне. Где ж ему еще быть под вечер?

Сотник нашел глазами Клима.

— Пойдем, парниша. Влад — здешний воевода. С ним и поговоришь.

— погоди минутку, Хлум, — крикнул от дверей казармы Гордей, держа в охапке свои доспехи. Заходящее солнце отражалось от гладко отполированных пластин нагрудника. — Сейчас железо отнесу...

Видимо, ему не полагалось оруженосца.

Хлум дошагал до ворот и остановился, извлекая из-под куртки потертый кисет. Двое стражей зашевелили, словно кролики, ноздрями, но сотник добродушно прикрикнул на них:

— Неча, неча, сменитесь — тогда накуритесь.

Стражники с одинаковым вздохом отвернулись, пошевелив пиками.

Клим отметил, что дисциплинка тут наличествует, но не тупая, а сознательная.

Гордей скорым шагом приближался к воротам в компании еще двух солдат. Мечи все троё взяли с собой. Клим запомнил это. В городе, где жил он раньше, оружие обычно оставляли в казарме.

Здесь было не так. Или в любой момент могло произойти нападение, или просто принято так: каждый город создавал и хранил свои обычаи и традиции.

Город Климу понравился. Улицы не то чтобы сверкали чистотой, но и помоев никто сверху не лил. Дома аккуратные, ограды крашены, люд приветлив, нарядно одет и весел, а это приметы благополучия.

Часы на башне пробили девять; когда эхо от последнего удара колокола впиталось в вечерние городские шумы, Клим

услышал песню. Слова было не разобрать, но мотив показался Тереху знакомым. Доносилась она из таверны, что заманчиво распахнула двери как раз напротив башни с часами. Хлум с солдатами шли прямо ко входу.

Над солидной дубовой рамой двери висела потемневшая от времени вывеска, но надпись на ней постоянно подновляли свежей краской.

«Облачный край, — гласила надпись. — Заведение Парфена Хлуса».

Внутри вкусно пахло жареным мясом, пряностями, пивом; за столами сидел народ, выпивал, закусывал, громогласно беседовал и смачно хохотал. Поварята в белых колпаках только и успевали подносить деревянные блюда с жарким. Дюжий молодец, обнаженный по пояс, нес на закорках огромную бочку с внушительным краником; мышцы молодца так и перекатывались под лоснящейся кожей, поросшей рыжими волосами. Бочка с шутками-прибаутками была водружена на один из столов, пожилой мужчина, с виду — купец, сломал сургучную печать, выбил пузатый чоп и повернул краник. В подставленную кружку ударила пенистая струя. Сидящие за столом одобрительно загудели.

— Эй. — Клима пихнули в бок. — Заснул? Пойдем!

Гордей дернул его за рукав и увлек в дальний угол, где царил полумрак. На Клима постояльцы совершенно не обращали внимания, словно он зашел сюда не впервые.

Спустя некоторое время Клима подвели к столу, покрытому алой скатертью. Блюда со снедью здесь стояли серебряные, а питье разлито по серебряным же кубкам, а не по деревянным кружкам, как везде. За столом сидело всего двое: седой воин, что легко угадывалось по иссеченному шрамами лицу, и благообразный розовощекий господин, одетый подчеркнуто по-городскому. Хлум слегка поклонился сначала одному, потом второму, и, обращаясь к седому, доложил:

— Обход закончили только что, все тихо и чисто.

Седой кивнул:

— Добро. Садись, Хлум.

Сотник отодвинул стул с резной высокой спинкой и, прежде чем сесть, указал рукой на Клима:

— Вот, встретили путника за Мешей. На службу желает.

Седой внимательно глянул на Клима, внешне оставаясь совершенно бесстрастным.

— Кто? Откуда? Что умеешь?

Седой говорил отрывисто, сверля взглядом Тереха.

— Клим Терех из Сагора. Последние годы провел в Тенноне, что за Вармой. Мечник.

Клим старался отвечать так же коротко.

— Лет сколько?

— Двадцать один.

При этом он слегка выпятил грудь, чтобы медальон стал виден под распахнутым воротом куртки.

— Добро. Сегодня пей и ешь, как любой солдат Зельги. Хлум отведет тебя после в казарму — там заночуешь. А завтра проверим, какой ты мечник.

Седой взялся за кубок, давая понять, что разговор окончен.

Сотник сел рядом с ним, жестом отсылая Клима куда-то в зал.

Клим обернулся. Ни одного полностью свободного стола не было, хотя за многими хватало незанятых мест. Но садиться к незнакомым людям было как-то неловко.

Он медленно вышел в центр зала, вертя головой, словно высматривал кого-то.

— Эй!

Клим обернулся на окрик. За столом, где высилась бочка, сидел Гордей и призывно махал рукой.

— Давай к нам, парниша!

Терех, придерживая меч у пояса, чтоб не задеть когонибудь ненароком, решительно зашагал к Гордею.

Ему освободили место.

— Садись!

Словно из ниоткуда возникло блюдо с мясом, второе с картошкой, поджаристый ломоть хлеба и кружка с чем-то заманчиво-пенным. В животе сразу заурчало, ведь Клим ничего не ел с утра.

Все это оказалось еще и потрясающе вкусным, без скидок на голод.

Местный повар знал свое дело весьма крепко — тарелка Клима опустела очень быстро. Вновь будто из ниоткуда появилась добавка, и Клим отдал ей должное.

Сидящие за столом не обращали на Тереха никакого внимания, и это его удивило: обычно к новичкам подсаживают, донимают расспросами, ведь пришлый человек это всегда новости, свежие байки. Здесь люд горланил о своем: поминали какого-то Прона, называя его растяпой и ротозеем, подзуживали сидящего здесь же паренька по имени Марк, а тот звонко хохотал в ответ на все шуточки, обсуждали недавний набег прибрежников на Торошу, судачили о рыбалке на Скуомише — Клим слушал вполуха.

Насторожился он, когда услышал знакомое слово: Теннон. Речь зашла о городке, где провел он последние два года.

— ...скверный городишко: пиво паршивое, народ ленивый, жадный... Охрана их вовсе никуда не годится — старики да долдоны безмозглые. Я там бывал, я знаю.

Вещал белолицый, хрупкий на вид юноша, презрительно кривя губы.

— Неправда! — подал голос Клим. — Зачем врешь, если не знаешь?

Теннон населяли вполне обычные люди — в меру веселые, работающие, а что касается охраны, так там хватало опытных воинов, прошедших не одну битву. Клим знал всех: сколько раз приходилось плечо к плечу отражать атаки плосколицых прибрежников, вооруженных кривыми саблями и разящими без промаха луками.

Белолицый осекся.

— Это еще кто?

Встал Гордей.

— Не лезь к нему, Максарь. Не лезь лучше.

Максарь еще больше скривил губы.

— Тебе-то что? Приблудь всякую защищаешь?

Клим вскипел. Ноги выпрямились сами и он резко поднялся, собираясь назвать.

Стул Тереха с шумом отъехал назад, плечо снизу ткнулось в поднос, некстати нависший справа, и целая кварта пива выплеснулась ему на голову.

Слова застряли в горле под дружный хохот окружающих. Клим зажмурился; он стоял у стола мокрый, жалкий и растерянный. В плотном хоре смеющихся отчетливо выделялся голос Максаря.

«Черт бы побрал этого поваренка», — с досадой подумал Терех, оборачиваясь. Рука его напряглась для дежурной оплеухи. Глаза щипало от крепкого пива.

Обернувшись, он чуть не утонул во взгляде огромных зеленых глаз с потрясающе длинными ресницами.

Поваренок стянул с головы колпак и целый водопад огненно-рыжих волос хлынул по плечам.

— Извини, — сказал поваренок. Вернее сказала, ибо это была девушка. — Я не ожидала, что ты встанешь...

Рука Клим опустилась сама собой. Надо было выкручиваться.

Он провел ладонью по своей щеке, задумчиво лизнул и заметил:

— Доброе пиво! Принесешь еще?

За столом снова грянул хохот, на этот раз — одобрительный.

Кто-то даже хлопнул его по плечу, мол, молодец парень! Не растерялся.

Девушка, не понимая, хлопала глазами. Она ожидала брань, а не шутку.

— Ты что, помыться решил? — ехидно встрял Максарь.

Клим молча взял кружку из руки соседа, нарочито медленно обошел стол и остановился рядом с белолицым.

— Я из Теннона, — негромко сказал он. — Служил там в охране. И вот что думаю по поводу твоих слов...

Клим опрокинул кружку точно над макушкой Максаря, пиво залило его кудри и потекло на куртку. Максарь разинул от неожиданности рот, потом с проклятием вскочил. Меч его рванулся из ножен.

Клим обнажил свой лишь на миг позже.

— Это еще что? — загремел вдруг властный голос. Клим скосил взгляд, не желая упускать Максаря из поля зрения.

У столика стоял седой. Усы его топорщились, как у рассерженного кота.

— Хорошо же ты начинаешь службу, — жестко сказал он Климу.

Еще несколько секунд седой мрачно глядел то на Максаря, то на Тереха.

— Отведи их, пусть умоются, — велел он девушке, теребящей поварской колпак. — Живо.

— А вы, — обратился седой к белолицему и Климу, — если сцепитесь до завтра, заказывайте отпевал.

Максарь, скрипнув зубами, вогнал меч в ножны и, не глядя на Клима, пошел вослед девушке куда-то за стойку у дальней стены.

Терех последовал за ним, тоже убрав меч.

Они по очереди умылись в большой дубовой кадке. Максарь утерся полотняной салфеткой, швырнул ее на пол и вышел вон, все так же избегая смотреть на Клима. Девушка подала вторую салфетку Климу и негромко предупредила:

— Берегись его.

Клим подал ей мокрую салфетку.

— Спасибо.

На секунду он поймал взгляд ее умопомрачительно зеленых глаз и повторил:

— Спасибо.

Клим хотел спросить, как ее зовут, но почему-то не решился.

Когда Терех вернулся в зал, его окликнул Гордей:

— Эй, парниша! Пойдем со мной.

Клим повиновался. Они вышли на площадь. Часы на башне пробили десять — всего час минул с тех пор, как вошли в таверну.

«В этом городе все происходит на удивление быстро...» — рассеянно подумал Клим.

— М-да, — сказал Гордей. — Зря ты с Максарем связался.

Он помолчал.

— Сегодня его можешь не бояться, слово Влада — закон. А с утра готовься постоять за себя.

Клим пожал плечами и погладил рубчатую рукоять меча. Постоять за себя впервые ему пришлось в семь лет и с тех пор он здорово поднаторел в этом искусстве.

Смеркалось; они шли засыпающим городом к казармам. Гордей молчал, Терех молчал, город молчал, и лишь сверчки монотонно верещали на чердаках.

В казарме Клим повалился на указанную Гордеем койку и мгновенно забылся.

Утром из крепкого сна его выдернул трубач. Тряхнув головой, Клим сел и огляделся. Солдаты поднимались с коек и нестройно тянулись к светлому проему выхода. Клим побрел за ними.

Во дворе буйствовало солнце, приходилось шуриться. Воевода Влад нарочно выстроил всех лицом к восходящему светилу; ратники терли глаза и заслонялись ладонями.

Кого-то определили в стражу, кого-то в конный обход, кого-то в охрану торговцев; солдаты разбирали оружие и доспехи да и разбрелись по назначению. Скоро от плотного строя осталась жиденькая цепочка. На дальнем фланге Клим углядел фигуру Максаря.

Влад всыпал по первое число угрюмому ратнику, погоревшему накануне на пьянке, отослал его к штрафникам (Клим отметил — без конвоя) и обратился к Тереху:

— Теперь ты.

— Выйди из строя, — шепнул стоящий рядом Гордей.

Клим дважды шагнул и полуобернулся, чтоб стоять к воеводе лицом.

— Вчера за меч хватался, я видел. Горяч больно? Или первый мечник под солнцем?

Говорил Влад сухо и отрывисто. Клим пожал плечами.

— Ладно. Докажи, что не зря клинок на поясе носишь. Максарь!

Воевода хлопнул в ладоши; строй дрогнул и развалился. Всего несколько секунд, и солдаты образовали замкнутый

круг. Внутри остались Клим, Максарь и Влад. Белолицый, криво улыбаясь, потащил из ножен меч. Влад, скрестив руки на груди, отошел в сторону и приготовился наблюдать.

Ладонь Клима легла на рукоять меча, привычно обласкала рифленую кость и сжалась, а в ушах все еще звучал тихий шепот проскользнувшего при перестроении совсем рядом Гордея: «Учти, на самом деле Максарь левша...»

Клим, изготавившись, наблюдал за противником. Меч Максарь держал в правой руке, но теперь стало понятно, что это ничего не значит. Терех и сам умел биться обеими руками, но правой выходило лучше. Он сосредоточился, и спустя мгновение Максарь напал.

Косой рубящий сбоку Клим изящно отвел и атаковал сам, но и его выпад отвели не менее изящно. Некоторое время двое кружили внутри круга, присматриваясь, и снова сшиблись, на этот раз надолго. Максарь завел серию, быстро работая мечом, Клим оборонялся, пока успешно.

Белолицый очень сильно фехтовал, это Терех почувствовал сразу.

Удары его были быстры, коварны и нестандартны. Явно самоучка.

Как, впрочем, и Клим.

Прощупав умелую защиту Клима, Максарь неуловимым движением перебросил меч в левую руку и обрушился с удвоенной силой. Но Терех ждал чего-то подобного, ведь Гордей его предупредил, поэтому неожиданный финт не смутил и с толку не сбил.

Железо звенело еще около минуты, потом Влад неожиданно хлопнул в ладоши:

— Довольно!

Максарь тут же прекратил атаковать и убрал меч. Клим, успокаивая дыхание, свой просто опустил.

— Ты оказался лучше, чем я ожидал, — честно признался воевода.

— Осталось доказать всей Зельге, что ты будешь ей верен. Тогда попадешь в мою гвардию. А пока — походишь в караулы да в патрули. Гордей, глаз с него не спускай.

Сухощавый воин сдержанно кивнул.

— Резерв — разойдись! — скомандовал Влад и, не оборачиваясь, зашагал к воротам. Стражи браво отсалютовали ему пиками.

Максарь и еще несколько ратников ушли вместе с ним.

Гордей подошел к Климу и уважительно хлопнул его по плечу:

— Ну, парень, нет у меня слов! Ты первый, кто фехтовал с Максарем и не был унесен из круга! Траги тебя дери! Где ты научился так работать клинком?

Клим пожал плечами:

— В Тенноне. И раньше, в Сагоре.

— Влад изумлен, поверь мне. Не гляди, что он остался бесстрастен. Я его давно знаю. Но теперь и спрос с тебя будет особый: смотри не подведи...

Задачей резерва было бездельничать в казарме или около нее.

Запрещалось только выходить за ворота и пить хмельное. Солдаты большей частью отсыпались, иногда фехтовали, чтоб не заржаветь, швыряли ножи в специально установленный щит, правили клинки, чинили доспехи, если требовалось; судачили о том о сем. Клим старался держаться поближе к Гордею, чем-то понравился ему сухопарый воин, да и тот охотно сносил общество новичка, рассказывал о местных нравах и обычаях.

Вечером, освободившись из резерва, Гордей и Клим снова пошли в таверну. Солдаты ходили туда с удовольствием — вкусный стол и доброе пиво полагались им бесплатно. Хозяин Хлус, однако, не оставался внакладе, ежедневно кормя полсотни человек: всякий купец, проезжающий через Зельгу, обязан был часть товара оставить в таверне; жители города и окрестных деревень поставляли снедь и питье, причем часто приносили больше, чем того требовал закон, потому что гарнизон всегда защищал людей от врагов, солдат в городе уважали, стремились облегчить им службу и обеспечить всем необходимым.

Песню Клим вновь услышал за квартал от «Облачного края».

Наверное, ее здесь пели издавна:

Путь наш труден и долог,
Оттого всем нам дорог
Этот временный уют.
От Сагора до Цеста
Ждут нас дома невесты —
Верить хочется, что ждут.

— Скажи, Гордей, а почему таверна зовется «Облачный край»? Что, дожди у вас часты?

Гордей пожал плечами:

— Не знаю... Как везде. Ее назвали так давным-давно, и никто не менял вывеску бог знает с каких времен. Да и зачем? Все привыкли...

Внутри собралось больше народу, чем вчера; свободных мест за столами почти не было. В углу гуляли моряки, видимо, в порт зашел какой-нибудь купец. В центре собралась большая компания горожан, праздновали удачную сделку с соседями. Солдаты большей частью расположились у камина. Гордей без колебаний повернул туда.

Максарь смерил Клима быстрым взглядом и уткнулся в тарелку.

Вчерашняя зеленоглазая девушка вмиг принесла им ужин. Гордею и Климу она улыбнулась; впрочем, она улыбалась всем, но Климу показалось, будто ему она улыбнулась иначе, чем остальным. Клим провел ее глазами до самой стойки.

— Что, приглянулась? — насмешливо хмыкнул Гордей.

Клим вздохнул:

— Красивая... Как ее зовут-то?

— Райана... Райана Хлус.

— Дочь хозяина?

— Племянница.

— Странное имя. Не наше.

— А ее отец — тэл. Откуда-то из-за Кит-Карнала. И брат Райаны с виду — тэл тэлом: высокий, светлокожий, волосы — чернее смолы, бороды же нет вовсе. А девка больше на мать похожа, хотя и тэльское в ней что-то есть...

Клим вновь поглядел на Райану — она хлопотала у стойки. Словно почувствовав его взгляд, девушка обернулась.

Они долго глядели друг другу в глаза; Клим отрешился от всего остального — от сдержанного шума в таверне, от едва слышного боя часов; остались только они, Клим и Райана, и еще связавший их взгляд.

— Эй, ты чего? — Гордей хлопнул Клима по плечу. — Заснул?

Клим очнулся. Сколько он сидел, уронив голову на дубовую столешницу? Последнее, что сохранилось в памяти, это зеленые глаза, медленно приближающиеся к его лицу. В огромных зрачках отражалось пламя факелов и он, Клим Терех.

Ничего не понимая, он потряс головой. Сознание было свежим, как после долгого здорового сна.

Клим окинул взглядом зал, высматривая Райану. Как ни в чем не бывало она убирала посуду с опустевшего стола. Через минуту, пересекая зал, взгляд ее вновь встретился со взглядом Клима; теперь девушка улыбнулась.

Клим чувствовал: за этой улыбкой что-то кроется.

Таверна была уже почти пуста.

— Я долго спал? — смущенно спросил Терех.

— Спроси у Велеса, — буркнул Гордей.

Клим непонимающе захлопал глазами.

— Что-что?

Сначала Гордей озадаченно глядел на Клима, потом хлопнул себя по лбу:

— Это местная присказка. Есть одно местечко — у Камня Велеса. Там якобы можно задать богам вопрос и получить ответ. Или просьбу высказать — говорят, выполняют, если заплатишь.

Терех поморщился.

— Так сколько я спал-то?

Гордей развел руками:

— Откуда мне знать? Весь вечер просидел, уставившись на дно кружки, потом меня Влад вызвал, возвращаюсь — ты спишь. Хорошо еще, что не мордой в блюде...

Клим усмехнулся.

— Я не пьян, Гордей. Совершенно не пьян.

— Да вот и я удивляюсь... Кружек шесть пива выцедил.

По глоточку, как заморщина.

— Шесть? — Клим недоверчиво прислушался к себе. Такое впечатление, что он вообще сегодня за пиво не брался.

Он встал. Тело слушалось беспрекословно.

Гордей вопросительно глядел на него.

— Ну-ка, подойди, — попросил он.

Клим четким шагом приблизился.

— Глазам своим не верю, — покачал головой сотник. — Ну и здоров ты пить, парень... Ладно, пошли в казарму. Завтра в патруль.

Утром все повторилось — звук трубы, построение; но сегодня десятник и с ним несколько солдат отправлялись с дозором по окрестностям Зельги. Оказалось, что Климу уже справили латы, на удивление легкие. Вообще-то он не привык к железу на теле, полагаясь больше на меч, однако приходилось привыкать. Гордей помог ему приладить нагрудник и остальное; пику Климу вручил бородач, которого вчера Влад отослал к штрафникам.

Стражники у ворот проводили патруль дружным кличем.

Клим трясся в седле, стараясь держаться так же естественно, как прочие. Верхом ему не часто доводилось ездить, хотя совсем уж профаном он не был. Гордей замыкал группу, вел же ее десятник по имени Агей.

Вскоре добрались до леса. Здесь Агей стал забирать вправо, к востоку. Клим уже знал, что им предстоит пересечь узкую полосу леса, берегом залива Бост добраться до устья Маратона, затем повернуть на запад, достичь реки Чепыги и, идя вдоль берега, вернуться в Зельгу.

На опушке Клим обернулся и взглянул на башни.

«А что? — подумал Клим. — Неплохой город. Кажется, мне здесь понравится...»

Лес был зелен, как глаза Райаны.

Патруль оказался вполне скучным делом. Тряска в седле, царапающие лицо ветви на узких тропинках, потом долгий путь под солнцем. Правда, с высокого берега открывался впечатляющий вид на залив; вдалеке виднелись туманные берега острова Ноа. Но Клим знал, что этот вид скоро ему наскучит. Сырые и топкие подходы к Чепыге, рай для комарья и лягушек, тоже не могли особо порадовать. Под вечер они вышли к Зельге с запада.

На западе тоже были ворота. Ведущая к ним дорога справа круто обрывалась к устью сливающихся рек — Чепыги и Санориса. Стража встретила патруль бодрым постукиванием железа о железо: кто барабанил рукояткой кинжала по нагруднику, кто по снятому шлему.

К казарме тоже вышли с другой стороны и некоторое время пришлось ехать вдоль забора; ватага ребятишек, галдя, сопровождала их до самых ворот.

Избавившись от доспехов, Клим искал Гордея: тот переминался рядом с десятником, что докладывался Владу. Видимо, воевода спросил и о Терехе, потому что Гордей ответил, обернулся, отыскал взглядом новичка и вскинул кулак с отогнутым большим пальцем.

Клим сдержанно кивнул и решил подождать Гордея, чтобы вместе отправиться в таверну. Но неожиданно воевода и десятник подошли к нему.

— Как первый выход? — спросил Влад.

— Нормально, — пожал плечами Клим.

Влад пошевелил бровями.

— Не ошибусь ли я, если скажу, что всадник ты похуже, чем мечник?

Клим развел руками:

— Там, где я учился фехтовать, лошадей мало...

— Понятно. Впрочем, есть у нас дела и для ходоков — ты ведь ходок, не так ли?

— Так. Был ходоком в Тенноне и Сагоре.
 — Чего ж сразу не сказал?
 — А меня и не спрашивали...
 — Врешь, спрашивали. Что умеешь, спрашивали. Ты сказал — мечник.

Клим напрягся и вспомнил — действительно, он представлялся как мечник.

— Мечник я во-первых. А потом уж ходок. Да и стоило ли мечника вооружать пикой и садить на коня? Сказал бы — ходок, послали бы в арбалетчики...

Глаза десятника поползли на лоб от подобной дерзости: мальчишка, без году неделя в гарнизоне, а как с воеводой разговаривает!

Неожиданно Влад захохотал.

— Смел! Ценю! Только не перегибай — я человек крутой, чуть что — в штрафники!

Клим не ответил. Он-то понял, что Влад проверял его: если чей-либо шпион, проведя день в городе и гарнизоне, он обязательно попытался бы улизнуть из патруля. Поэтому и решился на рискованное высказывание.

— Ладно. Есть поручение, но о нем поговорим после — в таверне. Гордей, сегодня вы ужинаете за моим столом.

— Понял, — кивнул Гордей.

Воевода отослал десятника, круто развернулся и широким шагом направился к воротам.

Клим проводил его взглядом. Поручение... Небось очередная проверка.

— Пошли, — хлопнул его по плечу Гордей, — квасу с дорожки хряпнем.

Квасом поили у казармы. Несколько солдат с кружками в руках внимали штрафному бородачу, плетущему какую-то замысловатую байку. Когда Гордей и Клим утолили жажду и взяли курс на таверну, из-за забора донесся дружный зычный хохот.

Войдя в «Облачный край», Клим украдкой глянул в сторону стойки — не там ли Райана. Она была там — протирала вымытые кружки.

Словно почувствовав его, девушка вскинула голову.

Несколько неожиданно для себя, Клим направился к ней. Почему-то казалось, что все без исключения в зале смотрят на него.

Он приблизился и положил локти на стойку.

— Здравствуй, Райана. Меня зовут Клим.

— А я знаю. Клим Терех из Сагора.

— Что ты вчера со мной сделала?

Райана загадочно улыбнулась; губы ее едва двинулись.

— Спроси у Велеса...

— Эй, Терех! — это Гордей звал, уже сидя за столом воеводы. Влад, сотник Хлум и два десятника ужинали тут же. — Давай сюда!

Клим кивнул, на секунду повернулся к девушке-полутэлле, и сказал:

— Ты мне нравишься.

И, не дожидаясь ответа, ушел к покрытому алой скатертью столу.

Ему показалось, что Райана вздохнула.

В тот вечер Клим больше ее не видел.

За ужином Терех не без удивления отметил, что воеводе и мэру — тому самому благообразному господину, что сидел здесь в первый вечер — подают те же блюда, что и простым солдатам. Он ожидал каких-нибудь изысков, однако отличий нашлось лишь два: скатерть и серебряная посуда. К этому Клим не привык: везде, где ему довелось побывать раньше, те, кто стоял повыше, и получали от жизни больше. Это приятно поражало, но понять подобную странность пока не удавалось.

За едой о делах не говорили.

Покончив с ужином, воевода отпил туранского вина и обратился к мэру:

— Ну что, Пирс? Начнем, пожалуй.

Мэр несколько раз кивнул.

— Я получил послание от мэра Эксмута. У них какие-то странности происходят, но не в этом дело. Нужно доставить ему ответ, однако... будет несколько необычных условий.

Например, пока не будет вручено это послание, все трое гонцов не могут применять оружие, даже для самообороны.

Клим поднял брови. Почему, траги навечно?

— Во-вторых, ни в коем случае нельзя идти по дорогам, тропинкам, вообще по хоженному. И в Эксмут придется проникнуть не в ворота, а тайком, через стену. В-третьих, идти придется только ночами, днем же ни одна живая душа не должна заподозрить о вашем, — мэр поглядел на Клима и Гордея, — существовании. И наконец, самое важное. Если на вас нападут, вы должны будете убить себя.

Клим почувствовал, как по спине прогулялся холодок. Вот так дела! Ничего себе, заданье!

Но непонятно другое. Дело явно важное — почему выбор пал на Тереха? Его же здесь никто не знает. Гордей, понятно, свою преданность не раз доказал. Но Клим?

— Если же кто-нибудь из троих откажется умереть, остальные сначала должны убить его, — добавил мэр, пристально глядя в глаза Климу. Взгляд этого розовощекого господина был тяжек, как базальт.

Он явно намекал, что Клим может сломаться.

И еще он сказал, «из троих». Терех, Гордей, а кто же третий?

— Если вы не уверены во мне, — сказал Клим как можно ровнее и спокойнее, — пошлите кого-нибудь другого. Да и вообще, я ведь только появился в Зельге. Не подумайте, что я трушу, просто даже самому последнему тугодуму понятно, что новичкам такие задания не доверяют.

Мэр пожевал губу.

— Мы должны послать именно тебя. По ряду причин. Хотя бы потому, что в послании говорится и о тебе тоже. А главное — там говорится, что ты непременно должен стать одним из троих. Это неубедительно, но подробнее я рассказывать не могу, не хочу и не буду.

— Ладно. — Клим нарочито небрежно пожал плечами. — Я согласен. И клянусь чем угодно, что выполню все приказы.

— Хорошо сказано, — отметил Влад. — Я верил в тебя, парень.

— Итак, — продолжил мэр, — напоминаю.

Первое. Никакого оружия.

Второе. Никаких дорог.

Третье. Идти только ночью, днем крыться так, чтоб пультельга не разглядела.

Четвертое. Если встретится хоть один человек — умереть.

Пятое. В город — ночью, через стену. Дом мэра знает Гордей.

Передать ему слова, по очереди, и все. С той минуты вы вновь свободны от всех запретов.

Вопросы есть?

Клим переглянулся с Гордеем. Непонятного становилось все больше.

— Если никакого оружия, как умереть? — поинтересовался Клим.

Мэр кивнул и поставил на стол небольшую шкатулку. Крышка откинулась с легким скрипом.

На черном бархате лежали три короткие серебристые иглы.

— К завтрашнему вечеру вам вошьют их в воротники курток. Нужно просто уколоть себя в горло. А впрочем, куда угодно, но в горло удобнее.

— Яд? — догадался Клим.

— Да. И очень сильный.

— Понятно. А слово? Что передавать-то? Надо же выучить.

— Ты уже знаешь слово. Ну-ка повтори. рЭО тэКА...

Он пристально взглянул на Клима, и тот, разбуженный первой фразой, вдруг осознал, что знает целый кусок какого-то текста.

Смысла его Терех не понимал, но мог повторить сколько угодно раз, с любого места, хоть задом наперед. И он начал, шевеля губами:

— рЭО тэКА нвЭ рЭО крАт'И фОр хЭл щЕрд. оЭлдэ Оми...

Около минуты звучал странный язык. Клим ни разу не запнулся, до самой последней фразы:

— ...зЭнэн эскА.

Он открыл глаза. Предполагать, откуда ему известна подобная тарабарщина, Клим даже и не пытался.

— Прекрасно. Теперь ты, Гордей.

Гордей почему-то тоже закрыл глаза. Видимо, так было легче сосредоточиться.

— вэтЭ фОр дЭЕ рЭО эспЭ...

Он тоже ни разу не запнулся.

— Вот и все. Больше вам знать ничего и не надо. Оружие оставите в казарме. Советую вам до утра посидеть в таверне, попить пивко, днем отоспаться, а завтра перед полуночью выступить.

И мэр крикнул:

— Хозяин, пива!

Влад и десятники встали, явно собираясь уходить.

— Пойдите, — встрепенулся Клим. Все взглянули на него.

— Кто третий-то?

Мэр посмотрел на воеводу.

— Максарь, — сказал Влад. — А что?

Клим на секунду смешался.

— Да ничего... Надо же знать...

Когда все ушли, Гордей шумно вздохнул.

— Однако! Ты что-нибудь понимаешь?

Клим развел руками.

— Просто карусель! Два дня как пришел...

Они помолчали. Сам хозяин Хлус принес им небольшой бочонок пива, нацедил по кружке, поставил на стол блюдо с солеными орешками и, не сказав ни слова, удалился.

— Почему Максарь, интересно? — гадал Клим, не надеясь на ответ.

Но Гордей, как выяснилось, знал почему.

— Если ты откажешься кольнуться той дрянью, он убьет тебя голыми руками.

Клим пробормотал:

— Очень смешно... Слушай, а вдруг мы какого-нибудь психа встретим? По чистой случайности — не того, из-за которого должны полечь, а просто полуночного путника?

Гордей пожал плечами.

— Наверное, заранее известно, что никого мы встретить не сможем. До самого Эксмута.

Терех отхлебнул пива.

— Это далеко, кстати? Я там никогда не бывал.

Гордей тоже отхлебнул и захрустел орешком.

— Да не очень... Дня за три-четыре успеем. Вернее, ночи три-четыре. Хотя ночью идти труднее — может, и за пять.

Мысли роились в голове, но обсуждать их охота отпала.

— Откуда ты родом? — спросил Клим напарника.

Гордей хмыкнул:

— А я только хотел попросить тебя рассказать о себе...

Они хохотнули, чокнулись кружками и налегли на пиво. Впереди была ночь, долгий разговор и — Клим вдруг ясно почувствовал — время, когда будешь иметь право на слова: «У меня есть друг».

Утром со слипающимися глазами, слегка пошатываясь, они дотащились до казармы и свалились на койки. В дальнем углу спал еще кто-то.

Должно быть, Максарь.

Проснулся Клим под вечер. Выбрел во двор — солнце садилось, все уже подались в таверну, только караульные топтались у ворот.

Гордей сидел на пороге и тянул квас из ковша.

— Желаеть?

— А то!

Пить и правда хотелось.

Когда начало темнеть, на порог вышел, потягиваясь, Максарь. Ни на кого не взглянув, он подошел к посту и о чем-то переговорил с часовыми; потом исчез за воротами.

Скоро появился Влад с десятниками.

Играя желваками на скулах, воевода приблизился. Агей бросил на крыльцо дорожный мешок, двое других десятников — еще по одному.

Щуплый человек, похожий на двуногую крысу, опустил на крыльцо три куртки.

— Оружие, — потребовал Влад.

Гордей и Клим отдали свои мечи, расстались с кинжалами и остались с пустыми руками. Клим не знал, как себя чувствует напарник, но сам ощущал себя чуть ли не голым. И это несмотря на то, что и без оружия Терех кое-что умел (спасибо Сагору!), да и любая палка или бечевка в ловких руках становилась страшнее меча в руках профана.

Максарь вернулся спустя минуту.

— Все помните? — сухо спросил воевода.

— Все.

— И клятву?

— И клятву.

— Иглы в правом отвороте воротника. Усекли?

— Усекли.

— Тогда — в путь. И да пребудет с вами удача.

Трое подобрали мешки со снедью и просторными дорожными плащами, кожаные фляги с водой и сошли с крыльца.

Еще четыре дня назад Клим и представить не мог, что окажется в таком переплете.

«А вдруг встретим кого? Вот так глупо умирать?»

Зельга еще не стала для него настолько родной, чтобы сложить голову не в бою, а вот так, непонятно из-за чего. В бою — тут все ясно: вот ты, вот враг, взялся защищать город — защищай, сплоховал — сам виноват. Знал на что соглашался.

Но вот так... Клим не знал, как поступит, если они кого-нибудь встретят. Не знал, хотя и поклялся Владу, и мэру Зельги. Он просто надеялся на лучшее, ибо больше надеяться было не на что.

Они вышли за городские ворота, и одновременно тьма сомкнулась над городом.

Максарь шагал впереди, свернув с дороги в первую же минуту.

Клим с Гордеем следовали за ним. Некоторое время слышался только легкий звук шагов Максаря. Гордей недовольт-

но морщился, но этого никто, естественно, не видел. Слабый свет узкого рожка, в который превратилась полная луна, едва обозначал землю под ногами; позади смутно чернели сторожевые башни Зельги. В караулке одной из них горела лучина и этот огонек был единственным в округе. В городе царил народившаяся ночь, а огней таверны с этого места не рассмотрел бы и филин, ибо даже он не способен видеть сквозь стены. В порту звякнул колокол — на купеческом корабле отбили склянку и сразу вслед за тем загудели металлом часы на башне мэрии, отмечая полчаса до полуночи.

— Эй, Максарь, ты дорогу знаешь? — проворчал Гордей вопросительно.

Максарь неохотно отозвался:

— Сказано же: никаких дорог.

— Вот попутничка же навязали, — вздохнул Гордей. — Ну хорошо, ты дорогу не по дороге знаешь?

— Знаю. — Максарь говорил равнодушно, словно у него спрашивали, бывал ли он на луне, и он отвечал, что нет.

— Вот и веди, — заключил Гордей. — А мы за тобой.

Шагов через полста Максарь вновь подал голос:

— Эй, Клим! Райана желала тебе удачи.

Терех чуть не споткнулся.

— С-спасибо. А к чему это?

— Так, ни к чему. Понравился ты ей. Первый, кто ей действительно понравился.

— Ты-то откуда знаешь? — недоуменно спросил Клим.

«Дорогу я ему перешел, что ли? Так ведь и не было ничего. Хотел бы я видеть, как за два дня у парня девку сведут...»

Гордей пихнул его в бок:

— Дак Максарь ее брат! Родной.

Клим чуть не поперхнулся. Но, с другой стороны, испытал и облегчение.

«Хоть сразу не убьет», — мысленно ухмыльнулся он.

Теперь он понял, кого напоминал ему белолицый Максарь: тэла.

Чистокровного тэла, хотя на самом деле он был лишь полукровкой.

Они погружались в ночь, зная, что эта ночь может оказаться последней в их жизни.

В первый переход одолели треть расстояния между Санорисом и Кутой; во второй — переправились через Куту на полузатопленном плоту, в третий — миновали озеро Майт и лишь немного не дошли до Эксмута. За это время им не встретился ни один человек, только во вторую ночь долго трусила следом бродячая собака, отстав лишь на переправе через Куту. Скоротав день в перелеске, троица из Зельги дождалась полуночи и направилась к недалекому городу, стоящему на реке Питрус.

Стены его походили на стены Зельги — такие же высокие, хранящие следы былых штурмов, морщинистые от времени, кое-где серебриющиеся лишайником. Через равные промежутки возвышались дозорные башни с узкими бойницами под крышами; на углах башни были повыше и посolidнее, чем просто в разрывах стен. Клим молча следовал за Максарем и Гордеем. Через стену перемахнуть решили поближе к дому мэра, а тот жил в южном пределе, у самого порта.

Они обогнули город с запада, потому что северо-восточная часть Эксмута — это порт, и она охранялась даже ночью.

Наконец Гордей остановился и схватил Максаря за руку.

— Здесь! — прошептал он, показывая на стену.

Клим взглянул — почти на самом верху в свете серпика луны смутно угадывалась неровная выбоина.

— Достанем, пожалуй, — оценил Максарь и прислушался: из-за стены не доносилось ни звука.

— Должны, — подтвердил Гордей и обратился к Климу: — Становись сюда. Да упрись в камень покрепче.

Терех стал подле стены, вжавшись в седой лишайник. Гордей ловко взобрался ему на плечи. Максарь, пользуясь живой лестницей, влез на плечи Гордею и дотянулся руками до выбоины.

— Держусь, — сказал он, как следует вцепившись в край.

Гордей повис у него на ногах; Клим уже все понял, и когда Гордей выдохнул: «Давай!», полез наверх, по Гордею,

по Максарю, и скоро оказался на гребне стены. Уцепившись левой рукой за кромку, правую протянул Максарю. Максарь уцепился покрепче — выдерживать вес двоих на кончиках пальцев было не так-то просто. Мгновение — и Гордей очутился рядом с Климом. Вдвоем они подтянули Максаря.

Тот тяжело дышал.

— Сейчас, — прошептал он. — Сейчас.

Через минуту он пришел в себя.

Внизу было тихо и темно, как в трюме парусника. Бесшумно спустившись, троица впиталась в лабиринт окраинных улиц.

Дом мэра стоял совсем недалеко от стены, кварталах в двух. В окнах его царила тьма, но этого они и ждали. Условный стук в створку ворот, и сразу же распахнулась калитка. Безмолвный, закутанный в черное привратник впустил их во двор, запер калитку на внушительный засов и повел к задней двери.

Клим чувствовал, что напряжение последних дней достигает пика.

Постоянная готовность к смерти измотала его, в голове словно в колокол били — непрерывно, час за часом. Хотелось побыстрее разделаться с этим странным поручением, упасть и заснуть, и проспать весь день, нет — два дня, а потом сладко потянуться и просто выйти во двор, спокойно поглядеть на людей и не шархаться боле от каждой тени.

В полутемном зале с завешанными тяжелым бархатом окнами их встретили двое — средних лет плотный мужчина, одетый точно так же, как Пирс, мэр Зельги; и запахнутый в дорожный плащ старик с длинной седой бородой, разделенной на два пучка.

Максарь и Гордей поклонились, Клим, чуть замешкавшись, тоже.

— Рад видеть вас, — сказал мэр напряженно, — это значит, что вы никого не встретили в пути. Ведь так?

— Так, — сказал Максарь без излишней болтовни.

— Тогда начинайте. Вы должны помнить все наизусть.

И Максарь начал:

— фОр мУУт эрщА трО тэцЭ...

Старик в плаще внимательно слушал, шевеля бровями. Иногда шевелились и его губы, словно он повторял сказанное. Мэр просто стоял, устало прикрыв глаза, он явно ни слова не понимал, но был рад, что все подходит к концу. Почему-то Климу казалось, что эта затея стоила многим больших нервов.

Когда Максарь закончил, настал черед Гордея:

— втЭ фОр дЭЕ рЭО Эспе...

Потом говорил Клим, старательно выговаривая непривычные слова, вызывая их из памяти без малейшего усилия. Речь его не мешала мыслям, все время, пока звучал чужой язык. Клим думал о своем, например, кто ухитрился втиснуть в его память это послание? Не Райана же?

Стоп!

Терех даже запнулся. Старик тут же вскинул брови, но Клим сразу собрался, отбросил мысли на некоторое время и продолжил с того же места:

— Ом, псЕ втЭ Эспэ фОр дэзнА, дЭЕ Ас йЭр...

И так до последней фразы:

— зЭнэн эскА.

Повисло молчание, и Клим вернулся к своему воспоминанию. Когда он забылся в таверне, после того как взглянул в глаза Райане.

Не тогда ли в него поместили это странное знание? Очень может быть...

— Спасибо, — скрипуче произнес старик. — Хоть все произошедшее и кажется вам странным, знайте: вы сослужили неоценимую службу Шандалару. Полагаю, вы устали; о вас позаботятся люди мэра. Можете идти и отдыхать. Вы свободны от всех клятв, что связывали вас последние дни. Нил!

Последнее словно старик произнес по-тэльски. Значило оно: «Спасибо, вы сделали все, что могли».

Максарь, Гордей и Клим повернулись, чтобы уйти; они почти уже вышли за дверь, когда старик позвал:

— Эй, юноша! Останься на минутку.

Он глядел на Клима.

— А вы идите, идите, — махнул он рукой остальным.

Мэр удивленно воззрился на старика:

— В чем дело, Дервиш?

Старик не обратил на него внимания. Он смотрел на Клима.

Странно смотрел: с печалью и интересом. Долго — около минуты.

Потом вздохнул.

— Хэ-xxx... Запомни на всякий случай: скоро ты окажешься перед выбором. Знай, что ты способен заплатить ту цену, которую у тебя испросят.

Клим хлопал глазами, ровным счетом ничего не понимая. Какую цену? Кто испросит? За что?

— Запомнил? Повтори!

— Я способен заплатить испрашиваемую цену. А за что? — не удержался Клим.

— Не забывай меня. Иди, — отмахнулся Дервиш и повернулся к мэру, словно Клим из зала давно уже вышел.

Ничего не оставалось, кроме как отправиться к двери.

Гордей долго пытал Тереха, зачем его оставил загадочный старик, но объяснить этого Клим так и не сумел.

Отоспавшись, они вернулись в Зельгу на подвернувшейся шхуне торговца из Турана. Все быстро закончилось, и Клим с трудом верил в произошедшее — словно кто-то нагнал на него морок. В памяти почти ничего не отложилось, кроме слов старика Дервиша. Немного удивляла странная отчужденность Максаря — казалось, что он не впервые выполняет подобные задания. На вопрос Клима Гордей ответил, что никогда раньше ни о чем подобном не слышал и никогда не участвовал в похожих делах. Насчет Максаря Гордей не знал — тот слыл натурой скрытной и необщительной.

Спустя несколько дней Клима перевели в личную гвардию Влада — три десятка отборных бойцов. Начались изнурительные тренировки — Клим вдруг понял, что до сих пор умел не так уж много. Не было ему равных разве что в работе

с мечом. Но искусство воина заключалось не только в этом. Впрочем, он схватывал все на лету, природная смекалка, сила и прежний опыт помогали постичь многие секреты. Как-то незаметно все перевернулось, теперь он обращался за советом все реже, а его чаще просили научить какому-нибудь трюку.

Постепенно он освоился в Зельге, его признали жители — и солдаты, и горожане. Пару раз случались стычки с прибрежниками, заходившими в залив на многовесельных ладьях. Клим показал себя в бою с самой лучшей стороны, его зауважали. Вечерами в таверне все чаще слышался его голос; Клима приглашали к своему столу, просили рассказать о краях, где довелось побывать.

Еще он заметил, что посетители таверны в его присутствии перестали позволять себе сальные шуточки в сторону Райаны, хотя прежде Клим слышал их немало. Когда выдавался свободный вечер, он часто уводил девушку в порт, к морю, и они подолгу бродили у прибоя, ни о чем толком не говоря. Раньше трактирщик отпускал Райану неохотно, теперь же иногда сам отправлял ее к Тереху, особенно после того, как его сделали десятником.

Остальные офицеры Зельги — почти все — были женаты и жили в городе, а не в казарме; такую же судьбу прочили и Климу, но тот не спешил. Отчасти оттого, что еще не вжился окончательно в Зельгу, хотя мысль остаться здесь навсегда посещала его все чаще; отчасти оттого, что не понимал, что же его на самом деле связывает с Райаной. Им нравилось бывать вместе, но иногда Клим напоминал себе: ведь он почти ничего о зеленоглазой полутэлле не знает.

Близилась зима, купцы-корабелы заходили в Зельгу все реже, предпочитая торговать у южных берегов моря — в Туране; набегі прибрежников прекратились, патрули далеко от города не отходили; жизнь, еще недавно бившая ключом, поутихла. Долгие вечера горожане проводили в тавернах и кабаках; в «Облачном крае» собирался весь цвет Зельги, здесь всегда было не протолкнуться.

Как-то раз в середине зимы Парфен Хлус отозвал Клима в сторону и открыто предложил ему комнату на втором этаже. Ему и Райане.

Клим подумал и согласился, если Райана не возражает.

Райана не возражала.

С тех пор он стал реже бывать в казарме, реже видеть Гордея, с которым успел крепко сдружиться, зато заметил молчаливое одобрение в глазах воеводы и мэра. Теперь Клим часто сиживал за одним столом с ними, бывало, его даже просили высказаться по какому-нибудь вопросу и к мнению прислушивались.

Клим и верил, и не верил: всего год назад мальчишка без медальона, наемник, шалтай-болтай, сегодня вдруг вознесся к самой вершине. Странно было видеть бывалых солдат, вдвое старше его по возрасту, которые просили: «Рассуди!»

Но если случилось так, значит, он того достоин.

Иногда он вспоминал слова Дервиша, услышанные в Эксмуте, но чем дальше, тем реже. Как заволакивает неясным туманом ночной сон, так и летние странности погружались в небытие.

Неожиданно Клим понял: прежняя жизнь кончилась. Началась иная.

Теперь у него был дом, было дело, была Райана, был друг. И новые мысли.

За окнами сыпал снег, замедая память о бродяге-мальчишке, но в кого превратится он, когда снег растает?

2

— Клим, вставай!

Сон медленно отступал, но встать отчаянно не хотелось. Он перевернулся на другой бок и засопел.

— Вставай-вставай, время уже! Рассвет скоро!

Райана тормошила Тереха, не обращая внимания на вялое сопротивление.

Через минуту Клим тяжело вздохнул и сел. Встряхнул головой.

Раньше он вскакивал от малейшего шороха, теперь же мог валяться в постели до полудня. Правда, только дома, в комнате на втором этаже таверны «Облачный край». В любом другом месте он оставался прежним — чутким, выносливым и терпеливым. Но здесь — здесь можно было расслабиться, а единожды расслабившись, привыкаешь.

Клим встал и оделся. Чмокнул Райану в щеку, нацепил меч и спустился в зал. Поваренок Трига поднес ему квасу.

Сур и Агей, тоже десятники, ждали за ближним к выходу столом.

Зевая на ходу, Клим приблизился и сел. Спустя минуту подошел четвертый из офицеров, живущий в комнатах таверны — Франциск, мастер оружейников.

Негромко переговариваясь, они направились в сторону казарм.

День казался вполне обычным: Сур уехал в дозор, Агея отправили провести купцов до переправы через Маратон, Франциск с самого начала ушел в кузницу, даже на разводе не появился, Клим с Максарем натаскивали новичков в лагере у стен Зельги. Воевода Влад подался к мэру на встречу с посланниками Гурды. Ничто не предвещало новостей, вот уже который день.

Гонец на взмыленном коне вырвался из леса на простор пригородных полей и во весь опор поскакал к Зельге. Часовой на башне тотчас протрубил «внимание!»; в лагере настожились.

Клим, приставив к глазам ладонь, глядел на приближающегося всадника.

— Кто-то из Агеева десятка... — сказал Максарь и сплюнул в пыль.

— Не нравится мне это...

Клим покосился на шурина — с ним до сих пор общего языка найти не удалось. Хоть и служили оба в гвардии Влада, хоть виделись каждый день... Ссору при первой встрече никто не вспоминал, но и тепла в отношениях вовсе не прибавилось.

Всадник добрался до первых палаток, ссыпался с коня и, поправляя куртку, протянул Максарю свиток бумаги.

— Мэру! Срочно!

Полутэл командовал первым десятком гвардии и формально был старшим.

Не говоря ни слова, Максарь отвязал свежего коня и вихрем унесся за ворота Зельги.

— Откуда вести-то? — мрачно спросил Клим.

Гонец, утираясь рукавом, ответил:

— Из Тороши...

Спустя час Клим услышал слово «мор»...

Всех лекарей срочно созвали в мэрию. Клим остался в лагере наедине с безрадостными мыслями: однажды он пережил чуму и вспоминал пережитое с содроганием.

«Уж лучше бы прибрежников орда, ей-богу», — подумал он вяло.

Он знал, что произойдет дальше: несколько дней изнурительного ожидания, когда нервы натягиваются, как шкоты в шторм, потом первый заболевший, а потом первая смерть.

Первый человек в Зельге заболел через неделю. Ребенок. Сторел за четыре дня; к этому моменту больных было уже больше сотни.

Город словно вымер. Люди сидели по домам, не решаясь выйти на улицу. Только страх бродил по улицам в обнимку со смертью.

Кто вспомнил старое поверье — Клим не знал. Будто бы город может спасти пришелец, явившийся не больше года назад. Люди почему-то верили этой небылице, и обитатели таверны все чаще смотрели на Клима недружелюбно, словно он действительно мог их спасти, но не делал этого. Терех считал подобные рассказы чушью и вздором, больше надеясь, что лекари найдут лекарство.

Но однажды утром стало известно, что лекари мертвы.

В «Облачном крае» больных пока не было; пища и вода хранились в глубоком холодном подвале, наверное, это и спасало первое время.

По улицам Зельги шатались призраки: те, кого поразил мор и кому стало все равно. Дважды таверну поджигали, но совместными усилиями огонь удавалось погасить.

Клим перестал выходить из комнаты, чтобы не видеть ненавидящих взглядов. Райана рассказала ему поподробнее о Камне Велеса — что находится тот в трех днях пути от Зельги, что богам можно задать только один вопрос или высказать одну просьбу; какова плата за это — никто не знал. Клим отмахнулся — какие боги? Люди умирают, а тут боги...

В таверне первой заболела Райана — ночью у нее начался жар, а наутро она не смогла встать с постели.

И тогда Клим влез в дорожную куртку, валяющуюся в углу восьмую неделю, прикрепил к поясу меч, взял в подвале несколько полос вяленого мяса и направился к выходу под молчаливыми взглядами обитателей «Облачного края». Дверь со скрипом отворилась и Зельга погрузилась в тревожное ожидание.

Клим знал, что у него есть четыре дня.

3

Лишь далеко в лесу Клим заметил, что наступило лето.

«Просидели весь май и пол-июня взаперти, словно крысы», — с неожиданной злостью подумал он.

Камень Велеса, как сказал Максарь вчера, искать следовало на южном берегу Скуомиша. Единственным человеком, которого Клим встретил в городе, был шурин. Скривив губы, не то презрительно, не то от боли, он подробно описал дорогу и ушел, не оборачиваясь. Клим буркнул ему в спину: «Спасибо» и вышел за ворота.

Наверное, Максарь тоже болен, раз осмелился выйти на улицу. А может, и нет. Пойми его...

Здесь, в лесу мор казался чем-то нереальным. Лес о море ничего не знал — и это казалось неправильным. Клим то шел, то трусил, пока хватало дыхания, сцепив зубы и вспоминая беспомощные глаза Райаны, зеленые, как листва.

Обретенный дом обманул его. Если он не сумеет помочь, в Зельге не останется никого. Кто знает, сможет ли он тогда жить? И зарастет ли когда-нибудь эта рана?

Клим шел даже ночью, памятуя о странном походе в Эксмут, и надеялся, что старик Дервиш сказал тогда правду: он способен заплатить богам, и надеялся, что боги его услышат.

Камень Велеса, темную бесформенную глыбу, Клим увидел наутро третьего дня. По Скуомишу гуляли волны; стлался зыбкий туман, скрывая от взгляда острова.

Ноги ныли и гудели, но Клим упрямо шел к камню, хрустя валежником. Вскоре стало видно, что у самого камня курится дымком небольшой костер; согбенная фигура в длинном плаще с капюшоном подкармливала его хворостом.

Клим даже не очень удивился, когда увидел торчащую из-под капюшона седую бороду, разделенную на два пучка.

Подойдя вплотную, Терех вдруг задумался: а как, собственно, общаться с этими богами? Орать на весь лес, что ли?

Когда Клим подошел к самому костру, Дервиш медленно стянул с головы капюшон.

— Я знал, что ты придешь...

Не зная, что ответить, Клим опустил у костра. Прямо на землю, влажную и холодную.

— Что я должен делать? — спросил он чуть погодя. Вдруг навалилась безмерная усталость; Терех с трудом ворочал языком.

Дервиш, ломая очередную валежину, ответил:

— Обратиться к богам. Я научу тебя, как учил всех, кто приходил ранее.

Он отправил валежину в костер и встал.

— Помни: ты можешь отказаться. Но тогда она умрет.

— Кто? Райана?

Дервиш не ответил.

В нетронутой плоти Камня на уровне груди было выдолблено небольшое углубление; там стояла деревянная чаша. Дервиш взял ее обеими руками.

— Напой ее кровью, — сказал он. — Своей кровью.

Клим, совершенно ничего не испытывая, вытащил из-за голенища кинжал и полоснул по руке. Парящая струйка ударила в деревянный сосуд.

— Опустит в чашу свой медальон.

Серебристая пластинка погрузилась в вязкую алую кровь.

Сейчас Клим вдруг заметил, что у Дервиша на шее нет пластинки!

Но почему-то это его не очень удивило.

— А теперь произнеси свое имя и обратись к небу, возможно, тебя услышат сразу же.

Со стороны, наверное, это выглядело странно: измученный путник с чашей в руке, с шеи свисает серебристая цепочка и тянется к чаше.

— Я Клим Терех, гражданин Шандалара, во имя Велеса и именем его, взываю к тебе, небо: услышь и помоги!

«Может, я просто болен и мне это просто чудится?» — подумал Клим совершенно отстраненно. Чувство реальности покинуло его напрочь.

Он повторял призыв еще дважды, постепенно теряя надежду и жалея, что купился на эту дешевую выдумку. И лишился возможности быть рядом с Райаной в страшный час — может, это облегчило бы ее страдания.

Откуда появилась фигура в белом, Клим не заметил.

— Я слышу тебя, смертный, и знаю, чего ты хочешь. Но и ты знаешь: за все в мире нужно платить. Готов ли ты заплатить богам?

Клим сосредоточился, собирая воедино разбегающиеся мысли.

— Я не знаю, что нужно богам. Да и есть ли у меня что-нибудь ценное для вас?

Голос срывался, Клим то и дело судорожно сглатывал.

— Я могу служить вам, сколько скажете...

— О нет, это нам ни к чему, — ответил Белый, величественно поведя рукой.

«А что у меня есть, кроме жизни?» — зло подумал Терех.

— Ты прав, платой будет твоя жизнь. Но не вся: мы не так алчны, как о том рассказывают легенды. Год твоей жизни — всего год. И болезнь уйдет. Согласен?

У Климa внутри все замерло.

Год? Всего-навсего год жизни? Умереть на год раньше отпущенного срока и купить тем самым жизнь Райане и не-скольким сотням горожан?

— Я согласен!

— Да будет так! — сказал Белый. — Все, кто еще жив в Зельге, не умрут от мора. Плату мы возьмем завтра в полдень. Можешь идти, смертный, и ни о чем не жалеешь...

— Эй! — выпалил Клим. — Скажи, Райана еще жива?

Руки с чашей задрожали сильнее.

— Узнаешь. — Белый рассмеялся и исчез.

Совершенно ошеломленный, Клим некоторое время стоял неподвижно перед Камнем Велеса, потом медленно опустил чашу. Алые капли стекли с медальона на куртку.

— Завтра в полдень... Завтра они приблизят мою смерть на год...

«Если Райана умерла...»

Додумать Клим не посмел.

Он поискал Дервиша — тот стоял у костра, протянув к огню костлявые руки.

Клим бережно поставил чашу в прежнюю выемку, прямо с оставшейся кровью, и приблизился к старику.

— Дервиш, а почему у тебя нет медальона? — зачем-то спросил Терех, словно более важных вопросов не существовало.

Старик шелохнулся.

— Потому что я не человек.

Клим вздрогнул.

— Бог?

Дервиш вдруг скрипуче захохотал и так же внезапно умолк.

— Нет, я не бог.

— А кто же тогда? — недоуменно спросил Клим.

— Узнаешь, — пообещал Дервиш загадочно.

«Узнаешь, узнаешь... — подумал Клим. — Все так говорят. И боги, и люди, и Дервиш, который не бог, но и не человек».

— Может, ты траг?

На этот раз Дервиш фыркнул:

— Еще чего? Сказал же: узнаешь.

— А почему ты в этом уверен?

Старик обернулся к Климу и долго глядел ему в глаза.

— Потому что мы с тобой встретимся еще не однажды. В этом я уверен твердо.

Клима неудержимо клонило в сон, и он опустил на землю прямо у костра.

— Ничего, если я подремлю? — спросил он у Дервиша, едва ворочая языком.

— Спи, — проворчал старик. — Ты свое дело сделал...

Через секунду Терех уже крепко спал.

Дервиш посидел у костра еще с час, потом подобрал котомку с нехитрым скарбом и ушел на юг, к Зельге.

Клим проснулся за полдень. Сладко потянулся, потряс головой.

«Сегодня», — подумал он радостно и взглянул на небо. Солнце уже перевалило через зенит.

— Ого! — воскликнул он. — Проспал! Надо же!

Но зато никто не посмеет упрекнуть его в спешке.

Нарочито неторопливо Клим подтянул поближе мешок, не спеша развязал его и запустил внутрь правую руку. Так же неторопливо нашарил заветный кожаный чехольчик.

Вот он, знак совершеннолетия! Блестящий серебристый медальон на короткой цепочке. На обратной его стороне двадцать один год назад выгравировали имя и день появления на свет будущего владельца.

«Все, — подумал Клим, надевая медальон. — Теперь я не просто Климка, подросток без голоса и права на слово. Клим Терех, гражданин Шандалара, именем Велеса и во имя его».

Кровь предков кочевников пела в жилах и рвалась в дорогу непоседливая душа.

Людей Клим встретил спустя три дня. Двоих парней и зеленоглазую девушку с огненно-рыжими волосами.

— Клим!

Девушка кинулась навстречу и повисла у него на шее.

«Это еще что?» — удивился Терех.

Его крепко хлопнули по плечу.

— Здорово, Клим!

Терех резко оттолкнул девушку; та, не ожидавшая такого, упала в шальную траву. На лице ее застыло недоумение.

— Поттише, приятель, — с угрозой сказал Клим хлопнувшему по плечу худощавому парню. — А то можно и мечом схлопотать...

Тот уставился на Тереха, словно увидел родного дедушку.

— Ты чего? Это же я, Гордей!

— Да хоть туранский султан!

— Клим, ты что, нас не узнаешь? — с дрожью в голосе спросила девушка.

«Психи, — решил Клим. — Надо убираться, пока ничего худого не случилось...»

— Дай-ка пройти, — попросил он назвавшегося Гордеем.

— Постой, — тот попытался его задержать, и Клим резко ударил локтем.

Гордей согнулся от боли.

Второй, похожий на тэла, белолицый и черноволосый, кривил в усмешке тонкие губы.

— Клим, опомнись! — взмолилась девушка и что-то в ее голосе не понравилось Тереху.

— Бесполезно, — констатировал белолицый. — Это не он.

— Вот-вот, — подтвердил Клим. — Не я.

Гордей, мучительно хрипя, распрямился.

«Эк я его», — мимоходом подумал Клим.

— Хочешь бить? Бей! Мечом, если хочешь. Но я тебя никуда не пушу! — Гордей говорил с трудом, дыша громко и неровно.

«Так, значит? — сердито подумал Клим и обнажил меч. — Посмотрим...»

Он занес блестящий клинок.

— Кли-им! Что ты делаешь?!

Крик девушки отрезвил его. Рука Тереха опустилась.

«Траги, что творится? — подумал Клим, внезапно устыдившись. — Я чуть не зарубил безоружного...»

Сердито вогнав меч в ножны, он повернулся и скорым шагом направился в лес. Подальше от этой ненормальной троицы.

— Клим, стой! Ты же ничего не знаешь!

Терех ускорил шаг.

— Я иду за ним, — сказала Райана Гордею. — Как хотите...

Гордей последовал за нею.

Клим перешел на бег.

«Что за придурки?» — подумал он, все больше теряясь.

Никто не заметил старика в дорожном плаще, стоявшего в густом орешнике и скептически наблюдавшего за всем, что произошло.

— Как всегда, — проворчал старик. — Никак не могут понять, что нельзя отдать год еще непрожитой жизни...

Клим обернулся: за ним спешила рыжая девушка; чуть дальше — трусил Гордей.

И он, подавив неясную мысль, что где-то уже видел эти бездонные зеленые глаза, побежал прочь еще быстрее.

*Октябрь 1993 — май 1995
Магнитогорск — Николаев — Москва*

ДУША ЧАЩОБЫ

«**П**ридется ехать через Черное», — подумал Выр с неудовольствием.

Старый бор жители Тялшина и окрестных земель старались обходить стороной. Мрачновато там... Нечисть опять же пошаливает. Кому охота голову в омут совать? Правда, кое-кто отваживался там хаживать, но только если не оставалось другого выхода. Вишена Пожарский, говорят, в одиночку Черное проходил не раз, да и побратимы его — Славута-дрегович, Боромир Непоседа, Похил — тоже там бывали и ничего, целехоньки.

Но Выр-то неровня им. Побратимы — воины, меч им привычен. А Выр — простой охотник. И приятель его, Рудошан, тоже охотник. Только и оружия, что пара ножей да луки со стрелами.

Впрочем, людей ни Выр, ни Рудошан как раз не боялись, а против нечисти оружие тоже не особый помощник. Вот Тарус-чародей, наверное, прошел бы Черное насквозь играючи, даже не глядя по сторонам. Черти, поди, разбежались бы с визгом, только он появись.

Выр вздохнул. Телега, груженная ворохами шкурок, тихонько поскрипывала. Рудошан отпустил поводья и беспечно болтал ногами, даже орехи, стервец, щелкал. Словно не в Черное им теперь дорога, а трактором, до самой Андоги, где путников больше, чем леших в лесу.

— Эй, друже, будь начеку, — посоветовал Выр. — В Черное въезжаем!

Угроздило же Мигу так разлиться! Не пройти нипочем, только бором, чтоб его...

— Да ладно, Выр, — отмахнулся Рудошан. — Не беги впереди телеги. Последнее время в Черном никто не пропадал.

— Потому что никто туда не совался, — проворчал Выр. — И Рыдоги вспомни — ведь никого не осталось, все селения обезлюдели.

— Где Рыдоги! — отмахнулся Рудошан. — Сколько дней топтать.

Выр только вздохнул. На душе было муторно, и предчувствие навалилось какое-то нехорошее. А предчувствия часто сбывались.

Чаща стиснула поросшую травой и побегамы ольхи дорогу; крепкие ядреные сосны с непривычно темной корой и непривычно темной хвоей мрачно простирали к путникам корявые ветви. Воздух стал каким-то серым, словно и не в лесу. Птичьи голоса остались где-то позади, а в Черном только тишина гулко звенела в ушах.

Выр невольно передернул плечами.

Постепенно дорога превратилась в тропу, телега еле продиралась меж колючих веток, а конь то и дело пригибал голову и цеплял гривой хвою.

Рудошан догрыз орехи, выплюнул скорлупу и устроился в телеге поудобнее.

— Эй, Выр, лезь ко мне! — позвал он. Выр отрицательно помотал головой.

— Охота тебе ноги бить, — сокрушенно вздохнул Рудошан.

За очередным поворотом тропы конь стал как вкопанный. Поперек пути лежала сухая сосна в несколько обхватов. Верхушка ее пряталась в переплетении обломанных крон; как рухнуло старое дерево на соседей, так и застыло, чуть не достигнув земли.

Человек ползком пробрался бы под мшистым стволом, но как быть с телегой и лошастью?

Выр хотел чертыхнуться, но вовремя вспомнил, что в таком месте имя нечистого лучше не произносить, и только сплюнул с досады.

— Ну вот, приехали. — Рудошан соскочил с телеги, приблизился к преграде и задумчиво пнул ее сапогом. На тропу посыпалась сухая желтая хвоя.

— Чего делать-то будем? — спросил Выр несколько растерянно. — Лесом никак ведь не объедешь...

— М-да... — протянул Рудошан. — Топор-то у меня есть, но сколько мы с такой орясиной возиться будем? До темноты никак не успеть.

Выр даже вздрогнул. Ночевать в Черном? Нет уж, лучше сразу лечь и помереть.

— Да чего ты смурной такой, — сердито сказал Рудошан, роясь под тюками со шкурками. — Словно прижали нас к стене и деваться некуда. Вечно заранее себя хоронишь!

Наконец Рудошан нашарил топорик и потрогал лезвие пальцем.

Топорик был достаточно остр.

Посреди ствола рубить не имело смысла. Рудошан подумал: лучше срубить несколько молодых сосен у пня, и тогда попытаться провести коня с телегой чуть в стороне. Вполне может получиться.

Он подошел к корявому толстому пню. Старая сосна подгнила у самых корней, пень напоминал раскрошенный зуб. Разбросанные рядом щепы успели потемнеть от дождей и времени — сколько уже валяется вековая сосна поперек тропы? И сколько тут никто не ходил?

Рудошан еще раз пнул ствол и с размаху тюкнул топором в заплывшую смолой трещину. Удар неожиданно отдался в ладони и топориче выпало из руки. Словно не по дереву Рудошан рубанул, а по железу. Боль была неприятная, тупая, ноющая. Пригляделся, хотя было сумрачно — Черное все-таки. Под слоем загустевшей бог весть когда смолы что-то крылось. Поднял топор (на лезвии образовалась зазубрина), соскоблил смолу. Осторожно потюкал, расщепляя податливую древесину.

Что-то железное. Не то нож, не то крюк какой-то.

— Чего ты там возишься? — нервно окликнул его Выр, топтавшийся у телеги.

— Да, тут в стволе нашлась какая-то штуковина. Топор чуть не загубил, холера... Точи теперь!

Спустя несколько минут Рудошан освободил железку из давних объятий мертвой сосны. Более всего она напоминала обычный клин, но кому понадобилось отливать клин из металла? По крайней мере Рудошан никогда ни о чем подобном не слыхивал. Разглядывая находку, он приблизился к Выру. На тропе было светлее, клин казался гладким, словно стекло, и на нем виднелись с трудом различимые письмена.

Рудошан протянул клин Выру:

— Разберешь, грамотей?

— Душа Чащобы, — шевеля губами, прочел Выр. — Ничего не пойму. Где ты это взял?

Рудошан повел головой в сторону перегородившей путь сосны:

— Да в стволе... Не то чтобы торчала — наверное, кто-то вколотил его в трещину, да так и бросил. Правда, сколько лет назад — и представить боюсь. А дерево росло, постепенно и втянуло клин этот в себя. Не иначе.

Выр повертел находку перед глазами. И в это мгновение вдалеке кто-то протяжно завыл. Может быть, волк. Но какой волк станет выть белым днем? Да еще летом?

— Чур меня! — побледнел Выр и выронил клин. Конь дернулся и тревожно захрапел. Вой тотчас оборвался, словно тот, кто выл, теперь прислушивался.

Рудошан поднял клин и сразу увидел, что надпись на нем с двух сторон.

— Эй, тут еще что-то написано! — Он взглянул на Выра и раздраженно добавил: — Да перестань ты трястись!

Выр неохотно прочел:

— Выдь немедля.

Больше на железке надписей не было: два слова с одной стороны, два — с другой.

— Гм! — протянул Рудошан и поскреб макушку. — Что бы это значило: душа чащобы выдь немедля!

Порыв ветра ударил, словно вихрь в поле налетел. Низкий голос тихо произнес:

— Приказывайте...

Выр нервно обернулся. У тропы стояло похожее на боченок создание, поросшее седым лишайником. Ноги его напоминали толстые пни, а руки — кривые сучья. Рот — как дупло, носа нет вовсе, а глаза красные, что закатное солнце.

Рудошан некоторое время собирался с мыслями, потом неопределенно промычал, благо рот сам собой открылся:

— А-а-а... Дорогу бы освободить!

Лесовик повел рукой-веткой и ствол старой сосны рассыпался в пыль, а сучья, шурша, упали наземь.

— Еще?

Рудошан вновь отвесил челюсть.

— Кто ты? — нетвердо спросил Выр. Чувствовалось, что ему очень хочется залезть под телегу. Вообще Рудошан знал, что Выр далеко не трус, на медведя мог в одиночку выйти, но как только дело касалось нечисти, вся его храбрость вмиг улетучивалась. Странно, но это так.

— Я — душа чащобы. Приказывай, хозяин!

Лесовик обращался к Рудошану, несмотря на то, что клин держал в руках Выр.

— Я твой хозяин? — уточнил Рудошан.

— Да. Ты меня вызвал.

«Наверное, когда сказал: выдь немедля, — догадался Рудошан. — Ну и дела!»

— Ты всегда придешь на помощь? — спросил он.

— Тебе — да. До тех пор, пока ты будешь в Черном.

— А за пределами Черного?

— Ты не вынесешь меня отсюда. Смертному это не под силу.

«Клин, — понял Рудошан. — Он имеет в виду клин. Пока он у меня — будет слушаться. Но вынести клин из Черного нельзя. Интересно, почему?»

— Когда будешь нужен, я позову! — сказал Рудошан, отбирая клин у Выра и пряча его за пазуху. Железо было теплое.

С тем же порывом ветра лесовик отступил за стволы. Подобрал топорик, Рудошан стегнул лошадь.

— Н-но, милая!

Выра не нужно было уговаривать — семенил рядом с телегой.

Рудошан задумчиво гладил железку за пазухой. Было до странности увлекательно и одновременно жутко.

В глубине леса вновь завьили, на этот раз ближе. Выр тихо выругался.

Близился полдень. Если все пойдет гладко, они успеют миновать Черное задолго до темноты.

Первое время все шло как нельзя лучше, лошадка бодро трусила по тропе, раздвигая колючие ветви. Рудошан зыркал направо-налево, а Выр, то ли умаившись, то ли еще почему, сидел на тюках и глядел назад.

Волка первым почуял конь. Всхрипнул и замер. Выр схватился за лук.

Зверь стоял у ствола сосны и мрачно глядел на телегу. Глаза его горели, ровно угли, даже в свете дня.

— Громадный какой, — побормотал Рудошан, тоже берясь за лук. И с замиранием в сердце, позвал: — Душа чащобы, выдь немедля!

Порыв ветра, упругий, как железная пружина, и глухой голос:

— Приказывай, хозяин...

Бочонок возник совсем рядом с волком, который сразу стал казаться мельче и даже хвост поджал.

— Вели этому, чтоб не чинил нам зла! — потребовал Рудошан.

Лесовик повернулся к зверю.

— Уходи!

Волк послушно канул в глубь бора.

— Пока все, — отпустил лесовика Рудошан, удивляясь своей уверенности.

Порыв ветра был уже привычен.

— Холера! — не своим голосом сказал Выр. — Это был вовулак, ты заметил?

— Еще бы не заметить! — отмахнулся Рудошан. Железка за пазухой жгла ему грудь. — Н-но, милая!

Телега сдвинулась с места.

До вечера душа чашобы отогнала от тропы двух тупых упырей голодного грида. Выр как стал белым еще при виде вовкулака, так и сидел мышкой на шкурках. Рудошан, обливаясь потом, призывал нового слугу и отдавал короткие приказы. Нечисть убиралась с дороги, повинуюсь лесовику-бочонку беспрекословно. Но нервы натянулись до предела.

А потом тропа вновь обратилась в дорогу, и впереди показался долгожданный просвет. Черное осталось позади.

Рудошан остановил коня и потянулся к топору.

— Чего? — забеспокоился Выр. Последние несколько минут он заметно оживился, вновь обрел нормальный цвет лица и перестал напоминать покойника с отчетливо-черной бородой на молочно-белом подбородке.

Рудошан не ответил. Извлек клин из-за пазухи и прыгнул с телеги.

Выбрал сосну потолще, обошел кругом и вставил клин в трещину ствола. Обух звякнул, вгоняя железку в плоть дерева.

Сосны дружно зашумели на ветру. Выр, глянув вверх, спросил Рудошана:

— Зачем?

А тот не останавливался, пока не вбил клин полностью. Перебросил топорик в левую руку и обернулся к приятелю:

— Зачем? А тебе бы хотелось расстаться с душой, друже?

Выр непонимающе глядел на него. Но не стал возражать.

В самом сердце старого бора тоскливо завыл вовкулак, но Рудошан даже не обернулся. Впереди виднелось житнее поле и стены большого селения — Андоги.

А над Черным гулял ветер.

Декабрь 1995

Москва

ОКО ВСЕВЫШНЕГО

(Рукопашная сказка)

Глава первая

1

В вечернюю тишину вплетались мерные удары гонга. Монастырь встречал закат. Малиново-красное солнце пряталось за отроги Сао-Зу — Великого Горного Хребта, увенчанного пушистыми снежными шапками. Лишь одна дорога вела к монастырю — южная, та, что поднималась снизу, из озерной долины. Никому еще не удавалось перевалить через хребет в этом месте, хотя несколько узких троп уводили высоко в горы. Бродили неуверенные слухи, передаваемые чуть слышным шепотом, будто одна из этих троп ведет сквозь Хребты к самому северному побережью, однако уже много лет никто не ходил за Сао-Зу и не приходил оттуда.

Монахи, собравшиеся на вечернее очищение, отбили положенное количество поклонов и разошлись по кельям-таутам. Ученики первого круга устало брели с поздних занятий, ситы-работники подметали узкие дорожки и тренировочные площадки. Скоро и они уйдут в свой таут — большую общую спальню рядом со зданием кухни. Только привратники в свете лучин будут вести неспешные ночные разговоры.

Монастырь затих, спрятавшись за неприступными стенами, которые соперничали высотой с горными соснами.

Темнело; последние лучи солнца таяли в хрупкой свежести воздуха.

Холодный ветер тянул с гор, принося дыхание вечного льда.

Путник появился на дороге вместе с первыми звездами. Он спешил; учащенно дыша, опираясь на длинный посох, изредка оглядываясь. Достиг ворот, трижды ударил тупым концом посоха в Круг Путника, чернеющий в центре правой створки.

На стене возник привратник, бесшумно, словно летучая мышь.

— Да будет благословенно имя Каома! — хрипло сказал путник, склонив голову и сделав ладонью ритуальный жест.

— Навеки будет! — почтительно отозвался привратник. — Что привело тебя в нашу обитель?

Ладонь его застыла у груди.

— Прошу крова и защиты.

Привратник кивнул:

— Не совершил ли ты зла, и не спасаешься ли от справедливой кары Императора и гнева Каома (да будет благословенно имя его!)?

— Руки и сердце мои чисты перед Императором и тем, кто Выше, хаат.

— Ворота монастыря всегда открыты для скитальцев, чистых перед тем, кто Выше! Входи, путник.

Правая створка неспешно приоткрылась, пропуская одинокого гостя.

Два монаха встретили его поклоном и застывшей перед грудью ладонью. Путник поклонился в ответ, стоя на отпечатке огромной пятерни у самых ворот; потом опустился на колени, отложив посох, и поцеловал священную землю монастыря.

Он не был здесь сорок семь лет.

— Голоден ли ты, путник? — спросил тот, кто разговаривал с ним со стены, одетый в зеленый плащ Наставника со знаком восьмого круга.

— Нет, хаат, хвала Всевышнему (легкий обоюдный поклон), добрые люди накормили меня в полдень.

Наставник снова кивнул.

— Брат Цхэ, отведи путника в гостевой таут.

Еще поклон, еще хвала Всевышнему, и у ворот опять стало безлюдно, а привратники возобновили свои ночные речи в неверном свете лучины.

Наутро странника отвели к Верховному Настоятелю.

Странник был стар. Седые усы и борода, седая голова, морщинистое лицо. Однако глаза его горели, словно у юного тигра, а мышцы полнились силой. Чем-то он походил на Настоятеля, только у того усы и борода были гораздо длиннее, а голову он, как и все в монастыре, брил наголо.

— Сатэ? — удивился и обрадовался Настоятель. Путника он хорошо знал, хотя виделись в последний раз они почти полвека назад.

Старик Сатэ поклонился сначала изображению Каома, потом Первому-в-храме и шести его теням-Настоятелям.

— Приветствую тебя, Бин, Первый-в-храме, и вас, Старшие!

Повинуясь жесту Верховного, один из слуг-учеников принес циновку и несколько подушек.

— Садись, Сатэ! И не зови нас Старшими, ведь ты равен нам, хранитель.

Сатэ присел.

— Разве пыль в придорожной канаве равна солнечному свету? Вы — слуги Каома, Старшие в монастыре, а я — одинокий старик, забытый всеми.

Чувствовалось, что подобные речи были всего лишь ритуалом.

— Недобрые вести принес тебе Сатэ, Первый-в-храме.

Выразительный взгляд — слуги покинули таут Верховного, осталась лишь семерка старших да путники. Двое Настоятелей стали у выхода.

— Я слушаю тебя, Сатэ-хранитель.

Странник неотрывно глядел Бину в глаза.

— Весна начинается, Первый-в-храме. Скоро равноденствие, не мне напоминать, что наступит год Тигра. Это будет год Тигра-воина.

— Я помню, Сатэ. Посланники Южного монастыря скоро выступят, ведомые братом нашим, Настоятелем Тао. Обряд будет исполнен.

Тигр приходил каждый двенадцатый год; однако Тигр-охотник ничего не менял в жизни монастырей. Раз в двадцать четыре года приходил Тигр-воин, и тогда весной либо Северный монастырь Каома, либо Южный (по очереди) отправляли друг другу посланников. Отбирались два молодых монаха, по одному от каждого монастыря, родившихся в год предыдущего Тигра-воина. Они уходили сразу после Турнира. Куда — знали немногие. Семеро Настоятелей каждого монастыря да десяток избранных. Возвращались монахи обычно летом; посланники-гости тотчас отбывали в свою обитель, и все повторялось спустя двадцать четыре года. И еще одно: молодые монахи-избранники, вернувшиеся в монастыри, впоследствии почти всегда становились Первыми-в-храме. Сорок восемь лет назад, когда Бину исполнилось всего двадцать четыре и был он молод и горяч, отправился он в путь вместе с Тао-южанином...

Бин вспомнил и едва заметно вздохнул. На лице его ничего не отразилось — ведь он давно уже не юноша-избранник, а Верховный Настоятель Северного монастыря Каома, Первый-в-храме.

— Клан Орла посягнул на одно из двенадцати Святых Мест. В горах было землетрясение и ход в тайник обнажился.

Бин нахмурил брови, не перебивая.

— Волею случая это оказалось именно двенадцатое Место. Око Каома едва не попало в руки Орлам.

Тени-Наставники зароптали. Такого не случалось со времени основания монастырей. Око всегда находилось в одном из двенадцати Мест, надежно укрытых от мирских глаз. В год Тигра-воина его переносили. Из первого Места во второе, в следующий раз — из второго в третье, и так далее.

Око кочевало по кругу из века в век; монахи двух монастырей всегда находили силы его защитить.

Сатэ продолжал рассказ:

— Глупые Орлы тронули Око раньше срока — они, конечно, умерли, так и не успев поведать своим Верховным, куда перепрыгали его.

Остался лишь один свидетель, который знает, где сейчас Око.

Орлы повсюду ищут его, но не найдут, если вовремя вмешаться.

— Кто он? — только теперь перебил Бин.

Сатэ прикрыл глаза и выдержал приличествующую паузу.

— Юноша-паломник с Архипелага.

— Островитянин? — Бин вскочил, сжав кулаки. — Великий Каома! Судьба мира в руках чужеземца!

Первый-в-храме быстро овладел собой и сел.

— Где он?

— В столице. Прячется и ждет сигнала. Моего сигнала.

— Что ты предлагаешь, Сатэ?

Старик погладил короткую бороду.

— Дай мне семерку избранников и я приведу его сюда. Заодно и смену себе присмотрю. Надеюсь, что в этот раз избранники достойны... хм... тех юношей, что мечтали перенести Око с десятого Места на одиннадцатое сорок восемь лет назад.

Бин задумался.

— Хорошо, Сатэ. Только вот что: отсюда в Столицу семь дней пути, и из Южного монастыря — четыре. Ведите чужеземца в Южный и возвращайтесь со свитой брата нашего Тао.

Сатэ поразмыслил.

— Ты как всегда мудр, Первый-в-храме! Орлы вряд ли сумеют предвидеть это.

Бин поднес руку к груди:

— Мудр лишь Каома, мы же — жалкие слуги его, внедряющие мудрым советам.

Ритуальный поклон.

Хлопок в ладоши. Появился монах-слуга.

- Семерых избранных-до ко мне, младший.
Монах склонил голову и исчез.
- Кто будет первым, как думаешь? — спросил вдруг Сатэ.
Верховный пожал плечами:
- Все хороши. Хотя Даан Геш, пожалуй, покрепче остальных.
- Геш? Сын Линга?
- Да. Он уже Наставник, представь! Уже почти год.
- А прочие кто?
- Рут Ма, братья-близнецы Каат и Ао Хито, Юл Ю, Сань Но и Лоот Зин.

Сатэ покачал головой:

- Никого не знаю. Ты о них никогда не писал.
Верховный нетерпеливо взглянул на громадные песочные часы, которые опрокидывали всего раз в сутки, в полдень.
- Как зовут чужеземца?
- Матурана, Старший.
- Матурана, — повторил Первый-в-храме, шевеля губами, словно пробовал непривычное имя на вкус. — Странные у них на Архипелаге имена.

Сатэ пожал плечами:

- Наверное, наши имена им тоже кажутся странными.
Кстати, — Сатэ понизил голос почти до шепота, — он родился в год Тигра-воина. Двадцать четыре года назад.

Верховный неотрывно глядел на Сатэ, соображая, что это может означать.

В таут входили избранные в одеяниях монахов; один был в зеленом плаще без каймы. Единственное, что отличало их от остальных обитателей монастыря, — длинные волосы, собранные в пучок на затылке.

2

Два года назад, весной, Даану и еще шестерым монахам четвертого круга Старшие велели не брить более голов. Вопреки первому обычаю монахов Каома. В остальном их жизнь

не изменилась. К исходу года Крысы Даан завершил четвертый круг, первым из своих сверстников. Настоятели предложили ему путь Наставника. Даан удивился: ведь он еще молод. Однако его мастерство позволяло ему стать в один ряд с Настоятелями, мастерами ши-тао. Выдержав экзамен (он сражался со Старшими!), Даан заслужил зеленый плащ и избрал свой кон: им стал шест. И принялся учить первый круг, вчерашних ситов-работников приемам боя с шестом, не переставая, впрочем, совершенствоваться в пятом круге. Так прошел еще год; Даан успел привыкнуть, что младшие зовут его «учителем», хотя совсем недавно это его забавляло.

Приближался год Тигра. Монахи высших кругов вдруг стали часто появляться на тренировках пятого круга, которого достигли все «до» — лохматые, как прозвали их в монастыре. Иногда они вмещивались и показывали лохматым что-нибудь новое из своего богатейшего арсенала трюков и приемов. Лохматые прилежно запоминали, шлифуя новую технику.

Что-то назревало, Даан чувствовал это. Но что? Внешне он никак не высказывал своего нетерпения, ибо пятый круг есть пятый круг и многому Даана научил.

А потом всех лохматых вызвали к Первому-в-храме.

3

Мирская одежда казалась странной и непривычной. Даан то и дело глядел на себя и других, смеясь одними глазами. Было от чего!

Сатэ не обращал на это веселье внимания, уверенный, что оно ненадолго.

Стены монастыря скоро растаяли вдали и потянулась навстречу бесконечная дорога, ибо под двумя лунами бесконечны лишь две вещи: дороги и познание.

Какая она — Столица? Такой вопрос задавал себе каждый из семерых. С малых лет они почти ничего не видели, кроме монастыря, разве что горную деревушку в половине

дня пути, куда еще будучи ситами или монахами первого круга часто наведывались за продуктами.

Уже на второй день одежда перестала казаться им чужой и неудобной.

В полдень зашли подкрепить силы в харчевню, притаившуюся на самом краю небольшого придорожного селения. Сатэ договорился с хозяином о плате и вернулся к рассеившейся за столом семерке лохматых.

За соседним столом поглощали рис и мясо двое бродят из восточных провинций — серебристые рыбки, нашитые на левый рукав курток, свидетельствовали, что раньше эти двое были рыбаками.

Даан не переставал ломать голову над загадкой последних недель. Кто такой Сатэ? Его отлично знают Старшие. Сам Сатэ прекрасно знаком с нравами и обычаями монастыря. Но он не монах, это всякому видно! В том, что Сатэ мастер ши-тао, Даан не сомневался ни секунды. Пожалуй, по уровню старик принадлежал к Старшим. Но опять, опять: Сатэ не монах!

Куда ведет их этот таинственный старик? Первый-в-храме велел избранникам повиноваться ему так, словно он сам Каома.

С шумом и руганью в таверну вошли трое горожан; Даан отвлекся от своих мыслей.

— Эй, хозяин! Накорми нас, да поживее!

Проклятия так и сыпались из уст этих троих. Они ругали все: жизнь, смерть, погоду, дорогу, попутчиков, встречных, харчевню, ее посетителей, хозяина, его стряпню...

Монахи, мысленно воззвав к тому, кто Выше, продолжали обед.

Однако от буйных незнакомцев это их не спасло.

— Эй, старик! — сказал вдруг один из них, высокий и плечистый. — Мне кажется, что я тебя знаю!

Сатэ смиренно опустил взор, не сказав ни слова.

— Точно! — Смирение старика подогрело вошедшего. — Ты должен мне пять монет, провалиться и не жить!

— Уважаемый, впервые вас вижу и никогда в жизни не занимал ни у кого денег.

Спутники высокого засмеялись.

— Ты проиграл мне эти деньги в маджонг, старик! Ну, выкладывай долг, или я оборву твои седые усы!

Сатэ терпеливо изрек:

— Я не играю в маджонг, уважаемый. Только в го, но не на деньги.

Высокий презрительно сплюнул на пол.

— Ты смеешь перечить мне, дохлая медуза? По-твоему, я — лжец?

Высокий лениво протянул руку, взял Сатэ за шиворот и поставил перед собой. На недостаток силы он, понятно, не жаловался.

— Это тебе для памяти, — сказал он и ударил Сатэ. Вернее, хотел ударить.

Старик неуловимо для глаза отклонился и высокий лишь зачерпнул рукой пахнущий специями воздух таверны.

Разозленный неудачей, горожанин провел серию быстрых ударов, но Сатэ без труда отбил их одной рукой.

— Ступайте своей дорогой, добрые люди, и не мешайте нам идти своей, — тихо сказал Сатэ.

Однако высокий не собирался отступать. Теперь он пустил в ход ноги.

«Старший не станет сражаться в нашем присутствии, — подумал Даан. — Вмешаться?»

Но его опередил Юл Ю. В мгновение ока он возник между Сатэ и высоким.

Блок, блок, увертка, блок, выпад, блок, захват, удар!

Высокий безжизненно рухнул на дощатый пол. Два его товарища вскочили и, недобро глядя на Юла и Сатэ, сделали шаг вперед. В руках их тускло заблестели ножи, тупые, как кора акации.

— Прошу вас, не делайте этого! — заголосил в углу хозяин.

Юл не двигался; Сатэ же вернулся к столу и сел на свое место.

Даан хотел прийти на помощь Юлу, однако старик поймал его за руку.

— Сядь!

Даан повиновался. Тем временем двое с ножами напали на Юла.

Сталь со свистом рассекла воздух. Юл мягко уклонился, приседал, подпрыгивал, вертелся на месте. Вот один из нападавших словно бы случайно наткнулся на кулак Юла и опрокинулся на спину; второй сердито прыгнул, взмахнув ножом, но захрипел, потеряв дыхание и выронив оружие. Юл Ю выбросил ногу назад, не глядя, жестко, по-южному, окончательно свалил первого и молча вернулся за стол.

Когда они покидали харчевню, один из троицы пришел в себя и приподнял голову.

Сатэ и его спутники уже вышли на улицу, лишь Рут Ма задержался в дверях.

— Постигайте ши-тао! — сказал он с издевкой и последовал за остальными.

4

Столица встретила путников пестрыми улицами, яркими одеждами горожан, сдержанным непрекращающимся го-моном. Утро выдалось солнечное, высоко в небе темными молниями метались стрижи.

Сатэ вел монахов вдоль вереницы лавок, аптек, вдоль приземистых домишек зажиточных горожан, вдоль утопающих в зелени домов знати — в ту часть Столицы, где было много постоянных дворов и комнат для приезжих. Сатэ шел не глядя по сторонам, опустив голову, словно боялся, что его узнают.

Хозяин гостиницы поклонился Сатэ:

— Здравствуйте, уважаемый Ани! Вам комнату?

Сатэ поклонился в ответ:

— Да, Ло. До завтра. Мне и моим молодым друзьям. Мы прибыли как раз к празднику.

Даан не особо удивился, когда хозяин назвал Сатэ другим именем. Им сказали — миссия держится в секрете. От всех, кроме Старших.

Несколько монет перекочевали от Сатэ к Ло; затем монахов проводили в комнаты.

Комнат было две. В каждой могли спать по четыре человека. Сатэ отозвал Юла, Даана и Сань Но и сказал, чтобы они располагались с ним; во второй остались братья Хито, Рут Ма и Лоот Зин.

После этого Сатэ ненадолго исчез. Хозяин Ло принес монахам прекрасного гиданского чаю.

Сатэ вернулся в другой одежде, одежде нищего, из тех, что тысячами наводняют большие города, прося подаяния, а также втихомолку воруя все, что плохо лежит.

— Слушайте меня, избранники! Я — Сатэ-Старший, но мало кто видел меня в стенах монастыря, ибо я покинул его сорок семь лет назад. С тех пор я больше не монах, однако подчиняюсь тому, кто Выше, и Верховному Настоятелю, Первому-в-храме. Наш поход в Столицу — лишь первый шаг на пути, который ждет одного из вас. Когда посланцы Южного монастыря войдут в нашу обитель, из вас семерых выберут наиболее достойного — вы знаете об этом. Зачем — поймете в свое время. А сейчас мы должны отыскать в городе одного человека.

Зовут его Матурана. Да, он чужеземец с Архипелага. Однако он связан с нами одной нитью, ибо тоже служит Каоме, да будет благословенно имя его!

Монахи привычно склонили головы. Сатэ продолжал:

— Он ваш ровесник. Найти его нетрудно, но клан Орла пытается опередить нас. Наша цель — незаметно увести его из Столицы в монастырь. Теперь же отдохнем, ибо завтра нам многое предстоит...

Монахи удивленно моргнули: Сатэ вдруг перешел на язык жестов, один из тщательно оберегаемых секретов монастыря.

«Тихо! У стен бывают уши и надо позволить ушам уйти...»

Даан подавил желание улыбнуться: шорох за дверью он услышал давным-давно и дал знать Сатэ, но тот, не прерывая речи, показал, что и сам слышит.

Старик бесшумно переместился к маленькому окну. Молодежь загалдела, изображая непринужденную обстановку. Сатэ одобрительно кивнул.

Через некоторое время из дверей внизу выскользнул низенький человечек, пересек улицу и свернул за угол.

Сатэ знал, что там человечка ожидают двое людей из клана Орла.

Снова в ход пошел язык жестов.

Даан и Юл должны были пойти в точно такую же гостиницу, расположенную неподалеку, спросить заклинателя змей по имени Део и ожидать знака чужеземца — выброшенного в боковое окно панциря морской черепашки; дать ответ — особый поклон островитян Са — и уходить с чужеземцем в условленное место. Все предстояло сделать быстро и по возможности незаметно.

Братьям Хито выпало идти с Сатэ слоняться по городу и водить за собой соглядатаев-Орлов, скупающих сейчас под окнами.

Руту Ма и Лооту Зин Старший приказал побродить по округе и ввязаться в возможно большее число драк и ссор, нередко случающихся на улицах, но ни в коем случае никого не убивать и не калечить, а также уберечься от солдат императора и Надзора.

Рут и Лоот немало удивились: вмешиваться в драки монахам запрещалось тысячеклетним кодексом. Запрещалось вообще применять ши-тао без крайней необходимости. Но Верховный приказал слушаться Сатэ, будто это сам Каома.

Сань Но должен был незаметно следовать за Дааном и Юлом, держаться в стороне и ни в коем случае ни во что не вмешиваться. При любом исходе Сань Но обязан узнать, что стало с Матураной и где его найти. Еще Сатэ посоветовал не удивляться, если Сань увидит поблизости от себя совершенно седого человека в одеждах лекаря, который будет идти следом за Дааном и Юлом — это друг.

Встречу назначили на южной окраине, у Двух Дорог. На закате.

Сатэ подробно объяснил, как туда попасть; руки его так и мелькали.

Первыми комнаты покинули Рут и Лоот. Вполголоса переговариваясь, они пошли влево по улице. Один из соглядатаев ненавязчиво двинулся следом; остальные скрылись.

Настала очередь Сатэ и братьев Хито. За ними увязались все Орлы, кроме одного.

В это же время Даан и Юл, а чуть позже и Сань Но выбрались через окно крытой галереи на крышу соседнего дома, спустились во двор и, немного поплутав по переулкам, направились к указанной гостинице.

Минут через пять хозяин Ло задернул занавеси в комнате Сатэ.

Оставшийся соглядатай спрятался в тени дома напротив, немного поглазел на круглые окна и уселся прямо на траву, привалившись спиной к теплым оструганным доскам.

5

На площади толпился народ. Трое бродячих артистов показывали свои трюки в центре живого кольца; зрители громко переговаривались, подбадривали их криками. Некоторые бросали на розовый булыжник мелкие монетки.

Рут с Лоотом долго глазели на представление; «хвост» — высокий длинноволосый парень в цветастом халате — крутился неподалеку.

Солнце неумолимо ползло к зениту. Сатэ велел им не спешить.

Часа два спустя артисты закончили представление, собрали монетки, поклонились и исчезли в своем фургончике. Зрители остались довольны, зрелище не обмануло их ожиданий.

Лоот, не поворачивая головы, приглядывал за Орлом. Монахов учили видеть все вокруг, двигая только глазами.

— Отвязаться бы от него... — шепнул он напарнику.

— Сатэ ничего не говорил...

— Значит, не запрещал!

В этот миг один из многих торговцев-лоточников истошно завопил:

— Держи вора!

Щуплый немый оборванец, прижимая к груди украденную брошь, кинулся наутек. Рут немедленно подставил ногу. Тут же нашлись добровольные ловцы-помощники; все скопом они навалились на покотившегося кубарем вора. Брошь отлетела в сторону, ее схватил кто-то из зевак. Лоточник, ругаясь, крича и взывая к справедливости, пробирался меж галдящих горожан. Его толкнули в спину, лоток выпал из рук, грошовой украшение дождем посыпались под ноги. Началась форменная свалка, кто-то кого-то бил, со всех сторон слышались проклятия, стоны и ругань.

Монахи, ограничившись несколькими тумачами особенно ретивым драчунам, выбрались из толпы.

— Бежим!

На площади как раз показались солдаты Надзора в серых мундирах, вооруженные дубинками и пиками.

Они кинулись узкой улочкой, ведущей в сторону императорского дворца. В жаркий полуденный час горожане старались не покидать домов: пили чай на открытых верандах, переговаривались с соседями, выглядывая в раскрытые окна.

«Хвост» показался в конце улицы. Монахи спрятались в коротком тупичке, прижимаясь к шершавой каменной стене. Топот преследователя звучал все ближе.

— Эй, что вам здесь нужно, бродяги?

Позади, у массивной, окованной железом двери стоял рослый горец-велш. Рут выразительно приложил палец к губам, но тот не желал успокаиваться.

— Проваливайте! — Горец злился, а это не предвещало ничего хорошего.

Дверь медленно отворилась, в проеме показалась молодая девушка.

Голос ее был подобен журчанию горного ручья.

— В чем дело, Ман?

Золотых и серебряных украшений, сверкающих в свете дня драгоценных камней и жемчужин на ней было больше, чем звезд на летнем небе.

Ман ответить не успел: показался «хвост». Лоот, который стоял к Орлу ближе, не теряя ни секунды напал на него.

Горец, мгновение поколебавшись, сжал в руке короткую палку и шагнул к Руту. Вздудились твердые, как дерево, мышцы. Монах стоял у него на пути и отступить не собирался.

Лоот наносил удары, уворачивался, отклонялся, прыгал; двигался он как мог быстро. Однако соглядатай оказался неплохим бойцом: выстроил грамотную защиту и тронуть себя не позволил. Он действительно был Орлом: пальцы его рук застыли согнутыми на манер когтей гордой птицы, прыжки были высоки, держался он прямо, не припадая к земле, как Змея или Леопард, но и не вытягиваясь в струну, как это делал бы журавль. Лоот же придерживался классического стиля монахов Севера: кулаки сжаты, стойка полувысокая, удары в основном тычковые, а не рубящие.

Рут стал в оборонительную позицию, но первый же удар здоровяка-горца швырнул его на камни. Ман, конечно же, не новичок. Не зря он служил привратником, а заодно и телохранителем богатой горожанки. Палка глухо ударилась о гранит, но Рут проворно откатился в сторону.

— Послушайте, уважаемый! — скороговоркой выпалил он. — Мы не воры и не бродяги, не бейте нас, пожалуйста!

Горец еще раз ударил палкой и вновь промахнулся.

У Лоота дела шли получше: найдя слабину в обороне Орла, он методично развивал успех. Обойдя блок, сбил противнику дыхание неуловимым ударом из арсенала Старших и отправил беседовать с духами — минут на десять.

— Уходим, Рут! — сказал он, оборачиваясь.

Ловким финтом Рут ускользнул от палицы Мана, и монахи поспешили прочь.

Горец и девушка-хозяйка некоторое время глядели им вслед.

— Что делать с ним, госпожа? — указал Ман на неподвижного Орла.

— Он жив?

— Сейчас посмотрю...

6

После долгого кружения по окрестным кварталам Даан и Юл добрались до указанной Сатэ гостиницы, соблюдая по дороге все меры предосторожности. Добрались без приключений. Слежки за собой они не заметили, лишь седой, как хребты Сао-Зу, незнакомец в желтом плаще императорского лекаря дважды попался навстречу, да иногда, оборачиваясь, видели вдалеке Сань Но, занятого чем-то посторонним: разговорами с лавочниками, ругней с разносчиком рыбы, разглядыванием девушек...

Все окна гостиницы были плотно занавешены; привратник отсутствовал, хотя двери остались полуоткрытыми.

В полутьме, царящей за дверью, слышалось размеренное дыхание спящего служителя.

— Эй, хозяин!

Спящий перестал сопеть и без излишней суетливости вежливо осведомился:

— Чем могу служить? Свободных комнат нет и не будет.

— Здесь ли живет заклинатель змей Део? Скажи, что друзья ждут его на улице, — сказал Даан со свистящим придыханием, характерным для солнцепоклонников юго-запада. — Мы не выносим тьмы.

Даан и Юл вышли наружу, не дожидаясь ответа хозяина. Да, впрочем, он и не ответил.

Перед домом Даан стал, как учил Сатэ, и внимательно присмотрелся к каждому из окон. Юл отошел в сторону, наблюдая, не проявляет ли кто излишнего любопытства. Вдалеке маячил желтый плащ, но это не в счет...

Спустя несколько минут штора в крайнем слева окне слабо шевельнулась и в уличную пыль шлепнулся неболь-

шой, с орех-цу, панцирь морской черепашки. Два чужих непонятных иероглифа украшали выпуклые пластины.

Даан поклонился, приложив руку ко лбу, а потом к сердцу; отступил на восток и неторопливо пошел прочь. Юл последовал за ним.

Вскоре их догнал стройный юноша-островитянин, хрупкий, словно девушка. Сатэ сказал, что он ровесник «лохматых», но выглядел он много моложе двадцати четырех лет. Одежда и прическа ничем не отличались от общепринятых в стране Гор и Солнца.

— Здравствуйте! — негромко сказал чужеземец. — Я — Матурана.

Говорил он чисто, без малейшего акцента.

Даан не любил слабаков. А Матурана выглядел именно слабаком.

Мозолей на кулаках нет, мышцы не выделяются, а значит, о ши-тао он не имеет ни малейшего представления.

Вздохнув, Даан вполголоса поздоровался, не сумев скрыть недовольства. Юл остался равнодушным.

Окраинами долго пробирались к Двум Дорогам, избегая людных площадей, опуская взгляд перед редкими прохожими. Лекарь и Сань Но «вели» их, прикрывая спереди и сзади. Солнце успело сползти к самому горизонту и покраснеть. Даан подумал, что Столица — очень большой город, гораздо больше, нежели он ожидал.

Туда же, еще ничего не ведая друг о друге, спешили и остальные: Рут Ма и Лоот Зин, сумевшие избавиться от слежки и до самого вечера толкавшиеся на празднике, Сатэ с братьями Хито, которым пришлось втроем отбиваться от семерых Орлов, а потом долго прятаться от солдат и беспощадного Надзора в припортовых кварталах.

Когда они встретились в условленном месте, выяснилось, что седовласый лекарь бесследно растворился в сгущающейся полутьме. Их стало девять: семеро избранных, Сатэ да юноша-островитянин.

А Орлы, оставшись ни с чем, зашлись, наверное, злобным клекотом.

Глава вторая

1

Шли всю ночь. Столица осталась за спинами, расцвеченная буйными огнями праздничного фейерверка. Пошли по правой дороге, потом перебрались на левую, спрятав следы на дне придорожного ручья. Сатэ перекинулся с Матураной несколькими фразами, но никто из монахов не знал языка Архипелага, поэтому смысл сказанного остался неясен. Островитянин шел легко, дышал размеренно, хотя все избранники решили, что скоро он станет жаловаться на усталость. Ничуть не бывало: тот шагал и шагал следом за Сатэ, поступь его оставалась такой же воздушной и пружинистой, как шаг тонконогой лани.

К утру устроили себе отдых в густых зарослях малины: по дорогам вполне могли шастать лазутчики Орлов. Сатэ надеялся, что следы достаточно запутаны, однако вдвойне осторожный вернее достигнет цели, чем единожды беспечный. Им же ничего не оставалось, кроме как достигнуть цели: в противном случае...

Но об этом лучше не думать.

Рассвет застиг посланников Каома спящими; лишь Сатэ бодрствовал, искоса наблюдая за дорогой.

2

Гут Фо, глава клана Орла, гневно сжал кулаки.

— Что значит — исчезли? Вы Орлы или слепые мыши, годные только на корм дряхлым кошкам? Найти! Обшарить все дороги, весь лес к северу от Столицы! Не отыщете — что же... Вы знаете наш закон: оступившийся достоин лишь смерти.

Трое, стоящие перед Гутом, вздрогнули. Гут не шутил.

— Мы найдем их, господин...

— Надеюсь!

Приспешники Гута, низко кланяясь, вышли. Глава Орлов, мужчина лет сорока, высокий и крепкий, с длинными

тонкими пальцами на мускулистых руках, длинной, черной как смоль косой, умным волевым лицом с глазами-щелочками, одетый в богатый халат без рукавов, штаны-баты и мягкие тапочки, сидел в широком кресле работы столичных мастеров. Внешне он оставался спокойным, но в душе бушевал смерч. Чужак, владеющий тайной, исчез так стремительно, что олухи-слуги ничего не заметили. Око Каома почти уже попало к нему в руки — и вот такая незадача.

Однако на этом неприятности не закончились. Вошел Той, правая рука и один из лучших учителей клана Орла. Вид он имел крайне озабоченный.

— Плохие новости, господин. Змея еще жива и подняла голову.

Гут вскочил. Невероятно! Больше семи лет он полагал, что клан Змеи уничтожен навсегда, последние учителя выслежены и убиты им, Тоем и еще двумя лучшими из Орлов, многовековому соперничеству пришел конец, и клан Орла стал самым сильным и сплоченным. И вот...

— Говори!

— Трое моих лазутчиков нашли на юго-западных склонах Фын-Бая старую хижину. Вокруг много приспособлений для тренировок, почти все говорят о стиле Змеи. Парень, живущий там, уверяет, что поселился недавно и не понимает их предназначения. Его пытались схватить; сначала он использовал всеобщую технику ши-тао; потом, когда его прижали к скале, технику Змеи. Судя по словам уцелевшего — технику высочайшего уровня. Я ему верю: остальные двое убиты.

— Значит, один из учителей Змеи ускользнул тогда, в год Лошади. И воспитал ученика. Но где он сам?

Той развел руками:

— Похоже, ученик долгое время живет в хижине один. Не меньше года. Почему-то они с учителем расстались.

Гут хмурил брови. О Небо, все разом! Определенно, все ополчились на него.

— Займись этим, Той. Змея должна умереть. Вырви ей жало.

Той понимающе кивнул:

— Она умрет, господин.

В глазах его горела ненависть, холодная, как зима высоко в горах, а пальцы сами собой согнулись лапой орла, птицы отважной и беспощадной.

Гут снова остался один. Что еще принесет ему этот на редкость неудачный день?

3

Тин Пи по прозвищу Ихо, что значит «змея», шагал в сторону столицы. Все его вещи умещались в маленькой котомке, подвешенной к гладкому посоху. В мелкой пыли оставались четкие следы, отмечая его путь.

Итак, все, о чем говорил Учитель, сбылось. Клан Орла выселил их. По крайней мере его, Ихо.

Давняя вражда кланов была ему непонятна. Он с детства пытался научиться ши-тао, но немногого достиг к двенадцати годам.

Всеобщая техника ни для кого в стране не являлась секретом и достигнуть тут особых высот было трудно. Платить за тренировки в школе Ихо не мог — не хватило бы денег. Да и пришлось бы переселяться в какой-нибудь большой город, что без денег опять же не удалось бы. Так и сидел он в своей деревне, пока невесть откуда не появился странного вида старик. Низкий, сутулый, в выцветшем синем балахоне, весь увешанный какими-то сумочками на ремнях, глиняными горшочками... Ихо не отказал ему в крове и скудной крестьянской пище. Старик, разделив с ним ужин, сразу же смастерил себе ложе: воткнул в земляной пол родительской хижины две палки, натянул меж них веревку в палец толщиной, немедленно улегся на нее, словно на циновку, и преспокойно захрапел, сняв свои горшочки...

Мальчишка сразу зауважал гостя, еще не зная, что ему впервые с тех пор, как умерли отец с матерью, улыбнулась непостоянная Судьба.

Наутро старик первым делом спросил, откуда такое прозвище — «змея»? Тин объяснил, что умеет разговаривать со змеями. Тот попросил показать и вытряхнул из полотняной сумочки здоровущую болотную гадюку. Впору было удивиться — зачем старик таскает с собой эту смертельно опасную змею, но Ихо только плечами пожал: уговорить пеструю гостью заползти назад в сумку не составило больших трудов. Тогда старик задал второй вопрос: как насчет ши-тао?

Ихо показал все, на что способен.

— Плохо, — вздохнул старик. — Попробуй вот так.

И показал как. Рука его изогнулась, до странности напомним вставшую на хвост змею, да и движения у старика стали какие-то ужасно текучие, змеиные. Ихо попробовал повторить и, конечно же, ничего не получилось. Но старик что-то в нем разглядел.

В общем, через неделю он покинул родную деревню вместе со стариком, которого теперь предстояло звать Учителем. Они забрались высоко в горы, в такую глушь, что звери их совершенно перестали бояться. Старик учил Ихо одиннадцать лет, выжимая из подопечного все соки и порой заставляя себя ненавидеть.

Результаты не замедлили сказаться: юноша быстро понял, что до сих пор, в сущности, ничего не умел. Упорства ему было не занимать и он тренировался до умопомрачения, пока не опускались от усталости руки и не слипались глаза. Учителю же все казалось: ленится, мало работает. И гонял Ихо еще сильнее.

Однажды утром старик молча понаблюдал за разминкой своего ученика, немного «побеседовал» с ним в паре на зеленой лужайке у хижины, вздохнул и негромко сказал:

— Мне больше нечему тебя учить, парень. Остальное ты должен постичь сам, и тогда через много лет ты станешь великим бойцом. Если, конечно, будешь так же упорен, как в последние годы. Ступай. Помни: никогда и никому не говори, что знаешь технику Змеи. Используй ее лишь тогда, когда без этого останется только умереть. Прощай, Ихо. Ты был не самым плохим учеником.

Ихо вернулся в родную деревню, но там многое изменилось за одиннадцать лет, и он понял, что с ней уже почти ничего не связывает. Поскитавшись пару месяцев по округе, он вернулся к Учителю, но нашел хижину пустой, и пустовала она уже не первый день. Старик исчез и за полгода не объявился ни разу. Ихо остался в хижине, вспоминал Учителя и ждал, надеясь, что тот вернется.

Потом невесть откуда явились трое Орлов. Ихо всеми силами пытался избежать столкновения, но те оказались не в меру воинственно настроенными. И вдобавок неплохими бойцами.

Всеобщего ши-тао, даже с поправкой на одиннадцать лет тренировок, не хватило. Когда не осталось выхода — применил стиль Змеи. Двоих уложил, но третий сумел ускользнуть.

Предстояло уйти отсюда — Ихо знал это. Клан Орла силен, как никогда, и везде у него найдутся глаза и уши. Лишь один враг ему пока не по зубам: монастыри Каома. Ихо собрался, постоял у хижины, вспоминая прошедшие годы, пролетевшие как один день, и двинулся на восток, в долину, навстречу рассвету и Судьбе.

4

Спустя четыре ночи монахи-северяне впервые в жизни ступили за ворота Южного монастыря. Здесь все было очень похоже на родную обитель и вместе с тем разительно отличалось.

Клан Орла зря шарил в столице и прочесывал дороги: беглецы ушли от соглядатаев, не оставив ни единого следа.

Изнуренные длинными переходами, избранники проспали двое суток и большую часть третьих в гостевых таутах, поднимаясь только изредка. Сатэ пропадал в покоях Первого-в-храме, Матурана был единожды вызван к Верховным, после чего не расставался с избранниками севера.

Южане относились к ним без вражды, но с заметной ревностью.

Вековое соперничество монастырей впитывалось в кровь каждого монаха, переступившего черту третьего круга. До этого что мощные атлетичные южане, что сухие да жилистые северяне были еще неумельцами и неуклюжими учениками без плащей. Слово Верховного оградило избранников севера от нападков, однако оценивающие взгляды они ловили на себе даже во сне.

Словно во сне прошла и дорога из Южного монастыря в Северный.

Орлы, конечно, следили за процессией, но у них достало благоразумия не показываться.

Лишь в стенах родного Храма Даан Геш позволил себе расслабиться. Знакомые лица Высших, улыбки братьев-наставников, кутающихся в зеленые плащи, почтительные поклоны учеников... Напряжение последних двух недель постепенно проходило. Он даже потренировался пару дней.

А потом Верховные объявили о начале Турнира. Ситы и младшие монахи вылизали всю обитель до блеска. Главный таут украсили алыми и желтыми вымпелами с изображением Солнца и серебристыми — с полукружиями двух лун.

Ворсистые ковры устлали арену. Монахи-зрители расположились ближе к выходу; Верховные — Бин и Тао — на возвышении в глубине таута, рядом с возвышением — шестеро теней-наставников Севера и трое приехавших южан.

По правую руку Верховных в ряд сидели семеро избранников Севера — Даан Геш, Юл Ю, Сань Но, Каат и Ао Хито, Рут Ма и Лоот Зин. Серебристые одежды Гор отливали холодным сиянием.

Напротив них застыли в золотых одеждах семеро парней-южан.

Даан не знал их имен, не знал он и кто будет его первым соперником. И кто вторым, если, конечно, у него будет больше одного соперника...

Обряд. Древнее, как сами монастыри, слово. Раз в двадцать четыре года сходятся на Турнире по семь лучших бойцов, чтоб выявить двух сильнейших. Двух, а не одного. По-

чему? Последние события убедили Даана, что Турнир — лишь ступенька к чему-то более значительному, хотя до сих пор он воспринимал Турнир лишь как состязание, которое не дает победителям почти ничего, кроме почета да алой каймы на плаще.

Он настраивался на поединок. Бин и Тао сказали приветственное слово, зрители загалдели, предвкушая волнующее зрелище, и вот уже Цхэ-хаат вызывает на арену первую пару. Даан напрягся, но первым вызвали Сань Но.

Двое застыли друг против друга — золото и серебро, долина и горы, день и ночь, Солнце и луны...

Соперник выглядел повнушительнее Сань Но. Впрочем, с первых же секунд Даан отметил, что южанину недостает настоящей скорости.

Южане вообще не любили скорость, уповая более на точность и мощь. Их статичные стойки казались странными, хотя и внушали определенный трепет.

Сань Но, как истый северянин, атаковал на предельной скорости; удар следовал за ударом. Южанин, застыв, парировал их едва заметными движениями кистей и колен. Вот и он нанес удар — резкий, исполненный гранитной сокрушительной мощи. Сань Но увернулся, пытаясь сбить соперника с ног нижним «хвостом дарка». Безуспешно: южанин стоял, как скала. Еще некоторое время избранные танцевали на арене, так и не сумев одолеть друг друга.

— Время! — сказал Цхэ, взмахнув полосатой лентой.

Следующим на ковер взошел Ао Хито. И снова ни один из сражавшихся не добился перевеса.

Не повезло Лооту Зин: под конец схватки он попался на ловкий маневр южанина, пропустил удар в грудь и рухнул на арену.

Уходил он, низко понунив голову, под возмущенный ропот зрителей-северян и ликование трех десятков гостей-южан.

Зато Юл Ю тут же восстановил равновесие: его соперник даже уйти сам не смог и его унесли ситы под восторженный рев болельщиков.

Рут Ма с трудом отбился от великолепного бойца-южанина по имени Су То, но время схватки выдержал до сигнала Цхэ с честью и ушел с гордо поднятой головой. Его приветствовали даже немногочисленные южане из свиты Тао.

Каат Хито на равных завершил свой бой с самым высоким из южан.

Страсти накалились.

Настал черед Даана. Его соперник, поводя плечами, вышел в центр арены. Был он невысок, коренаст и низколоб.

— Начинайте!

И снова золото против серебра, Север против Юга...

Крепыш, не раздумывая, атаковал: его удар пробил бы, наверное, винную бочку. Рука чуть-чуть завалилась влево. Даан зафиксировал это в памяти.

Удары сыпались на него один за другим, приходилось уклоняться, падать, вставать, садиться на шпагат, вновь вставать; ответить пока не удавалось. Каждый раз крепыш вводил ударную руку (или ногу) немного влево, словно боялся, что Даан его зацепит встречным.

Не зря боялся: улучив момент, Даан рванулся в ближний, отвел руку южанина еще дальше влево, заблокировал удар колена коленом же, полуобернулся и...

Не ударил. Кулак его застыл у самого виска южанина.

— Стоп! — сказал Цхэ и Даан увидел, как улыбается Бин, Первый-в-храме. Видит Каома, он сражался достойно!

Перед вторыми поединками осталось по пять избранных с каждой стороны. Перед третьими и последними — всего по два. У северян Юл Ю и Даан, у южан — Су То и первый соперник Сань Но. Сам Сань Но покинул арену со слезами на глазах: он ни в чем не уступил перед этим высокому южанину, но Настоятели выбирают только двоих...

Последние две схватки увенчали Турнир. Юл Ю и Су То долго вынуждали зрителей замирать и вскакивать с мест, а сигнал Цхэ застал их во встречных блоках. Даан, собранный и заведенный до предела, напротив, быстро и красиво разделался со своим оппонентом: пресек «ступню Каома» встреч-

ным ударом кулака и, пока ошеломленный южанин пытался сохранить равновесие и удержать горизонт, свалил его заурядным «хвостом дарка».

Опомнился Даан, лишь когда Цхэ повязал ему на шею полосатую ленту и велел стать на колени перед Верховными. Он скосил глаза: рядом с такой же лентой на шее преклонил колени Су То-южанин.

Все ясно. Они — победители. Что же, Су То — достойный боец, Даан уже жалел, что не сможет встретиться с ним на арёне.

Впрочем, время покажет.

А вот Юла жалко. Он ведь не проиграл, хотя и не победил. Кто знает, что случилось бы, если с Су То довелось бы встретиться ему, Даану?

5

Когда поздним вечером зрители удалились после остальных поединков, не имеющих отношения к избранникам и Обряду, унеся с собой шум, споры и веселье, в тауте остались только Верховные, тени-Настоятели из обоих монастырей, Даан и Су То, снова поставленные на колени, и Сатэ.

Встал Бин, Первый-в-храме Севера.

— Вы постигли многие тайны ши-тао, младшие. Вы оказались лучшими среди избранников-до. Но это не значит, что отныне вам предстоит жить за ладонью Каома. Нет: испытание только началось.

Даан и Су То еще долго показывали Высшим на что способны. По команде они ломали каменные плиты, пробивали толстые доски, доставали в прыжке высоко висящие кувшины, сражались с Наставниками последнего круга, ходили с завязанными глазами по слабо натянутому шнуру, отвечали на тысячи вопросов...

Даан видел, что ровесник-южанин делает все по-своему, немного иначе, чем северяне, но справляется не хуже.

Испытание закончилось далеко за полночь. Избранников отправили спать, так ничего толком и не объяснив.

— Они вполне достойны, брат Бин! — удовлетворенно сказал Тао-южанин. — Ничуть не хуже тех парней, что побывали на их месте сорок восемь лет назад...

Бин усмехнулся. Он все помнил: тогда на этом же месте в этом же тауте стояли, преклонив колени перед тогдашними Верховными, они с Тао, и легкий ветер, врывающийся в таут, шевелил свисающие с шей полосатые ленты победителей.

Сатэ-хранитель привел Матурану. Юноша приветствовал Настоятелей по обычаю монастырей. Его уже несколько раз выслушивали, но до сих пор не решили, какую роль сыграл он в исполнении Обряда.

Сатэ предлагал послать его с избранниками. Настоятели вежливо сомневались: надо ли? Хранитель отыскал в библиотеке старые записи, из которых явствовало, что много циклов назад островитянин (кстати, родившийся в год Тигра-воина) помогал монахам исполнить Обряд. Это вынудило Настоятелей задуматься и еще раз все взвесить. В конце концов решили подвергнуть испытанию и Матурану.

Бин хмурился. Не нравился ему Матурана. Хрупок, нежен, словно девушка. Мужчина должен быть сильным.

— Готов ли ты служить Каоме, чужеземец?

— Да, Высший. Я служу ему всю свою недолгую жизнь.

Ритуальная татуировка паутинилась на его левом плече, это давно проверили. На островах Архипелага встречались общины, поклоняющиеся Каоме, в монастырях прекрасно знали это. Изредка появлялись островитяне-паломники и всякий раз находили кров и пищу в обители монахов.

— Постигал ли ты ши-тао?

— Нет, Высший, это ваше искусство и нам оно неведомо.

И это было правдой. Архипелаг воспитал свое учение и свои стили единоборств. Но ведь любой стиль требует силы и тренировки. А что Матурана? Ни одной рельефной мышцы.

— Как же ты защитишь себя в трудную минуту?

Островитянин прижал ладонь к груди:

— Над всем властен Каома, и если ему угодно будет сохранить мою ничтожную жизнь, я останусь невредим.

— Каома любит сильных.

Матурана покорно склонил голову.

— Докажи, чужеземец, свою силу. Видишь эту черепицу?

Разбей ее.

Юноша поднял на Бина твердый на удивление взгляд.

— Я не умею разбивать камни, Высший. Разве это поможет справиться с недругами?

Бин поморщился. Такой попутчик будет избранникам только обузой.

— Хорошо. Тогда попробуй защититься от человека. Брат Фын!

Один из теней-Настоятелей, невысокий монах, глава кона меча, встал и поклонился Верховным. Но Матурана виновато отступил.

— Мне нельзя сражаться, Высшие, если нет угрозы жизни. Учитель говорил о любви ко всем, в том числе и к врагу, а не о ненависти. Он запрещал пускать в ход силу.

На Архипелаге Учителем звали главу общины.

— Оставим это, брат Бин, — подал голос безмолвствовавший Тао-южанин.

«Чужак совсем не так прост, как пытается показаться. Может быть, он слаб телом, но наверняка силен духом».

— Он умен и смекалист; думаю, избранники сумеют защитить его в случае нужды. А нет — пусть пеняет на себя и своего Учителя. Пусть идет!

Бин поразмыслил.

— Ладно, брат Тао! Пусть. Ступай, чужеземец! Ты пойдешь с избранниками. Сатэ очень хвалил тебя, так не подведи же его!

Сатэ вздохнул с облегчением. Последний козырь не понадобился, Матурану допустили к Обряду и так.

Хранитель не хотел без нужды раскрывать истинную сущность островитянина даже Первым-в-храме. Удивительно еще, как монахи не обратили внимания на главную татуировку, что украшала левое предплечье.

Матурана поклонился и покинул таут. Несколько минут все Настоятели молчали.

— До рассвета, братья. Завтрашний день станет первым днем Обряда. Воззовем к Каома, дабы хранил он наших посланников.

Все на несколько мгновений склонились и направились к выходу.

— Сатэ! — окликнул Бин. — Подобрал ли ты себе нового Хранителя?

Старик обернулся.

— Да, Высший. Мне нужен Юл Ю.

Бин кивнул и проворчал:

— Зачем ты называешь меня Высшим?

Собственно, он и не сомневался в выборе Сатэ. Сорок восемь лет назад в последних схватках Турнира Сатэ сошелся с Тао, и никто не уступил в том поединке. А Бин сумел одолеть бойца-южанина, ныне — Хранителя Седьмого Места. Выбрали тогда Бина, как победителя, и, конечно же, Тао. А ведь случись все наоборот, будь соперником Бина Тао, а не второй южанин... Сатэ бы с ним тоже справился... Кто знает, не стоял бы сейчас Сатэ в плаще Первого-в-храме, а Бин не был бы Хранителем? Кто знает, кроме Каома?

Бин не возразил:

— Юл Ю твой, Сатэ-Хранитель.

Тот отвесил благодарственный поклон, воздал хвалу тому, кто Выше, и удалился.

Ночь вползала в таут: Цхэ гасил светильники.

6

Даан, Су То и Матурана покинули монастырь на рассвете.

Верховные в последнем напутствии сказали две вещи: надеяться только на себя и не пренебрегать случайностями.

Теперь они могли положиться лишь на собственные силы.

Невыполненный Обряд означал все, что угодно, вплоть до конца Мира. Впервые ощутив на своих плечах такую ответственность, посланники ненадолго погрузились в раз-

мышления. Их путь лежал на северо-запад, в горы, к южным склонам Фын-Бая.

Монастырь растаял в неверной дымке высокогорья. Можно забыть о его существовании, пока Око Каома не будет доставлено в Первое Место, в долину Утан.

Когда не подозревающих ничего худого Орлов настигла мучительная и неотвратимая смерть от того, что они коснулись Ока, Матурана-пленник перепилил путы о выступ камня и оставил тайное убежище враждебного клана, прижимая к груди котомку со святыней. Он, рожденный в год Тигра-воина, мог без вреда ненадолго прикоснуться к ней, но лишь весной и лишь в год Тигра-воина, в год Обряда, когда могучая пульсация божественных сил пригасала и Око готовилось к смене Места. Око не могло долго существовать вне одного из Мест — слишком многие силы перекрещивались на нем, чтобы Мир уцелел.

Давным-давно хранители отыскивали такие точки, где необузданная мощь Каома нейтрализовалась энергией всего Мира.

Но недолго: всего двадцать четыре года. По истечении этого срока Месту необходим долгий отдых, чтобы вновь накопить энергию Мира. В чем и состояла суть Обряда — удерживать в равновесии небесные и земные силы, дабы человеческий род имел где жить, воздавая хвалу Тому, кто Выше, глядящему единственным Оком, что навсегда осталось внизу, среди людей.

К концу двадцать четвертого года, к весне все того же года Тигра-воина, Место так выдыхалось и слабело, что даже присмирившее Око выплескивало наружу потоки своей мощи.

Землетрясения и бури становились особенно сильными и свирепыми и случались в эту пору гораздо чаще, чем обычно.

Сейчас же Орлы утащили Око из двенадцатого Места на склонах Фын-Бая. Матурана спрятал его, но ничем не сдерживаемая сила святыни с каждым днем все сильнее сотряса-

ла горы. Бураны и снегопады бушевали на отрогах Сао-Зу. У посланников оставалось совсем мало времени.

В первый день они перевалили через отрог Пе. Огромный диск заходящего солнца висел над горами, словно перезревший плод южных деревьев. Сытный ужин и крепкий сон восстановили молодые силы, и когда солнце нехотя выползло из-за пиков на востоке, все трое были готовы к новому переходу. В первый день посланники не разговаривали друг с другом, погруженные в собственные мысли. С утра пришли новые, прогнавшие озабоченность. В конце концов они не мальчики. Монахи пятого круга, и если им доверена такая миссия, значит, они им по плечу.

Молчание нарушил Су То-южанин:

— Эй, чужеземец, только ты знаешь, где спрятано Око. Мне кажется, что это несправедливо. Тебя направили с нами, а не нас с тобой. Все решать должны мы с Дааном.

Матурана, весь вчерашний день прошагавший в двух шагах впереди монахов, так что тем волей-неволей приходилось следовать избранному им пути, согласно кивнул.

— Я и не думал оспаривать ваше первенство. Но как я расскажу вам о тайнике? Для этого нужно прийти на место. Знаете озеро Десяти Гротов?

Даан знал, хотя ни разу не видел его и не приближался ближе чем на недельный переход. Оно значилось на картах, издревле изучаемых монахами, одинокое горное озеро, походившее на петушиный гребень.

— В Гротах? — хмыкнул Су То. — Надежно. Сам-то хоть отыщешь его вновь?

Матурана всем видом показал, что на глупые вопросы отвечать не собирается; впрочем, Су То и не ждал ответа.

— Ладно, пошли, — проворчал Даан. — Но не вздумай хитрить, чужак.

В голосе его звенел вечный лед.

«Не наткнулись бы на Око Орлы, пока мы идем к озеру. Наверняка в тех местах шныряют десятки их лазутчиков», — подумал северянин. Он не ошибался: лазутчиков хватало и

здесь. За троицей именно в этот момент наблюдали две пары любопытных глаз. С двух сторон...

Посланники спускались в узкое ущелье за отрогом Пе, укутанное плотной утренней тенью. Внизу, параллельно отрогу, тянулась старая тропа. Если, выйдя из каменных врат ущелья, свернуть влево, то тропа спустя день-другой (смотря как быстро идти) сольется с Северо-западным трактом, ведущим в Столицу. Если же свернуть вправо и следовать тропе, она взберется высоко на южный склон Фын-Бая. Туда и стремились монахи с чужаком-островитянином. Озеро Десяти Гротов лизало свое скалистое ложе, зажатое в узкой котловине на полпути к снегам.

Матурана снова очутился на шаг или два впереди Даана и Су То, но Даану с самого начала было все равно, где тот идет, а Су То на этот раз не высказывал недовольства.

Матурана, уныло уставившись в дорожную пыль, вдруг тихо предупредил, не отрывая глаз от земли:

— Справа выше по склону кто-то есть. Только не поворачивайте головы, пусть думает, что мы его не видим...

Даан скосил глаза, насколько это было возможно, но никого не разглядел.

— Ты уверен?

— Я заметил, как он перебежал от камня к камню. Прячется, значит, что-то замышляет.

В словах Матураны имелся известный резон.

Подав голос Су То:

— Да и слева какой-то человек... Даже не прячется. Стоит, смотрит.

Матурана замер, Даан и Су — тоже. Человек слева остался недвижим, а тот, что справа, неожиданно вынырнул из-за скалы шагах в семидесяти выше по склону. Уверенно прыгая по камням, он приблизился.

— Куда шагаете, путники? — осведомился он тоном человека, который имеет право спрашивать.

— В Шатан, город за Фын-Баем, — твердо ответил Даан. На самом деле их цель лежала неизмеримо ближе.

— Что же ведет вас туда? — Незнакомец был не в меру любопытен.

— Дорога, — ушел от ответа Даан. — А тебя что вынуждает расспрашивать мирных путников?

— Любознательность, — парировал незнакомец. — Вы монахи?

Даан и Су То переглянулись; губы их тронула усмешка.

— Монахи вроде бы бреют головы. Или я неправ? — спросил Даан.

Незнакомец тоже усмехнулся, но как-то недобро. Потом процедил сквозь редкие зубы:

— Не всегда... Бывают исключения...

Даан пожал плечами. Незнакомец начал ему надоедать. Наверное, это человек из клана Орла. А их Высшие велели остерегаться.

Даан размышлял, как от Орла поделикатнее отделаться, но вдруг тот впился взглядом куда-то за спины путников, издал невнятное восклицание, опрометью пересек дорогу и устремился вниз по склону, опережая даже потревоженные им же камни.

Все оглянулись — вдалеке кто-то вооруженный шестом сражался со вторым соглядатаем. Прежде чем успел вмешаться недавний собеседник, человек с шестом уложил противника на камни, подхватил котомку и был таков. Скоро он скрылся в зарослях, покрывающих склон ниже дороги.

Монахи снова переглянулись и продолжили путь. Теперь Матурана шагал немного позади них.

7

Наутро после Турнира, когда двое избранников и их добровольный помощник покинули монастырь, Сатэ нашел в дальнем тауте Юла.

Тот был мрачен, словно безлунная ночь. Старик молча сел рядом с ним.

Солнце успело заметно подняться, прежде чем он заговорил:

— Сорок восемь лет назад я провел три поединка на Турнире. Дважды я одолел соперников-южан, третьего — не сумел. Но и он меня не одолел. Знаешь, кто это был?

Юл Ю впервые взглянул на Сатэ.

— Кто?

Старик вздохнул:

— Тао, Первый-в-храме Юга. Поэтому полосатая лента так и не обвила мою шею.

— Она досталась Бину, Первому-в-храме Севера, не так ли?

— Ты догадлив, Юл.

Глубокий вздох прозвучал в повисшей тишине.

— Я так надеялся исполнить Обряд! До последней минуты.

Голос Юла наполнился горечью.

— За этим я и пришел, — невозмутимо изрек Сатэ. — Слишком это важное дело, чтобы поручить лишь двоим. Или троим, как случилось на этот раз и как случалось раньше.

Юл вскинулся, словно испугнутый олень. Сатэ продолжал:

— Почему, как ты считаешь, с Дааном и Су То отправили чужеземца, а не тебя, скажем? Ведь ты, по мнению Высших, стоишь большего, нежели чужеземец.

Юл молча внимал, жадно, как изголодавшийся путник, добравшийся до таверны.

— Собери всех до-безутешных. Южан тоже. Высшие ждут вас. Знайте: Обряд вершат многие люди, и у каждого своя, известная задолго до начала роль. Настал черед и вам узнать свои роли.

Сатэ встал и бесшумно покинул таут. Юл еще несколько секунд оставался недвижим. В эту секунду он понял, что значит «родиться заново». Хотелось вскочить и бегом броситься на поиски товарищей-неудачников. Но он неторопливо встал и так же неторопливо направился к выходу.

Глава третья

1

Деревня была захудалая, Даан даже назвал бы ее болезненной.

Хотя и большая. Люди одеты в невообразимые лохмотья, в глазах нездоровый блеск. Су То презрительно оттопырил губу — в цветущих долинах юга не найти таких убогих лачуг и таких грязных улиц, хотя нельзя сказать, что абсолютно все живут там счастливо и богато. Даан только вздыхал: где-то в глубинах памяти шевельнулось воспоминание о такой же захудалой деревеньке, грязной улице и убогой лачуге, именуемой некогда домом. Лишь островитянин остался невозмутим.

Довольно быстро удалось договориться о пище. Правда, хозяева ничего, кроме рисовых шариков и воды, не смогли предложить, но монахи не из тех, кто привередничает. Медная монета повергла крестьян в немое изумление; путники тут же поспешили убраться.

Чувствовался в воздухе какой-то скрытый подвох.

Чутье не подвело: едва вышли на улицу, вспугивая облезлых кур, их окликнули.

Пятеро. Неторопливо ступая, стали полукругом. Четверо невысокие и кряжистые, видимо, из местных, пятый — стройный парень в халате с вышитыми орлами на полах. От него за много шагов веяло Столицей.

— Спешим, слуги Каома?

Говорил высокий. Понятно, главарь.

— Тебе-то что? — процедил Су То, как мог, неприветливо. Он готов был взорваться.

Даан предупредительно опустил ладонь ему на плечо: не нарывайся, мол! Су То насупился.

Матурана тем временем отступил на несколько шагов в сторону и сделал вид, что происходящее его не касается.

Высокий медлил с ответом, криво улыбаясь в жиденькие усы.

— Злимся, монахи...

Су То нетерпеливо шагнул вперед, но на пути у него моментально выросли двое кряжистых. Один тотчас же оказался в дорожной пыли, ибо южанин шутить не собирался; второй усердно пытался достать Су То.

Краем глаза Даан заметил, что двое оставшихся без дела потихоньку приближаются к Матуране и тот в ужасе пятится.

«Надо выручать», — решил Даан и метнулся туда, но путь ему преградил высокий, приняв боевую стойку Орла.

Даан, не раздумывая, вступил в поединок. С минуту слышалось только шлепанье ног в пыли да громкое дыхание. Ну, еще иногда глухой звук удара. Кряжистые оказались крепкими бойцами, но и только. Даан и Су-южанин же были монахами пятого круга.

Высокий, пожалуй, равнялся им по мастерству, но монахов-то было двое...

Вскоре из Орла вышибли дух; из четверых местных дух вышибли еще раньше. Даан и Су То, довольные собой, переглянулись; Матурана, переминаясь с ноги на ногу, стоял поодаль.

Су То обратился к Даану:

— Выбрали же нам попутчика...

Презрения в его голосе было больше, чем снегов на склонах Сао-Зу.

Даан промолчал. Матурана не понравился ему с самого начала, но сейчас не время выяснять симпатии. Потом. Когда они исполнят Обряд.

— Надо уходить... — хрипло сказал островитянин. Наверное, сердце у него сейчас колотилось, словно он полдня без передышки бегал по горным тропинкам.

— Здесь могут еще оставаться Орлы... Они нас ждали, это же ясно...

Даан огляделся. Великий Каома! Он прав, этот слабак-чужеземец.

Они-то с Су То упиваются собственной победой, забыв обо всем, когда нужно спешить. Наверняка десятки глаз видели, что произошло на деревенской улице, и десятки уст готовы поведать это пытливым ушам.

Первый вывод: они раскрыли себя. Орлам известно, что Даан и Су — монахи. Скорее всего известно и то, зачем они здесь, в горах.

И второй: хоть Матурана и слабак, его, похоже, трудно сбить с толку. Посему он ценен для их миссии. Даан не считал себя глупцом, но все больше склонялся к мысли, что в сообразительности и уме с Матураной ни ему, ни Су То нечего и тягаться.

Мудрые всегда знают, что делают. Поэтому островитянин и с ними. А оспаривать решения Высших молодым монахам пока еще рано.

Все это Даан прокрутил в голове на бегу. И собирался поделиться с выводами с Су, как только предоставится такая возможность.

Деревня осталась далеко позади, погони вроде бы не намечалось. По крайней мере немедленно. Бегущие перешли на шаг.

Матурана дышал теперь более спокойно и ровно, чем тогда, сразу после драки. Даан нашел это весьма странным и объяснить не сумел.

От озера Десяти Гротов путников отделял всего день ходьбы.

Они часто оглядывались, ожидая появления погони, путали следы, свернув с дороги в заросли молодых сосен, но ни в этот день, ни в следующий Орлы так и не вышли из злополучной деревни.

Хотя их там насчитывалось больше десятка — сильных и умелых бойцов, верных слуг главы клана — Гута Фо. И заданием их было как раз схватить монахов и чужеземца.

Но на то имелись свои причины.

2

Той стоял перед господином навытяжку, содрогаясь в душе. Да и как не содрогаться? Новости, которые предстояло сообщить Гуту Фо, приятными никак не назовешь.

Монахи-посланники и чужак островитянин улизнули, поколотив Хти-ястреба и его болванов-учеников, а остальных, ожидавших в деревне, вообще непонятно кто поколотил. Известно только, что нападавших было много и что исчезли они так же внезапно, как и появились. И ведь пострадали далеко не худшие из бойцов клана!

Вдобавок мальчишка, владеющий стилем Змеи, одолел еще одного Орла, да так убедительно, что тот долго будет отлеживаться.

Правда, Змея использовала шест... Но разве это оправдание для хорошего бойца?

Той набрал в легкие побольше воздуха и принялся рассказывать господину невеселые новости. Схожее ощущение Той испытывал дважды в жизни: когда ринулся головой вниз со скалы в холодные воды По-Тхоя и когда столкнулся в джунглях юго-запада со взрослым тигром. Нос к носу.

Предыдущие два раза ему посчастливилось выжить.

Повезло ему и сегодня. Наверняка Гут Фо гневался, но на спокойном лице его не отразилось ничего. Впрочем, не зря он стал главой самого могущественного клана — без великолепного владения собой это никак не удалось бы. Боец такого класса просто обязан прекрасно владеть собой.

Гут Фо задумался. Случайно ли нападение на пост в деревне?

Неясно. Впрочем, по-любому лучше выждать, а когда монахи и их спутник с Архипелага возьмут Око из тайника, вот тут и навалиться достаточными силами... Похоже, что десяток олухов, даже хорошо овладевших ши-тао в стиле Орла, силы недостаточные. Надо еще и голову иметь на плечах.

Кстати: Око, похоже, убивает неосторожных. Придется поручить нести его полным болванам, чтобы людей зря не терять.

Что до мальчишки-змеи, Гут не сомневался: рано или поздно попадет. Он еще не в том возрасте, чтобы заводить учеников, а ветвь без боковых побегов легко перерубить с одного замаха.

Гут отдал распоряжения, и Той поспешно удалился из покоев господина. Стало легче, но ощущение ходьбы по краю пропасти долго не покидало его, второго в клане.

3

Ихо шел напрямую через лес, взбираясь на склон, не особо крутой, но и не тот, который назвали бы пологим. Иногда приходилось пользоваться и руками, упираться в плотную землю.

Лазутчики Орлов наводнили местность. Сначала Ихо решил, что это про его душу. Даже когда дежурившие у дороги Орлы пристали к трем случайным путникам (тогда он еще считал их случайными), не усомнился в том, что стал целью наиболее могущественного клана в Империи. Назло всем уложил зазевавшегося соглядатая и хотел уходить на юго-восток, к дороге на Столицу.

Дальнейшее показало, что Орлы охотятся не только на него. Едва удалившись от места схватки с неосторожным стражем, Ихо почуял пробирающихся в стороне от дороги людей. Он не видел их: птицы подсказали, что кто-то движется, укрываясь в зарослях.

Ихо взглянул: оказалось, что обнаружил он одиннадцать человек в серых балахонах горцев-пилигримов. Шли они тихо и быстро, как заправские следопыты.

«Такие же пилигримы, как я — князь», — понял Ихо. Сам не зная зачем, двинулся следом.

Вскоре он обратил внимание на странную вещь: птицы, умолкавшие, когда «пилигримы» и Ихо проходили внизу, долго не подавали голос, даже когда вся компания удалялась на приличное расстояние. Только трещотки-цон предательски стрекотали где-то позади.

Ихо ушел в сторону и залег у корней вывороченной ели. Ждать пришлось совсем недолго, Ихо не успел бы и трубки выкурить, если бы курил. Мимо торопливо протрусили еще двое в балахонах, почему-то отставшие от основной группы.

На всякий случай Ихо выждал некоторое время, но теперь птицы там, откуда пришел он и остальные, вели себя совершенно спокойно, а две пестрые цон, перепархивая с дерева на дерево, сопровождали отставших «пилигримов».

Стараясь не шуметь по пустыкам, Ихо двинулся за вереницей торопливых странников.

Потом произошло побоище в деревне — иным словом он не смог назвать события следующего часа. Орлам изрядно перепало, этому стоило порадоваться. Сначала троица, которую он прежде встречал на верхней дороге, разделалась с пятеркой под предводительством одного из Орлов — Ихо уже сталкивался с ним и знал, что зовут его Хти-ястреб. Впрочем, если быть точным, сражались только двое, но как сражались! Ихо затаил дыхание от восхищения. Третий, похожий на подростка, остался стоять в стороне. После этого троица в спешке покинула деревню, направившись дальше на северо-запад. Оставшиеся Орлы явно намеревались броситься в погоню, но тут словно тени возникли горцы-пилигримы...

Ихо стал сильным бойцом, поучившись стилю Змеи у старого мастера. Но он не мог поручиться, что сумеет одолеть любого из этих горцев. Оставалось только порадоваться, что его смертельные враги — Орлы — не вызывают симпатий и у незнакомцев. Хотя к Орлам трудно испытывать дружеские чувства. Вставшие на путь зла становятся всеобщими врагами.

Исчезли серые балахоны быстро и слаженно. Только что добивали растерянных соглядатаев и вдруг, повинуясь незаметному со стороны сигналу, стремительно отступили, растворились, как туман под Солнцем.

Ихо поразмыслил и уполз в заросли, так и оставшись незамеченным. Ничто в этом мире не держало его и не привязывало к какому-либо месту. Он решил последовать за троицей, ибо враги Орлов — друзья одинокой Змее.

Горцев-пилигримов Ихо больше не встречал. Зато на следующий день подслушал разговор двух Орлов-дозорных у глубокого ущелья. Именно здесь он впервые узнал об озере

Десяти Гротов и о вещи, которую с трепетом в голосе называли «Око Каома». И что трое умельцев, рвущихся к озеру, — монахи. Желание встретиться с ними возросло, ведь Ихо знал, что в монастырях чтут боевые искусства и слуги Каома достигли немалых высот. А поучиться чему-нибудь новому в ши-тао он всегда был готов.

Чем выше поднимались в горы проскользнувшие мимо дозора путники, тем труднее становилось за ними следить. Сначала лес превратился в кустарник и заросли стланика, потом пошли луга, а вскоре вокруг громоздились лишь неприступные скалы да коварные осыпи.

Ихо решил сократить путь: знал одну неприметную тропу. Может быть, получится успеть к Гротам первым. Всегда ведь удобнее наблюдать за представлением, заранее заняв лучшие места.

Обогнув гранитную скалу, похожую на склонившегося медведя, Ихо остановился. Было тихо, только ветер пел в горах. Темной риской на фоне неба парил вдалеке беркут. Воздух, свежий и прохладный, как и всегда на высоте, полнил грудь пьянящей пронзительной волной.

«И чего меня вечно тянет в Столицу? — сам себе удивился Ихо. — Век бы жил здесь, на Фын-Бае...»

Отыскав чуть заметные впадины на скале, Ихо стал ловко карабкаться по отвесному камню, цепляясь за трещины, за малейшие неровности. Что-что, а взбираться по внешне гладким и неприступным стенам он прекрасно умел.

Прошло совсем немного времени, и он уже стоял на покато́й спине «медведя». Отсюда начиналась секретная тропа, уводившая в узкую и неглубокую расщелину. Ихо бросил последний взгляд со скалы: мир, позолоченный закатным Солнцем, расстилался у самых ног, и он на мгновение ощутил себя властелином мира.

Малую луну уже можно было разглядеть; пройдет около часа и взойдет большая — желтая и ноздреватая, словно ломоть сыра, в отличие от малой, ослепительно белой, без малейшего пятнышка.

Пока она еще виднелась тусклым серпиком, но едва сядет Солнце, она засияет и осветит мир, словно дивный фонарь Каома.

В горах темнеет быстро; Ихо, размеренно дыша, пробирался по расщелине. Скалы по бокам казались стенами причудливых замков.

Каменное крошево, за долгие ленивые годы вылущенное с этих стен, негромко хрустело под ногами. Ихо шел в основном на ощупь — плотная тень застилала дорогу. Где-то далеко уныло пел сверчок, одинокий, как пиратский парусник в прибрежных водах.

Здесь не водились цикады, неисчислимы на равнинах — слишком высоко и прохладно.

Расщелина стала шире, стены разошлись, и Ихо оказался в обширной горной котловине. На противоположном ее краю зиял вход в пещеру, пронизывающую скалу насквозь, об этом рассказывал Учитель несколько лет назад. Преодолев путь под землей, можно было выйти прямо к озеру Десяти Гротов.

Стало совсем темно; малая луна ярко освещала небо над головой, но в котловине парил неверный и зыбкий полумрак. Ихо, ступая мягко и неслышно, пробирался ко входу в подземелье, где намеревался заночевать.

Размытые фигуры, шевелящиеся у входа, он заметил лишь подойдя практически вплотную.

Сначала Ихо решил, что это горцы-пилигримы, узрев бесформенные одеяния. Но тут же понял, что ошибается: неизвестные кутались не в балахоны, а скорее в длинные плащи с невероятно узким капюшоном.

Ихо упал на землю и затаился, но зря — несколько сторбленных фигур тут же возникли совсем рядом. Двигались они, мягко покачиваясь из стороны в сторону.

Секундой позже Ихо осознал, что это вообще не люди. По крайней мере люди не его расы.

Луна светила в спину, поэтому он мог разглядеть лица тех, кто застыл перед ним.

Кожа у них тускло поблескивала в неверном свете, носы и подбородки начисто отсутствовали, равно как и какая бы то

ни было растительность. Глаза, лишённые век, круглые, как монеты, и взгляд, тяжкий, словно гранит. И вместе с тем лица острые, с покатыми лбами и резко очерченными скулами.

Ихо похолодел. Наги! Люди-змеи! Те, что хозяйничают под землей. Старинные предания рассказывали об этих странных существах, живших многие сотни лет под горами, но последние несколько веков никто о них не слышал. Ихо считал их такими же сказочными созданиями, как, скажем, драконов или великанов, и не мог даже предположить, что столкнется с ними наяву.

Ужас сковал его крепче, чем железные цепи.

Нагов было четверо. Плавно, словно влекомые ветром пушинки, они окружили его.

И тут Ихо внезапно ощутил себя сильным, как никогда. Пришли спокойствие и уверенность, а ужас он загнал внутрь себя и запер на огромный замок. Сдаваться просто так — ну уж нет, не на того напали!

И он стал Змеей. Гибкой, холодной, расчетливой. Руки обрели самостоятельную жизнь и любого врага встретило бы ядовитое жало и стальные мускулы.

Но наги тоже во многом оставались змеями. А змея никогда не причинит вреда другой змее.

Фигуры в плащах вдруг расступились, освобождая путь; один наг сделал медленный, но понятный жест — проходи!

Ихо выпрямился. Наги пропускали его! Признали своим!

Что же, он не собирается ни с кем враждовать, тем более с теми, с кем и делить-то нечего... Им — тьма и мрачные подземелья, людям — Солнце и зовущий простор.

Поклонившись, он скользнул мимо согбённых фигур; один из нагов, тот самый, что подавал знак, мягко взял его за руку.

Ихо напрягся, готовый защищаться, но тот всего лишь вложил ему в ладонь какую-то вещичку, прохладную, шершавую и текучую на ощупь. Рука у нага была чешуйчатая, сухая и холодная.

Снова поклонившись, Ихо зашагал прочь. У входа в подземелье встретились еще двое нагов; жестами они дали по-

нять, что не станут мешать человеку. Ихо торопливо миновал их. Ночевать в этом месте расхотелось, несмотря на подчеркнутое миролюбие нагов. Решил идти через тьму сколько удастся. Собрался зажечь факел, которых много заготовили местные люди еще в прошлом веке — целый штабель смолистых веток, прошедших специальную пропитку, хранился прямо у входа в пещеру.

Когда Ихо разжал ладонь, подарок нагов засветился тусклым синеватым огнем. К этому времени, поглощенный желанием поскорее уйти, он совершенно забыл о подарке.

Это оказался медальон в виде крошечной змейки на тончайшей ажурной цепочке. Свет исходил от медальона. Несколько мгновений Ихо рассматривал диковинный амулет, потом надел на шею, с трудом протиснув голову в отверстие, рассчитанное на змеиные головы нагов. Медальон тут же погас, зато Ихо с немалым удивлением обнаружил, что факел ему теперь совершенно ни к чему: он видел во мраке, словно кошка. Точнее, даже не видел, а чувствовал мрак, ощущал все живое, от летучих мышей под сводами до паучков в трещинах на стенах, отличал холодный камень от воздуха в проходе. Ощущал так, как, наверное, ощущают мир змеи, как ощутили его присутствие наги там, перед пещерой. Это было странно и вместе с тем захватывающе.

Поразмыслив, Ихо не стал возиться с факелом, надеясь, что новая способность не пропадет так же внезапно, как появилась.

Он быстро зашагал в глубь горы, прикидывая, что принесет ему неожиданная милость нагов, существ из легенды.

Над Миром вставала большая луна, но глазами Ихо этого не видел.

4

Вид на озеро Десяти Гротов открылся посланникам Каома незадолго до полудня на следующий день после схватки в деревне. Накануне вечером Матурана ухитрился изловить

горного рябчика и монахи вкусно поужинали. Ночью по очереди пришлось дежурить, но все дышало спокойствием и ничего так и не произошло. Утром, едва рассвело, продолжили путь.

И вот первая цель их миссии — Гроты.

— Недурно, — оценил Су То, стоя на обрыве. — Никогда не думал, что горные озера выглядят столь живописно.

Конечно, ему, жителю плоских южных равнин, странно видеть подобные пейзажи.

— Пошли, — проворчал Даан. — После полюбуешься. Веди, Матурана.

Чужеземец направился вправо, где можно было без риска для жизни спуститься со скалы и подойти к воде. Спуск не занял много времени; обогнув озеро, они приблизились к первому гроту. Даан заглянул внутрь: причудливой расцветки сосульки украшали свод. Из полутьмы доносился гулкий стук падающих капель.

Матурана остановился у четвертого справа грота.

— Здесь, — сказал он и принялся снимать одежду.

Даан вопросительно поднял брови.

— Придется искупаться. Вход в тайник — под водой.

«Блестяще, — оценил Даан. — Попробуй отыщи его, если не знаешь, в чем дело...»

Он тоже стал раздеваться; Су То уже стянул куртку и почти стянул рубаху.

— Постой, — обратился к нему Матурана. — Тебе, Су, лучше остаться и покараулить, пока мы с Дааном возьмем Око.

Су рассердился.

— Что-то ты раскомандовался, чужеземец! Твое дело — выполнять наши приказы и помалкивать. Ясно? Я решил пойти и пойду, и ты меня не остановишь!

Матурана пожал плечами:

— Хорошо. Иди. А я посижу тут, — и он равнодушно опустил на горку одежды.

Су понял, что его оставили в дураках, и гневно сжал кулаки.

Даан поймал его занесенную руку.

— Не глупи, Су! Он ведь дело предлагает. Сунемся туда втроем, а нас тут подкараулят. Кому хуже? Прошу тебя, делай как он говорит. Ради нашей цели.

Су То вырвал руку и одернул рубаху. Он продолжал сердиться, но сдержал себя и подчинился голосу разума.

— Ладно... Я остаюсь.

Даан благодарно сжал ему плечо. Видит Каома, монаху-северянину достался прекрасный попугайчик!

Матурана тут же встал и кивнул Даану:

— Идем.

Ни одна мышца не дрогнула на его лице — Даан боялся, что насмешка на лице островитянина еще больше озлобит Су То.

Они вошли в грот. По центру его плескалась темная вода, лишь у стен оставалась узкая полоска камня. По ней-то посланники и шли.

Отыскав только ему известную приметку, Матурана обернулся к Даану.

Оба были полностью обнажены. По сравнению с чужеземцем Даан выглядел богом. Значительно шире в плечах, сильный и тренированный, с мощной мускулатурой. Матурана же был тощ, как монастырский кот, хотя и подтянут. Мышцы совершенно не выделялись на его теле — ни на руках, ни на груди...

Зато Даан разглядел целых четыре татуировки; понятна была лишь одна, ритуальная, на левом плече. Кроме нее, Матурану украшали изображения змеи, кусающей свой хвост, под левым соском; летучей мыши — под правым; а на левом локте, опустив нос книзу, шел по следу палевый волк.

— Нырять здесь, — сказал островитянин. — Я найду ход, потом прыгнешь ты. Ход узкий и довольно длинный, по нему придется плыть. Лучше спиной вниз, а рукой ощупывать камень сверху. Скоро почувствуешь пустоту — это крохотная пещерка. Станет мало воздуха, можешь там отдышаться. А сразу за ней, локтях в десяти, наш грот. Понял?

Даан кивнул.

Матурана скользнул в воду. Движения у него были ловкие и экономные, как у выдры. Нырнул раз, другой.

— Здесь, — сказал он, в очередной раз показываясь. — Готов?

Даан снова кивнул.

— Давай. — Голова Матураны исчезла без малейшего всплеска.

Даан подошел к нужному месту, несколько раз глубоко вздохнул и прыгнул. Вода была до жути холодная, даже дух захватило. Точно в указанном месте в каменной стене грота нашлась круглая дыра.

Перевернувшись лицом кверху, Даан заработал ногами; одновременно вытянул руку, нащупал склизкий свод похожего на трубу тоннеля.

Вокруг царила полнейшая тьма, Даан плыл и удивлялся: в жизни не предполагал, что его занесет в подобное место.

Вот и обещанная Матураной пещерка, но воздуха в легких еще достаточно. Вперед!

Спустя несколько секунд рука его вновь провалилась в пустоту и Даан высунул голову из воды. Фыркнул. Отдышался.

С каменного уступа уже тянул ладонь Матурана.

— Выбирайся!

Вода крупными каплями стекала с обнаженных тел. Вопреки ожиданиям в пещере доставало света, чтобы осмотреться. Даан повертел головой.

Крохотный каменный мешок. Стены покрыты изломами, трещинами.

Уже знакомые сосульки, свисающие сверху, и точно такие же, но поднимающиеся с пола. Словно зубы исполинского дракона...

— Пришли, Даан. Гляди...

Матурана сунул руки в одну из трещин, змеящуюся на стене, и Даан Геш, избранник северного монастыря, впервые увидел Око Каома.

Оно слабо мерцало и пульсировало на ладонях чужеземца, похожее на небольшую морскую раковину.

«Скорее напоминает ухо, чем глаз», — растерянно подумал монах.

— Возьми поддержи его. — Матурана протянул Око Даану.

Тот принял магическую вещь и зажмурился. Все силы мира втекали ему в ладони и через ноги уходили в тело Земли. Он стал всем и ничем — под Солнцем и обеими лунами. Око жгло руки и доставляло неизъяснимое наслаждение, наполнило Даана несказанной мощью и верой в собственные силы. Миг и вечность. Свет и тьма.

Жар и холод.

Даан не помнил, сколько простоял, зажмурившись и слившись с Оком. Из транса его вывело легкое прикосновение Матураны.

— Пора! Су То заждался уже...

Даан открыл глаза. Островитянин вытащил из той же трещины истлевшие лохмотья, в которых с трудом угадывалась походная сумка.

— Гм! Сгорела. Придется нести в руках.

Даан зачем-то заглянул в трещину — камень слабо светился в месте, где ранее покоилось Око, и даже на расстоянии чувствовалось исходящее от него тепло.

— Ты хорошо плаваешь? — спросил Матурана. — Может быть, лучше я его возьму?

Даан одной рукой крепко сжал Око, другой махнул в сторону воды:

— Не волнуйся! Уж я-то его не потеряю...

Матурана серьезно кивнул и пошел к подводному тоннелю.

Назад плыть было заметно труднее, Даан с удивлением обнаружил легкое встречное течение, но справился с ним без особого труда. Даже с одной свободной рукой.

Когда он вынырнул перед самым выходом из грота, Матурана сидел на корточках прямо над головой, прижимая к губам палец.

Даан, собиравшийся громко фыркнуть, проглотил звук и притих, не вынимая Око из воды.

— Я гляну, как там Су, — прошептал Матурана и прокрался к выходу. Даан остался сидеть в ледяном хрустале озера. Тело покрылось крупными пупырышками, а пальцы ног совсем заоченели. Только рука, державшая святыню, ощущала приятное тепло.

Матурана быстро вернулся и помог выбраться на сушу. Глаза, успевшие отвыкнуть от яркого дневного света, резануло при выходе из грота. Су То нетерпеливо топтался у сброшенной одежды.

Даан понял, что должен сделать.

— Держи, брат...

Су принял Око обеими руками, а Даан с Матураной, даже не обсохнув, оделись.

Первая цель достигнута: Око у них. Теперь предстоит путь через всю страну, на юго-восточное побережье, в долину Утан. Око всегда переносили в наиболее удаленное от предыдущего место.

Су все еще стоял с закрытыми глазами, когда Матурана приблизился к нему с походной сумкой и слегка потряс, опустив руку на плечо.

Замечтавшийся южанин пришел в себя. Огляделся, бережно опустил Око в подставленную сумку. Даан готов был поспорить, что Су То очень неохотно расстался с ним, ибо сам познал притягательную силу древней реликвии совсем недавно.

— Нести Око лучше по очереди и передавать друг другу как можно чаще, — сказал Матурана. — Иначе и обжечься недолго...

Даан знал это — долго выносить тесную близость с глазом бога не смог бы никто.

— Первым понесу я, — тоном, не допускающим возражений, заявил Су. Но никто и не подумал возразить.

Они отошли от гротов всего на двести шагов, когда у единственного спуска в котловину показались люди. Много — десятка три.

— Проклятие! — вырвалось у Матураны. — Это Орлы! Даан и Су То замерли. Южанин прижимал сумку с Оком к груди.

— Нам не отбиться, — негромко сказал Даан. — Что будем делать?

Орлы уже спускались к озеру.

— Отходим к гротам! — решил Матурана. — Там настоящий лабиринт, авось запутаем их и ускользнем!

На этот раз даже Су То подчинился без колебаний.

Чтобы беглецы не сбежали, Орлы разделились и стали огибать озеро с двух сторон.

Даан с отчаянием окинул взглядом отвесные кручи. Спасения ждать было неоткуда. Враги приближались, стали различимы даже довольные ухмылки на лицах.

Монахи и островитянин подбегали к первому гроту; неожиданно сверху, с крохотного уступа над разверзнутым зевом подземелья соскочил ладный парень, совсем не похожий на Орлов. Но Даан не стал его разглядывать, сразу напал.

Парень сжался, руки его, изогнувшись, отвели удары, а прямая, как клинок меча, и такая же твердая ладонь скользнула вплотную к руке Даана и легонько ткнула под ребра.

— Змея? — узнал Даан. — Ладно...

Даан, как и все монахи, знакомился со стилем Змеи, еще в третьем круге обучения. Он принял низкую стойку, правая рука взметнулась, словно кобра, вставшая на хвост; левая застыла перед грудью, подпирая локоть правой.

Парень раскрыл рот, собираясь что-то сказать, однако Даан снова напал на него. Удар ядовитого жала пришелся в пустоту, руки монаха непостижимым образом переплелись с руками незнакомца. Даан дернулся назад, но поздно: одной рукой тот блокировал обе руки Даана, вторая изготавилась к удару, и что-то подсказывало монаху, что этот удар станет последним.

Но противник почему-то не стал атаковать. Даан, опомнившись, немедленно вывернулся с помощью трюка, не имеющего ничего общего со стилем Змеи (не зря наставни-

ки из Высших посещали занятия до-лохматых), и нанес несколько сокрушительных тычков, увы, вновь пришедшихся в пустоту.

— Да подожди ты! — воскликнул парень, уворачиваясь от новых атак Даана. — Я не враг! Змея не помогает Орлам!

Даан остановился. Действительно, кланы Змеи и Орла издавна смертельно враждовали.

— Я могу увести вас. Поспешим, если не желаете неравной схватки.

— Зачем тебе это нужно? — хрипло спросил Су То.

Парень ответил без раздумий:

— Никогда не откажусь от соблазна насолить Орлам!

Матурана коротко выдохнул:

— Веди! Да побыстрее!

И они кинулись вслед за неожиданным союзником. Тот повел их во второй справа грот.

— Здесь темно, — предупредил он. — Возьмемся за руки, я знаю дорогу.

Матурана протянул незнакомцу руку; следом шел Су То, повесив сумку с Оком на шею; замкнул цепочку Даан.

— Как твое имя? — спросил посланник-северянин.

— Тин Пи. Но все называют меня Ихо, Змея.

Даан сокрушенно вздохнул:

— Кажется, ты владеешь стилем Змеи лучше, чем любой из монахов. Даже лучше, чем Настоятели.

Ихо не ответил.

Скоро стало совсем темно, для всех, кроме владеющего магическим медальоном проводника. Толстый слой пыли, устилающий путь, сглатывал звуки шагов.

Орлы тем временем подросли ко входу в грот. Той отрывисто отдавал приказания. Немедленно зажгли факелы и погоня возобновилась.

Той нетерпеливо потирал руки: неожиданно предоставилась возможность одним махом выполнить оба задания господина — и Оком завладеть, и пленить мальчишку-Змею. Наконец-то удача повернулась к клану лицом.

Огонь помог Орлам — они быстро нагоняли слепых беглецов, даже Ихо, ориентирующийся в крошечной тьме, не смог ускорить их передвижение. Гортанные выкрики Орлов звучали все ближе.

И вдруг впереди зажегся тусклый свет. Иссиня-лиловый, мертвенный. Су То издал сдавленное восклицание.

Поперек подземного хода, там, где вправо и влево ответвлялись такие же коридоры, стояли несколько людей в плащах с очень узкими капюшонами. Каждый держал в руке нечто вроде факела, на кончике которого и горел тот самый синий огонь. Точнее, даже не огонь, вместо живой пляски пламени во тьме светились неподвижные искры, такие же неподвижные, как звезды, только звезды обыкновенно мерцают, а эти точки испускали ровный немигающий поток синего света.

— Не бойтесь, это наги, — сказал Ихо самым обыденным тоном и потащил ошеломленных путников вперед, прямо на фигуры в плащах. Едва они приблизились, шеренга нагов дрогнула, образовав проход, а когда они миновали немую стражу, наги снова сомкнули ряд. Даан оглянулся. Недвижимые фигуры человеко-змей внушали смутный страх, и почему-то пришла уверенность, что Орлам тут нипочем не пройти.

Словно в подтверждение Ихо перешел на шаг.

— Ну, все. Можно уже не спешить.

Позади зазвучали панические вопли; скоро все стихло. Орлы, вероятно, предпочли спешно отступить, превратившись из преследователей в беглецов. До самого выхода под открытое небо монахи, островитянин и Ихо никого не встретили, даже нагов.

Су То вспомнил зловещие фигуры с синими факелами и его передернуло. Есть моменты, когда самый храбрый человек поддается страху.

— Во имя Каома! Как тебе удалось договориться с этими жуткими созданиями?

Ихо нахмурился:

— Ну, Змея я или нет?

Они опережали Орлов на день, что было весьма неплохо;

Глава четвертая

1

Даан все удивлялся, как быстро темнеет весной. Казалось, совсем недавно Солнце еще висело над горами, даже не успев как следует покраснеть, и вот уже валится на мир дремотный полог ночи. В лесу, как выяснилось, темнело еще быстрее.

Но леса скоро остались позади, как и Фын-Бай; теперь путь лежал через обширные плоскогорья, простирающиеся к северо-западу от столицы. В горах посланникам удалось остаться незамеченными, хотя незримое присутствие Орлов чувствовали все. Приходилось быть настороже каждую секунду, даже во сне.

Око передавали друг другу каждые два-три часа. Лишь Ихо оставался непосвященным в секретную миссию, хотя тоже мог прикоснуться к святине, ибо родился в год Тигра-воина двадцать четыре весны назад. Но он и не стремился что-либо выведать и никогда не задавал лишних вопросов. Просто присоединился к посланникам, заявив, что им некоторое время по пути. Но Око он ни разу не нес. Остальные трое приняли на себя удар божественных сил. Если невзрачная на вид сумка задерживалась на плече подольше, сразу чувствовалось, как магическая вещь начинает высасывать энергию и тогда постепенно наваливалась смертельная усталость.

Ощущение близкой опасности вкупе с грузом ответственности примирили даже Су То с Матураной. Южанин имел обыкновение придирается к чужеземцу по любому поводу, а чаще вовсе без всякого повода. К удивлению Даана, Матурана безропотно сносил все придирки. Сам Даан держал свою неприязнь при себе, ибо считал главным исполнение Обряда, а не мелкие дрязги, совершенно в пути неуместные. Впрочем, чужеземец показал себя с самой лучшей стороны: большой опыт путешествий и завидное зна-

ние местности сильно упростили задачу монахов. Последнее сильно удивляло Даана. Чужак знает его родную страну неизмеримо лучше! Парадокс. Хотя странного тут было совсем немного: монахи очень редко покидают обитель, а паломники только и делают, что бродят взад-вперед по империи, от гор до океана.

Теперь на пути чаще попадались деревни и небольшие городки.

Прохлада высокогорья сменилась ласковым теплом равнины, а наступавшая с юга весна заставила цвести все, что только могло цвести.

В городок, очередной на пути к Утану, они вошли затемно.

Миновав лачуги бедноты, ютящиеся на окраине, попали на главную улицу, единственную, где все без исключения дома были каменными. Городок спал, лишь изредка из-за плотных занавесей наружу просачивался вкрадчивый свет ночников.

Даан поправил висящую на плече сумку. Плечо ныло. Глянул направо, налево. Куда идти, в какие двери стучаться?

— Чуть дальше есть таверна, там можно снять комнату на ночь, если не скупиться, — сказал Матурана. В который раз он словно угадывал мысли Даана, давал ответы на еще не заданные вопросы.

Колдун он, что ли?

— А деньги есть у кого-нибудь? — поинтересовался Ихо. — Боюсь, я уже забыл, как выглядят монеты, так давно они мне не отягощали карман...

Су То фыркнул. Он совсем не одобрял тот факт, что теперь их стало четверо, хоть Ихо вовсе не усложнял им жизнь. Молчал Су лишь благодаря Даану, напомнившему, что Высшие велели не пренебрегать случайностями и что Ихо однажды уже отменно послужил Всевышнему.

Они шагали по улице, пока Матурана жестом не остановил всех.

— Пришли. Наверное, будет лучше, если мы с Ихо пойдем в таверну и договоримся о ночлеге, а заодно и проверим, все ли здесь спокойно, вы же подождете нашего знака где-нибудь в тени.

Даан согласно кивнул:

— Хорошо, чужеземец. Будь осмотрителен.

— И об ужине не забудь! — буркнул вослед вечно недовольный Су То.

Матурана кивнул и поманил Ихо за собой.

Не прошло и десяти минут, как все четверо сидели в чистенькой тесной комнатухе над главным залом таверны и уплетали холодное мясо с лепешками, запивая остывшим соком ло-чуну.

Судя по лучезарной улыбке хозяина, невзирая на поздний час мгновенно устроившего и свободную комнату, и неплохой ужин, Матурана напомнил ему, как выглядят монеты.

Насытившись, усталые путники заперлись, задули светильник и провалились в глубокий освежающий сон. Даан опустил сумку с Оком на циновку рядом с собой и Су; уже засыпая он разглядел, что рука южанина сомкнулась на видавшем виды кожаном ремешке у самой застежки.

Никто из них не услышал слабого скрипа двери, донесшегося снизу. Таверна имела два выхода: на улицу и во двор.

Мальчик-слуга неслышно выскользнул из дома и канул в густую темноту, царящую во дворе. Вскоре после этого погас светильник и в комнате хозяина.

Ночью Су То внезапно проснулся: ему показалось, что кто-то прикоснулся к драгоценной сумке. Он приоткрыл глаза, напрягшись, словно тигр перед броском.

Над ним склонился Матурана. Сияние малой луны, проникая в комнату сквозь пыльное стекло окна, освещало лицо островитянина.

Су То вскинулся, согнув руку так, чтобы можно было и защититься, и ударить.

— Что нужно?

Его шепот никого не разбудил.

Су полагал, что Матурана, застигнутый врасплох, растеряется.

Ну, хотя бы вздрогнет. Ничуть не бывало: лицо его осталось бесстрастным.

— Ты меня звал?

Южанин чуть потянул за ремень сумки, сразу ощутив приятную тяжесть Ока, скрытого под толстой материей. Это успокоило.

— Никого я не звал!

Матурана внимательно, словно видел Су впервые, уставился ему в глаза.

— Странно. Мне показалось, что ты меня звал.

Су почувал неладное, но поскольку Око было на месте, счел полезным все замять, притвориться спящим и выждать. Мало ли что задумал этот чужак! Появился шанс вывести его на чистую воду.

— Нечего наедаться на ночь глядя! Мерещится потом всякое... — обронил он сердито. И улегся, не выпуская сумки. Матурана сокрушенно вздохнул и тоже улегся.

Су То ждал напрасно: до самого утра ничего больше так и не произошло.

Зато после восхода Солнца события закрутились самым неожиданным образом.

Сначала все шло как нельзя лучше: путники по очереди умылись в фонтане во дворе, выпили чаю и слегка закусили, убрав остатки завтрака в корзинку с едой, приготовленную в дорогу. Даан поблагодарил хозяина, но тот неожиданно отмахнулся, избегая смотреть четверке в глаза. Тут Даан и почувствовал, что не все в порядке.

Не успели они выйти на улицу, хозяин исчез, прислуга тоже, зато везде появились Орлы: и у комнаты, которую они только что покинули, и на лестнице, и в зале, и даже на улице — Даан выглянул в окно.

Положение казалось безвыходным: Орлов было слишком много, чтобы отбиться в не особенно просторном месте;

а уйти им просто не дадут. Тем не менее Даан и Су То изготовились к обороне.

Вперед вышел предводитель Орлов; из угодившей в ловушку четверки его имя знал только Матурана: Орла звали Той.

— Эй, вы двое! Нам нужны лишь монахи, поэтому можете убираться!

Матурана, словно только этого и ждал, засеменил к Тою, бестолково прижимая к груди корзинку с припасами и подбострастно кланяясь:

— Спасибо, господин, спасибо!

Из корзинки косо торчали зеленые перья лука, свертки с жареными цыплятами.

— А ты чего ждешь? — сердито обратился Той к Ихо.

Тот насупился, оглянувшись на монахов.

— Я с ними!

И стал в боевую стойку.

— Ну, ладно, змееныш!

На самом деле Той вовсе не собирался отпускать ни Матурану, ни Ихо. Он стремился лишь разделить путников, чтобы схватить их без излишних осложнений. Но Ихо уперся, Той на секунду забыл о Матуране и тот беспрепятственно покинул таверну. Когда предводитель Орлов осознал свой промах, было уже поздно: Матурана удрал. Но он не слишком расстроился, чужеземец не являлся важной фигурой. Господин велел добыть Око, пленить монахов и уничтожить Змею. Все это почти исполнено — так какое ему дело до трусливого островитянина, бросившего своих товарищей в беде?

— Взять их!

Орлы скопом кинулись в атаку. Схватки не вышло: получая многочисленные удары, нападающие висли на руках противников и скрутили их за счет простого численного превосходства. Не прошло и двух минут, как все трое были крепко связаны.

Шестеро Орлов недвижимо валялись на выскобленном полу.

Той, криво усмехаясь, приблизился к Су То, у которого через плечо висела сумка с Оком Каома.

— Вот и все, мои юные друзья. Кажется, ваш поход досрочно завершился.

Су То глядел на него с ненавистью, Даан — холодно, но спокойно. Ихо вообще не глядел — закрыв глаза, погрузился в себя.

— Лао! — резко приказал Той одному из своих подручных. — Возьми то, что в сумке у этого полумертвого южанина.

Лао торопливо приблизился к плененным и полез в сумку. Су То напрягся изо всех оставшихся сил, но тщетно: веревки еще глубже вгрызлись в тело. Два дюжих стража крепче сдавили его плечи и запястья.

— Ну-ну, не трепыхайся...

Голос Тоя звучал насмешливо.

Су То впал в отчаяние. Они не оправдали доверия Высших и не уберегли тысячелетнюю реликвию. Им нет прощения — даже смерть ничего не искупит.

Крик Тоя, преисполненный злобы и досады, вернул его с небес на землю. Су широко распахнул глаза, несказанно удивленный.

Лао извлек из сумки круглую фарфоровую вазу, расписанную оранжевыми драконами. Вазу, а не Око Всевышнего!

— Искать! Искать островитянина с корзиной! — заорал Той, щедро отпуская пинки своим людям. — Шевелитесь, мерзкие твари!

Ихо, словно забыв, что его пленили смертельные враги, хохотал самым издевательским образом.

И тут в голову Су То что-то щелкнуло: ночью он проснулся не ДО того, как Матурана пошарил в сумке, а ПОСЛЕ того. Око к моменту пробуждения Су уже было спрятано в корзинке с едой.

Матурана нарочно его разбудил. Но зачем? На чьей стороне он играет?

Рассерженные Орлы метались по городку.

2

Монахов и Ихю привязали к столбам-опорам в просторной комнате-тауте одного из домов, принадлежавшего какому-то богатому купцу. Трое приставленных к ним стражников играли в маджонг, усевшись невдалеке за стол. Орлы исчезли, прочесав весь городок. Наверное, прочесывали округу.

Су То гадал, что на уме у Матураны? Чужеземец оставался их единственной надеждой.

Час истекал за часом, близился вечер, стала донимать жажда.

Охранники все так же дулись в маджонг, не обращая на пленников ни малейшего внимания.

Островитянина первым заметил Даан. Троицу привязали так, что все глядели в разные стороны: Су То — на двери, Ихю — в угол и в окно, Даан в сторону веранды, отделенной от таута невысокой, по пояс, перегородкой.

Матурана легко перемахнул через перила веранды и спрятался за столбом-опорой.

Даан с облегчением убедился, что не ошибся в нем, ибо не верил, что островитянин просто сбежит. Теперь если ему посчастливится освободить хотя бы одного из пленников, можно надеяться на успех.

Удостоверившись, что охранников всего трое, Матурана, более не кроясь, прыгнул через перегородку. Игроки оторвались от костей.

— Эй! Вы только поглядите — удача сама плывет к нам в руки. Все его ищут, а он вот где: сам пришел!

Стражи, уверенные в легкой добыче, встали из-за стола. Матурана шагнул вперед и замер.

Даан затаил дыхание: как же слабый и неловкий чужеземец справится с тройкой крепких Орлов? Надо было незаметно перерезать пути Даану, Су То или хотя бы Ихо... И пока освобожденный занимался бы стражниками, Матурана смог бы развязать остальных...

Ихо изо всех сил скашивал глаза, пытаясь увидеть, что происходит; Су То оставалось лишь гадать насчет этого да вслушиваться, потому что события разворачивались точно у него за спиной, а пошевелиться он мог не более, чем муха, угодившая в паучьи тенета.

Зато Даан видел все. Один из стражников, лениво поигрывая ножом, подошел вплотную к Матуране; двое других остались у стола.

— Привет, заморыш. Давай я тебя свяжу. Даже бить не стану, по крайней мере сильно.

Матурана покачал головой, показывая, что не согласен.

— Нет. Лучше развяжи вот их.

Стражник заржал, обернувшись к приятелям.

— Слыхали? Может, впрямь развяжем?

Приятели тоже заржали. И тогда стражник резко ударил Матурану свободной рукой. Матурана упал на пол...

Стоп!!! Даан выпучил глаза. Это стражник упал, а не Матурана!

Поверженный и сам не понял, как очутился на полу. Проклятие!

Этот заморыш еще и брыкается.

Охранник замахнулся ножом.

На этот раз Даан кое-что заметил. Матурана мягко поймал Орла за руку, сделал округлое плавное движение, теперь уже на пару с охранником, шагнул чуть в сторону...

Стражник, нелепо вывернув руку, врезался лицом в каменный пол, словно начисто забыл о равновесии. Матурана стоял вполоборота к нему, вытянув обе руки перед собой. Нож был уже у него.

Даан ничего не понял.

Тут опомнились двое оставшихся охранников — они разом кинулись на островитянина, но тот вдруг крутнулся на месте и они проскочили мимо, даже не задев его. Едва Матурана оказался за спинами противников, он схватил одного за локоть. Стражника развернула собственная инерция; второй снова кинулся на Матурану, с другой стороны, но лишь наткнулся на первого.

Это напоминало больше пляску, чем драку. Матурана грациозно вышагивал, держа стражника уже не за локоть, а за кисть, и прикрывался им от второго. Второй пыхтел, пытаясь обойти напарника и добраться наконец до Матураны, но везде наткался на своего приятеля, совершенно очумевшего. Первому казалось, что он вот-вот упадет, однако он все не падал, Матурана водил его за руку, как козла на поводке.

Потом локоть первого вдруг непостижимым образом совместился с физиономией второго и тот безжизненно рухнул на пол, заливая все вокруг себя кровью; а первый неожиданно задрал ноги и с размаху опрокинулся.

Теперь Матурана недвижимо застыл. Руки он вытянул в стороны под разными углами.

Даан, наконец, снова обрел способность дышать. Он не видел объяснения всему произошедшему.

Матурана скользнул к нему, на ходу доставая нож. Опали осточертевшие за день путы.

— Освободи остальных, а я гляну все ли тихо, — сказал Матурана, передавая Даану трофейный кинжал.

Все было тихо; трое стражников, не шевелясь, валялись на полу.

Настала пора покидать этот негостеприимный город.

— Где Око?

— В корзинке.

— А корзинка?

— В кустах у дороги. Пошли!

Как-то незаметно Матурана стал командовать и невозможно было ему не подчиниться.

По-настоящему Даан успокоился, лишь когда они вернули святыню в сумку и поручили ее Су То, а сами под покровом темноты направились к югу.

Матурана сказал, что там река.

3

Мутные воды разлившейся по весне Кухэ несли углый челнок, сработанный из древесной коры. Даану казалось, что челнок вот-вот развалится, но хрупкая посудина, ведомая твердой рукой Матураны, рассекала пологую волну и неслась на юго-восток, к океану. Они едва втиснулись в этот челнок вчетвером, а потом боялись двинуться, потому что вода едва не переливалась через борт. Но зато они удалялись от злополучного городка неизмеримо быстрее, чем пешком.

Матурана был мрачен, остальные, наоборот, радовались, что опасность и плен позади, а Око спасено.

Под вечер пристали к берегу. Лес подступал почти к самой воде, оставляя лишь узкую, кое-где поросшую травой полосу. Хвойные деревья здесь уже практически не росли — путники забрались далеко к югу от хребтов Сао-Зу — попадались в основном дубы и гигантские тэ-платаны.

Су То вытащил челнок на сушу и спрятал его в густых зарослях кустарника. Матурана, утомившийся за полдня непрерывной гребли, принялся ломать ветки себе на постель, но Даан остановил его.

— Подожди, островитянин. Сначала ты покажешь свое искусство.

Матурана нахмурился; Ихо и Су, заинтересованные, приблизились.

— Я видел, как ты справился со стражниками Орлов. Но ничего не понял. Это не ши-тао, верно?

Чужеземец, видимо, настроился играть в молчанку. Он отвернулся и вновь стал готовить себе ложе.

— От меня так просто не отделаешься! — Даан начинал злиться. — Защищайся!

Он справедливо решил, что если напасть на Матурану, тому ничего больше не останется, как применить свое умение.

Удар пришелся в пустоту; не встретив препятствия, Даан на секунду потерял равновесие, а Матурана вдобавок легонько подтолкнул его. Этого оказалось достаточно — монах рухнул на еще не готовую постель. Ихо засмеялся.

Даан тоже улыбнулся. Первое, что он усвоил: Матурана использует энергию противника в собственных целях. Выходило, что Даан сам себя уложил, а Матурана лишь не препятствовал этому. Ну, может, чуть-чуть помог, толкнул легонечко.

Обыкновенно таким толчком даже ребенка с места не сдвинешь.

Кардинально иной подход. Прямо противоположный привычному.

Там, где Даан поставил бы жесткий блок, затратив столько же сил, сколько и нападавший, Матурана ограничился едва заметным движением руки.

Новый удар, но уже такой, чтобы не потерять равновесие в случае промаха. На этот раз Матурана просто уклонился.

— Прекрати, Даан. Я не хочу с тобой сражаться.

— Да ладно! Мы ведь не всерьез. Как на тренировке: ты показываешь новый трюк, а я учусь.

Матурана ловко ушел от очередного выпада.

— Не надо, Даан. Нельзя вступать в единоборство, если нет угрозы жизни. Я и так сегодня чересчур много дрался. А ты предлагаешь снова нарушить заповедь, не замолив прежние прегрешения.

Вмешался Су То:

— Что ты лопочешь, чужеземец? Тебе нужна угроза жизни? Получай же!

Если Даан бил хоть и сильно, но в безопасные места, то жужанин атаковал всерьез, на поражение.

Но и его удары не достигли цели. Матурана чуть повернулся, поймал Су То за руку, поднырнул под нее, снова полубернулся...

Теперь Су То стоял, нелепо выгнувшись. Островитянин легонечко нажал на его согнутую в локте руку, как на рычаг. И южанин мешком повалился на землю.

Матурана застыл над ним, чуть присев. Руки по-прежнему протягивал вперед, словно собирался еще не раз нажать на невидимый рычаг. Пока Су То падал, можно было без труда нанести три, а то и больше смертельных удара, таких же, какой нанес Су То первым. Но чужеземец даже не двинулся.

И тогда Даан впервые увидел сердитого Матурану.

— Послушайте, костоломы, именующие себя слугами Каома! Будь у вас хоть капелька ума, я бы поговорил с вами. Но поскольку вы умеете только дрыгать ногами и крушить все вокруг и не даете себе труда хоть немного поразмыслить, позвольте мне исполнить Обряд. Не мешайте хотя бы, если уж не помогаете!

Даан устыдился. Действительно, чем-то не тем они с Су То заняты. Обряд, Обряд прежде всего!

Вдруг явственно представились укоризненные лица Высших.

Су То угрюмо встал. Матурану он больше не трогал, но Даан догадывался, что творится у него на душе. Самолюбивый южанин дважды посрамлен тем, кого он считал слабым и недоумком, а южане такого не прощают.

Вздохнув, Даан побрел готовить себе ложе. В кустах раздавался треск: это Ихс, беззаботный как всегда, ломал ветки.

4

Несколько дней Матурана молчал, словно рыба. Вечером неизменно садился, подогнув ноги под себя, лицом к заходящему Солнцу и надолго застывал, отрешившись от

всего окружающего. Даан не беспокоил его, памятуя о внезапной вспышке ярости. Ихо всем видом показывал, что его дело — сторона, и ссориться он ни с кем не намерен. Ни с монахами, ни с островитянином. Лишь Су То затаил обиду. Желание приструнить чужака и поставить его на место переполняло южанина, однако пока не представлялось удобного случая. Но главным он считал все же исполнение Обряда.

Когда вышли на широкий тракт, ведущий в Столицу, стали попадаться многочисленные путники, пешие и конные; все спешили, словно это последний день их жизни. В город направлялось больше народу, чем покидало его. Путь по людным местам был связан с определенным риском; но и напасть на посланников открыто никто не отважился бы.

У городских ворот дежурил большой отряд императорской гвардии.

Всех проходящих досматривал средних лет офицер, чересчур серьезный и важный на вид. Когда наступил черед монахов предстать перед ним, Даан заволновался: офицер задавал всем массу каверзных вопросов, на первый взгляд совершенно ненужных.

— Куда направляетесь? — надменно осведомился он.

Матурана легонько подтолкнул открывшего было рот Даана и ответил сразу за всех:

— В монастырь, господин. Мы — паломники с Архипелага.

Офицер подозрительно поглядел на них.

— Что-то не больно вы похожи на жителей островов.

Исподлобья глядя прямо в глаза Матуране, он произнес несколько слов на наречии Архипелага; даже монахи и Ихо поняли, что этим языком он владеет еле-еле.

Матурана коротко ответил по-своему, четко выговаривая каждое слово, потом преувеличенно горестно вздохнул:

— Судьба милостива к сильным. К таким, как вы, господин. Нам она улыбается редко.

Подобревший от лести офицер глянул на путников уже без прежнего недоверия: ну чем могут угрожать огромному

городу четверо бродяг, к тому же прекрасно сознающих, что они не более чем бродяги?

— Зачем тогда заходить в Столицу? Обошли бы стороной.

— О-о! — протянул Матурана мечтательно. — Мы хотели взглянуть на этот сказочный город и его счастливец-жителей. Хотя бы одним глазком! Императорский дворец, говорят, настоящее чудо. Молва о нем дошла до самых дальних краев.

— Глупцы! К дворцу вас и близко не подпустят.

— Может быть, хоть издали повезет его увидеть. И потом, у нас закончилась еда.

— За еду надо платить, — сказал офицер, почему-то оживившись. — У вас есть чем?

— Заработаем, господин. Но для вас... — Матурана многозначительно умолк и незаметно сунул офицеру монетку.

— Гм... Ну, что же, — прогудел офицер несколько фальшиво, — полагаю, нет ничего худого в том, чтобы на Архипелаге лишний раз убедились в великолепии нашей Столицы и нашей несравненной мощи. Поглядите на все, а потом расскажете дома о том, сколь велик этот город и его правители. Пропустить их!

Два рослых солдата освободили проход, и путники ступили под широкую арку северных ворот.

Даан только головой покачал. В прошлый раз Сатэ провёл семерых монахов в Столицу, даже не взглянув на начальника стражи, и тот не посмел и пикнуть.

Столица вобрала в себя путников, невообразимый бурлящий муравейник.

Су То знал город не лучше Даана: большую часть жизни он провёл в Южном монастыре. Ихо тоже оказался здесь впервые. Оставалось надеяться на Матурану — в который раз. Даан не переставал поражаться чужеземцу. Его послали в помощь монахам-избранникам, на деле же выходило, что заправлял миссией именно он, а монахи лишь помогали. Да и то, только тогда, когда требовалась грубая сила.

Миновав грязные окраинные кварталы, четверка ступила в пределы Кольца Площадей. Здесь никогда не бывало безлюдно, Кольцо — это вечный неумолкающий рынок. Сотни и тысячи мелких лавчонок, аптек, харчевен, полчища торговцев-лоточников, повозки крестьян, груженные мешками с рисом, овощами, фруктами, тушками битой птицы, низкие бочки на скрипучих колесах, полные живой рыбы и креветок, тучные южане, продающие съедобных собак, несъедобных собак, собак для охраны, собак для боев, собак для поиска и еще собак одно-небо-знает-для-чего, и, конечно, толпы, несметные толпы покупателей — горожан и приезжих. Шум и гомон не стихали ни на секунду. Кто-то на все лады расхваливал привезенный товар, кто-то азартно торговался, кто-то жалобно причитал, видимо обманутый или обворованный, а у столба-тэкая кого-то нещадно били.

Даан, более или менее готовый ко всему этому с прошлого раза, и тот враз растерялся в этом бурлящем котле, крепче сжав сумку с Оком. О Су То и Ихо вовсе говорить не приходилось, Матурана же, напротив, чувствовал себя здесь, как дельфин в море.

Он вел спутников за собой, прямо через торговые ряды, небрежно отмахиваясь от особо настырных продавцов, расталкивая нагловатую шпану и умело лавируя в толпе почтенных горожан.

— Эй, чужеземец! — окликнул его Су То. — Мы, кажется, намеревались купить еды.

Матурана застыл, потом терпеливо обернулся.

— Я помню, не волнуйся. Купим. Только не здесь — это место для столичных толстосумов.

Су То со вздохом поднял руки, предоставляя островитянину полную свободу. Впрочем, что ему еще оставалось?

Наконец они пересекли площадь и свернули в узенький переулочек. Шероховатый камень стен легонько царапал плечи.

Откуда-то тянуло дымом и жареным со специями мясом, орал прямо над головами полоумный петух, да вкрадчиво шелестели бамбуковые завесы на дверях.

Матурана еще несколько раз сворачивал. Как он ориентировался в подобном лабиринте — оставалось загадкой. Даан просто шел следом, отчаявшись что-либо понять.

Однако вскоре Даан догадался: в этом квартале живут выходцы с Архипелага. То и дело слышалась их непонятная речь. Некоторые обменивались с Матураной короткими фразами, а сморщенный старичок, сидевший на пороге приземистого домика, о чем-то серьезно спросил у Даана.

— Не понимаю, — покачал головой монах, надеясь, что повторят по-бодхайски, но старичок вновь застыл, словно мумия.

— Он спрашивает, не ты ли его пропавший сын, — пояснил, не оборачиваясь, Матурана. — Он у всех это спрашивает. Уже сорок лет.

Даан оглянулся. Старик тоскливо глядел в пустоту.

Наконец Матурана толкнул скрипучую деревянную дверь с изображением цветущей на фоне гор вишни и путники оказались в тесном внутреннем дворике. Где-то тихо журчала вода.

— Сюда, — указал островитянин на очередную дверь. Вошли.

В помещении, выстланном циновками, стоял тяжелый канцелярский стол, пара табуретов и низкие деревянные нары, покрытые цветастыми одеялами. Матурана выгнал из смежной комнаты каких-то развеселых девиц и ненадолго исчез. Вернулся он с подносом, уставленным разнообразной снедью; следом вошел мужчина, в котором нетрудно было распознать соотечественника Матураны. Мужчина принес кувшин с холодным соком ло-чуну.

— Это мои спутники, — представил вполголоса Матурана. — Даан Геш, Су То и Тин Пи. Поприветствуйте главу общины — Басагурена.

Монахи и Ихо склонились в почтительном ритуальном поклоне.

— Наверное, вы проголодались, — сказал Басагурен приветливо. — Поговорим немного позже. Я покину вас ненадолго, а вы тем временем подкрепите свои силы.

Басагурен с достоинством склонил голову, как и подобает старшему, и вышел.

Поданные кушанья тоже несли явную печать Архипелага. Они были странными, но невкусными их не назвали бы ни монахи, ни Ихо.

Когда все четверо насытились, Матурана соизволил кое-что объяснить. Даан обрадовался, опасаясь новой вспышки раздражения от Су То.

— Это — район Фахардо, здесь живут мои соотечественники. Эдакая страна в стране, уголок, где действуют нравы и обычаи Архипелага, поэтому принимайте все как есть и ничему не удивляйтесь. Я привел вас сюда не зря: во-первых, мы здесь в полной безопасности, хотя Орлы и знают наше местонахождение...

— Откуда? — сердито перебил Су То.

Матурана мягко ответил:

— Они следовали за нами, едва мы миновали стражу у ворот. Неужели ты не заметил?

Су То промолчал. Оглядываться ему как-то не приходило в голову. Да и что можно разглядеть в толпе?

Даан тоже не заметил слезки и сейчас несколько растерялся, ощутив слабость перед могучим кланом. В самом деле, против них чуть ли не весь мир, каждую секунду приходится быть настороже, но врагов так много, что всех заметить просто не успеваешь...

А Ихо дважды замечал Орлов, но полагал, что те не видят путников. Очевидно, он ошибался.

Тем временем Матурана продолжал:

— У нас есть шанс прибиться к одному из торговых караванов, следующих на юг, раствориться в толпе погонщиков и стражей. Так за нами труднее будет уследить, да и небольшая передышка нам не помешает.

— Какая передышка? — взорвался Су То. — Мы и так опаздываем. Не крути, чужеземец!

Матурана терпеливо объяснил:

— Не злись, Су. Отдыхая, мы будем неуклонно приближаться к Утану. Какая разница — пройти весь путь пешком и в одиночестве или проехать его в повозке вместе с большим караваном?

Даан не сразу оценил идею островитянина. Ведь если они наймутся в богатый, а значит, большой караван, Орлам будет во сто крат труднее. Любое нападение на человека из каравана, даже на самого захудалого далата или погонщика, расценивается как нападение на весь караван, а это сотни людей, многие из которых получают деньги за его охрану, а многие являются владельцами товаров, повозок, лошадей, верблюдов и буйволов, запасов еды, и, следовательно, потеряют деньги в случае удачного нападения. За свой карман и свои жизни каждый будет сражаться, как тигр. Матурана в очередной раз преподавал им урок находчивости и расчета.

— Я попросил Басагурена разузнать, не идут ли в ближайшее время на юг или юго-восток большие караваны. Сейчас весна, пора торговая, очень может быть, что нам повезет.

Даан кивнул.

«Интересно, — подумал он, — как справлялись с Обрядом монахи прошлого? Вдвоем, без всезнайки-чужеземца? Бин и Тао, например?»

Но за ними не охотился могучий клан Орла. Два путника с сумкой могли заинтересовать разве что мелких грабителей, отирающихся у дорог, но у подобного сброда одолеть избранников Каома шансов попросту не было.

Басагурен вернулся довольно скоро.

— Могу обрадовать вас, молодые люди. Завтра выступает караван Лун Гу, направляющийся в Даоден, но вряд ли вы успеете наняться, слишком поздно. А через четыре дня в Токин уйдет другой, его хозяйка — Дон Хи. Сюда попасть больше надежды.

— Даоден ближе к Утану, чем Токин, — заметил Су То. — Жаль.

Матурана пожал плечами:

— Ненамного. Но все же попытаемся наняться к Лун Гу. По лицу Басагурена легко было угадать, что в такой исход он верит слабо.

— Пойдем, я напишу рекомендательное письмо.

Обернувшись, Матурана взглянул на монахов.

— Решайте, кто пойдет со мной, кто останется здесь с Оком.

— Останешься, Су? — спросил Даан без нажима.

Су То кивнул: он всегда предпочитал находиться поближе к святыне.

— Останусь. Лучше рядом с ним буду именно я. — Рука южанина погладила Око, упрятанное в невзрачную полотняную сумку.

Даан обрадовался: отправившись вместе с островитянином, Су То наверняка постоянно бы во все вмешивался и задирали его, а сейчас внимание к себе привлекать нежелательно. Пусть остается, Даан не станет ссориться с Матураной. День ото дня он все больше уважал чужеземца.

— А мне что делать? — спросил, прищурившись, Ихо. — Здесь ждать?

Даан развел руками:

— Как хочешь. Ты ничем не связан, хотя почему-то помогаешь нам.

— Тогда я пойду с вами. Много раз я собирался в Столицу и вот наконец попал сюда. Не сидеть же взаперти?

— Ладно, — кивнул Даан, вопросительно глянув на Матурану. Тот, похоже, не возражал.

— Тогда не будем терять времени. Мы постараемся вернуться побыстрее, Су.

Южанин молча вскинул руку.

Снова Даан со спутниками окунулись в непривычную городскую суету. Казалось, что жителям Столицы больше нравится сновать по улицам и площадям, чем сидеть дома. Впрочем, Даан удивился бы, узнай он, что большая часть горожан находилась сейчас именно в многочисленных домах и внутренних двориках.

Как и полагал Басагурен, в караван Лун Гу уже набрали всех, кто требовался в пути. Седовласый управляющий богатого столичного торговца внимательно прочел письмо, прикрыл глаза, потом извинился и сказал, что, к сожалению, не может нанять людей дополнительно, а те, кто уже нанят, рекомендованы не менее уважаемыми людьми, нежели Басагурен. Вот если бы денька на два-три раньше... Все, что мог сделать управляющий, это посоветовать обратиться к людям Дон Хи — там еще оставался шанс получить работу.

Матурана вежливо поблагодарил и вместе с друзьями покинул дом Лун Гу. Приходилось надеяться на вторую возможность, хотя Матурана немного опасался женского своеволия, совершенно непредсказуемого.

Дон Хи жила совсем недалеко: через площадь, ближе к императорскому дворцу. Узкая улочка ответвилась от округлого простора очередного мини-рынка. Короткие тупички, как правило, заканчивающиеся крепкой дверью, часто обитой листовым железом, открывались справа и слева.

— Здесь! — сказал Матурана, взглянув на вычерченные на стене иероглифы.

Со двора доносился приглушенный гомон.

Островитянин приблизился к двери и громко постучал. Почти тотчас же дверь бесшумно отворилась, в проеме возник рослый привратник.

— По поводу работы? — осведомился он.

— Да, уважаемый, — поклонился Матурана.

Даан несколько удивился: кланяться привратнику? И называть его уважаемым?

— Проходите. Управляющий там. — Привратник неопределенно взмахнул рукой, затворяя дверь. На этот раз она глухо звякнула — кованое железо подало голос.

«М-да. — Даан рассеянно оглядел дверь. — Такую и та-раном не сразу разобьешь. Крепостные ворота прямо, только поменьше...»

Матурана, кивая встречным, прошел в глубь двора, где в тени раскорячился необъятный стол, желтоватый от множества бумаг.

За столом восседало несколько человек. По двору беспрерывно сновали люди с печатью озабоченности на лицах.

Ихо и Даан, озираясь, следовали за островитянином; наконец все трое присоединились к нескольким бедолагам, маящимся у стола в ожидании, пока кто-нибудь обратит на них внимание. На их глазах пожилого трудягу наняли погонщиком, выдали ему какую-то записку и отослали в один из постоянных дворов в Кольце Площадей, где формировали караван. Это заметно приободрило ожидающих.

Некоторое время чиновник, который ведал наймом, шептался с сидящими по соседству коллегами, потом обратился в Матуране:

— Вам что?

Островитянин с легким поклоном протянул письмо Басагурена.

Около минуты чиновник читал, шевеля губами.

— А... Община... Ладно. Что вы умеете делать? Погонщики и работники-далаты нам, пожалуй, уже не нужны, учтите.

Матурана не задумался ни на секунду.

— Мои друзья более всего пригодятся в охране.

Чиновник с недоверием прищурился.

— В охране? Туда берут только самых доверенных. Впрочем, рекомендация у вас отменная, и я уверен, что она подлинная. Эй, Ман! — крикнул чиновник, повысив голос.

Появился давешний привратник. Держался он так, словно выше него здесь стояла только хозяйка.

— Вот, предлагают себя в охрану. Рекомендованы Басагуреном из островной общины. Что скажешь?

Ман придиричиво оглядел всех троих. При виде Матураны он поморщился.

— Поглядим, на что вы способны. Ты, — указал он на Даана. — Физиономия у тебя какая-то знакомая...

Даан изготовился к защите. Ман напал. Он не стремился ударить монаха, просто раз за разом ставил того в трудное положение и глядел, как тому удастся выкручиваться. Бойцом Ман был на редкость искусным и Даан мгновенно взмок.

— Прекрасно, — оценил привратник, останавливаясь. — Этот годится. Теперь ты, — вызвал он Ихо.

Тот медленно приблизился.

Даан, восстанавливая дыхание, наблюдал. Ихо тоже держался неплохо, причем технику Змеи он совершенно не использовал.

Видно было, что ему трудно.

— Сойдет, — удовлетворенно мурлыкнул Ман. Дышал он на удивление ровно. — Не знаю, как ты дерешься обычно, но того, что ты показал, достаточно.

Ихо молча поклонился, в душе изумившись. Привратник понял, что всеобщая техника — лишь маскировка, что свои главные козыри Ихо показывать не пожелал. Непростой, однако, этот привратник...

Ман повернулся к Матуране и Даан затаил дыхание — сейчас он увидит чужеземца с его непонятной техникой в деле!

Но монах был жестоко разочарован.

— Я не стремлюсь в охрану. Мое место скорее среди проводников.

Ведь ни один караванщик не откажется от знающего проводника.

— Проводник? — Ман недоверчиво склонил голову набок. — Не похож ты на проводника. Кто ты такой? Если тебе известны дороги на юг, почему я тебя вижу впервые? Помоему, ты лжешь. Никакой ты не проводник.

Чиновник, криво улыбаясь, барабанил пальцами по столу. Он наблюдал за происходящим с таким явным удовольствием, что казалось, еще чуть-чуть — и он засветится.

— Испытай меня, — предложил Матурана невозмутимо.

— Как? Отвезти на юг, бросить в степи и глядеть, куда ты пойдешь? — осведомился Ман ехидно. — Впрочем, ладно.

Если ты такой прожженный бродяга-следопыт, угадай, откуда я родом.

— Ман — это настоящее имя или найденное? — неожиданно спросил Матурана.

— Настоящее.

— Значит, западный Го Дун-Бай, долина Вел Ши.

Ман несказанно удивился:

— Верно, во имя Каома! Я велш. Хм... Хорошо, скажи, сколько селений лежит между холмами Четырех ветров и Бодхайской грядой?

— Ни одного, — ответил Матурана, не задумываясь. — Там озера.

Ман, пристально глядя на островитянина, приблизился и медленно-медленно взял его за левую руку.

— Да, — сказал Матурана непонятно к чему.

Горец-велш на мгновение замер, потом рывком приподнял рукав свободной рубахи чужеземца. Даан успел краем глаза заметить цветную татуировку: идущего по следу волка.

— Великий Каома! Ты — Идущий-по-Следу?

— Я же сказал: да, — спокойно подтвердил Матурана.

Привратник выглядел растерянным.

— Я уж думал, что вас совсем не осталось... Но ты ведь слишком молод!

— Даже император когда-то был молодым, — невозмутимо заметил Матурана.

Даан не знал, кто это — Идущие-по-Следу. Никогда раньше о них не слышал.

Чиновник, так и не сообразивший, что к чему, встрепнулся:

— Ну так как, Ман? Ты берешь их?

Ман горячо всплеснул руками, как это умеют горцы, и сразу все стало ясно.

— Конечно! Сегодня удачный день, Лю! У нас теперь лучший из проводников, сейчас о таких и мечтать не смеют! Да и эти двое нашей охране не чета, разве что Поон с ними сравниться может.

Матурана поднял ладонь:

— Еще одно, уважаемый, — обратился он к Ману. — Нас на самом деле четверо. Ручаюсь, что наш отсутствующий товарищ не разочарует начальника охраны. Он не менее хорош, чем Даан или Тин Пи.

— Да-да, — вставил Лю-чиновник. — Басагурен в письме рекомендует четверых.

Ман оживленно закивал:

— Отлично! Четвертый твой соотечественник или бодхаец?

— Бодхаец-южанин.

Привратник расплылся в улыбке:

— Сегодня нам определенно везет. Мы ведь идем на юг. Вы наняты. Впиши их, Лю. Давай-давай, не сиди, словно цон на ветке. А я пока обрадую хозяйку.

Ман направился к дому, но вдруг застыл на полушаге и вновь смерил взглядом Даана.

— Все-таки знакомая у тебя физиономия. И дерешься ты знакомо. Но я никак не вспомню...

Даан был уверен, что горец ошибается: не могли они встречаться прежде.

Матурана толковал с Лю о плате, Ихо, позевывая, глазел по сторонам, Даан размышлял, почему это хозяйка должна радоваться еще трем охранникам и одному проводнику, и тут из дома вышла красивая молодая женщина, одетая не хуже императрицы.

«Дон Хи, — понял монах. — Богато живет...»

В запасе оставалось целых три дня.

Глава пятая

1

— Если он такой ценный проводник, почему же тогда Лун Гу его упустил? — спросил Су То. Голос его не предвещал ничего хорошего.

Даан терпеливо пояснил:

— Никто не знал, что он — Идущий-по-Следу. Лун Гу тоже не знал.

— Сказали бы Лун Гу, пошли бы в Даоден, — отрезал Су То. — Крутит что-то твой дружок-чужеземец.

Даан на секунду задумался. Известная логика в словах южанина имелась. Но почему-то Даан был уверен, что Матурана ничего не сказал бы и Ману, если бы тот сам не догадался.

— Зря кипятиться, Су. Матурана уже не раз доказал верность Обряду.

— Тогда почему он все скрывает от нас? Ведет своими путями, решает все сам. Мы ему не нужны, это же ясно! Его интересуется лишь Око, а оно может интересоваться только нас, избранных Каома. Он опасен, Даан, не будь слепцом. Ихо тоже появился вроде бы случайно. А я уверен: он с чужеземцем заодно.

— Да успокойся ты, Су. Они же нам помогают! Было время убедиться в этом.

Су не сдавался:

— Теперь еще оказывается, что чужеземец — Идущий-по-Следу. Но кто они — Идущие? Ты знаешь?

— Нет.

— И я не знаю. Кто может ручаться, что они с Орлами не заодно?

— Никто.

Даан устало прикрыл глаза, а когда снова открыл их, в комнате стоял Басагурен, бесстрастно глядя на монахов. Даан машинально поднялся, отдавая дань уважения старшему; Су То нехотя последовал его примеру.

— Уважаемый, — обратился к нему Даан, — кто такие Идущие-по-Следу? Вы можете нам рассказать?

Басагурен долго глядел на монахов, потом отрицательно покачал головой и вышел за дверь. Даже если он что-нибудь и знал, с монахами знанием не поделился.

Даан огорчился. Басагурен был соотечественником Матураны, а значит, у Су То появился лишний повод злиться на островитян.

— Давай уйдем, — тихо предложил Су То. — Без всяких караванов. Сами. Видит Каома, так спокойнее.

Даан вдруг понял, что отговорить южанина ему не удастся.

Поэтому он и не пытался. Только устало опустился на застеленные нары.

Тревога — она будет его спутником до самой долины Утан. Лишь в этом Даан нисколько не сомневался. Прочие изгибы будущего крылись в тумане еще не наступивших дней.

2

— Госпожа, — обратился к Дон Хи горец-велш, — я должен вам кое-что рассказать.

Хозяйка, лежа на цветастых шелковых подушках, читала желтоватый свиток, недавно присланный управляющим. Она давно усвоила: все, что считает необходимым сообщить верный Ман, действительно заслуживает внимания. Поэтому свиток был незамедлительно отложен в сторону.

— Слушаю тебя, Ман.

— Это касается нанятых сегодня в караван новичков — проводника и трех охранников.

Дон Хи насторожилась.

— Ты не уверен в новом проводнике?

Горец протянул руку, выставив ладонь вперед:

— Нет, госпожа, проводнику я как раз верю больше, чем себе, и на то есть веские причины. Беспокоит меня один из новых охранников.

— Продолжай, — велела Дон Хи.

— Он отменный боец, госпожа, — задумчиво протянул горец. — Боюсь, лучший в охране.

— Даже лучше Поона? — перебила хозяйка.

— Может быть.

— Даже лучше тебя?

Ман помедлил с ответом.

— Ему недостает опыта. Я с ним справлюсь.

— Это все?

— Я как раз подхожу к самому главному. Помните, как двое бродяг поколотили у наших ворот человека из клана Орла?

Хозяйка кивнула — такое случалось не каждый день. Глава клана Гут Фо тогда прислал ей богатые подарки и рассыпался в благодарностях за то, что о его человеке позаботились в доме Дон Хи. Мало кто в столице мог похвастать, что заслужил благодарность Гута Фо.

— Этот новенький дерется точь-в-точь, как те бродяги. У них одна и та же техника. И мне известна эта техника. Ею пользуются лишь монахи Северного монастыря.

Дон Хи возразила:

— Но ведь и у тех двоих, и у сегодняшнего длинные волосы! Они не могут быть монахами.

Ман развел руками:

— В монастырях не обучают посторонних. По крайней мере до такого уровня, как у этих. Кстати, полагаю, что четвертый круг они все уже прошли и успели изрядно продвинуться в пятом, а это не меньше двенадцати лет Постижения. Чтобы стать такими мастерами, нужно тренироваться с детства. И именно в монастыре.

— Ну хорошо. Однако чем это может угрожать каравану?

— Я не удивлюсь, если они не в ладах с кланом Орла.

Как обычно, Ман предоставил хозяйке самой делать выводы. Дон Хи задумалась. Гута Фо она недолюбливала, его подручных тоже, но Орлы имели огромное влияние, и в Столице, и в других уголках Империи. Трения с кланом были крайне нежелательны. Впрочем, Ман все же нанял этого странного юношу, значит, скорее всего все обойдется.

— Ты говорил об этом кому-нибудь?

— Нет, госпожа.

Дон Хи ожидала именно такого ответа.

— Присматривай за ними. За всеми новичками, — сказала хозяйка и потянулась к отложенному свитку.

Ман сдержанно поклонился и вышел.

3

Уйти решили под утро. Ихо и Матурана вернулись из города поздно и сразу же улеглись, даже не поужинав. Монахи легли раньше, чтобы поспать хотя бы несколько часов.

Рано утром Даан и Су То встали, и тихо-тихо, боясь потревожить Матурану и Ихо, вышли во дворик. Там было ненамного светлее, чем в комнатах: до восхода оставалось еще не менее получаса.

Сумку со святыней нес Су То.

Квартал еще спал, как и весь город. Только где-то далеко, за Кольцом Площадей, слышался далекий стук кузнечного молота, наверное, из квартала мастеровых. Работа там велась даже ночами.

Утренняя прохлада приятно щекотала кожу. Даан поежился. Ему совсем не хотелось уходить, оставлять непостижимого чужеземца и спокойного Ихо, ведь эти двое прекрасно послужили Всевышнему. Почему так настроен против них его спутник-южанин?

Даан не понимал. Ну, пусть, Матурана и Ихо не монахи. Ну и что с того? Великий Каома не видит разницы между торговцем и воином — перед его взором равны все смертные. Каждому воздастся за его поступки, а не за принадлежность к какому-либо сословию.

Калитку, ведущую на улицу, заперли еще вчера вечером. Су То ловко вскарабкался на каменную стену и огляделся — ни души. Он призывно махнул Даану и мягко прыгнул со стены.

Немного поплутав извилистыми улочками, они вышли к Кольцу Площадей. Рынок тоже еще спал: торговцы на все лады храпели, расположившись на телегах с товаром, на мешках, на прилавках, а то и просто на бульжнике, подстелив всего лишь тонкие циновки. Откуда-то из-под повозок лениво брехнула собака, отработывая хлеб сторожа, но, убедившись, что прохожие вовсе не покушаются на хозяйский скарб, тут же затихла.

Дорогу к городским воротам Даан отыскал без труда.

Собственно, тут заблудиться умудрился бы только крот: широкая улица убегала от рынка к северной стене. Вообще-то монахам нужно было на юг, но они боялись не найти прохода через Столицу. А путь к северным воротам они запомнили вчера.

Одинокий страж дремал, опираясь на копьё. Из привратничкой доносился могучий храп. Монахи хотели проскочить незаметно, но страж проснулся, едва они приблизились.

— Эй! Куда претесь в такую рань?

— В горы, — осторожно ответил Даан. — На Фын-Бай. Мы там живем...

— Что в мешке? — раздраженно перебил привратник.

— Еда. Припасы...

— Покажите.

Сказали это повелительным, не терпящим возражений тоном.

Даан не успел и слова вымолвить; Су То покорно взялся за сумку с Оком, приблизился к стражу и выключил его едва заметным движением локтя.

Даан подхватил обмякшее тело, чтоб доспехи не загремели, ударившись о булыжную мостовую.

Опустив привратника без малейшего шума, Даан выпрямился. Су То возился с запором.

— А, семь драконов... Заперто.

— Брось, Су. Некогда.

Даан кошкой взлетел по воротам на остроконечный гребень.

Спустя минуту они уже припустили прочь от городской стены.

Солнце вот-вот должно было взойти, восток порозовел, первые птицы подали голос.

Оставляя Столицу справа, монахи направились на юг, к далекой еще долине Утан.

4

Той вошел к Гуту Фо, пытаясь не утратить невозмутимость.

Глава Клана Орла читал бессмертный трактат Моона Гая, переплетенный в скрипящую кожу. Он не пошевелился и не поднял глаз от страницы.

— Что скажешь, Той?

Гут Фо говорил ровным и бесстрастным голосом.

— Рано утром монахи бросили чужеземца и Змею в островной общине и покинули город! Они вышли через северные ворота, но направились на юг, мимо стен. Я выслал за ними слежку.

— Слежку? — Гут Фо стремительно встал. Полами дорогого халата прогулялась едва заметная волна; шелк искрился, отражая утреннее солнце. — Их давно пора схватить, Той! Я сам не понимаю, почему терплю твоё бездействие. Сколько ты будешь огорчать меня? Жалкие четверо щенков против самого могучего клана в Империи — и мы не можем с ними справиться! Я недоволен, Той, крайне недоволен. Не поискать ли мне нового помощника?

Той побледнел. Но возразил: все же он был смелым человеком:

— Хозяин, вы прекрасно знаете, что это не просто молодые несмышлениши. И островитянин с ними не просто островитянин. И четвертый — не мальчишка-неумеха, а Змея, и умелая Змея. К тому же нам не везло.

Гут Фо фыркнул. Гнев его отступил вглубь, лицо вновь стало спокойным.

— Не везло! Не может же вам все время не везти — на небе что-то перевернулось бы. Действуй, Той, и постарайся не разочаровать меня на этот раз.

Той поклонился.

— Постараюсь, господин.

Он вышел из покоев Гута Фо, надеясь, что удача наконец-то соизволит улыбнуться ему.

5

Матурана проснулся рано с неясным чувством тревоги. Он не сразу понял, что в комнате с ним находится только Ихо, но когда заметил исчезновение монахов, не удивился. Он давно ждал чего-то подобного. Удивляло, что Су То терпел так долго.

В том, что зачинщик расставания именно Су То, а не Даан, Матурана не сомневался ни секунды. Южане есть южане, они не терпят, когда им утирают нос.

Караван выступал через два дня на третий. Значит, у Матураны было чуть более двух суток на поиски и сутки на возвращение.

Оставив Ихо досыпать в комнате, островитянин выскользнул во двор.

Квартал просыпался; Матурану в общине хорошо знали, поэтому он сразу принялся за расспросы: не видел ли кто, как уходили его спутники-бодхайцы, южанин и горец? В городе ничего невозможно скрыть, Матурана еще раз в этом убедился.

Четвертый по счету соотечественник поведал, что видел, как незадолго до рассвета Су То и Даан отправились к Кольцу Площадей, в сторону северных ворот. И вели себя так, словно намеревались оставить свое отбытие в тайне.

У ворот Матурана заметил усиленную стражу. Это могло быть связано с монахами, если они утром прошли через пост при помощи силы. Короткие расспросы утвердили его в этой мысли: кто-то утром оглушил стражника, но ворота не тронул. Даже карманы бесчувственного солдата не удосужился обшарить, а там было чем поживиться. Но почему Даан и Су направились к северным воротам? Неужели они не прямоком в сторону Утана?

Поразмыслив, Матурана предположил, что они побоялись заблудиться в незнакомом городе и пошли уже известной дорогой. Вскоре он утвердился и в этой мысли: следы монахов, найденные без особого труда, вели вдоль городс-

ких стен и почти сразу отклонились к югу. Матурана вздохнул. Взрослые ведь люди эти монахи, но ведут себя словно капризные дети. И как таким можно поручать Обряд? Определенно пора менять устоявшийся порядок вещей. Обычай предков, конечно, надо чтить, но когда они начинают мешать жизни, их приходится менять. Монастыри слишком уж цепляются за прошлое.

Еще через тысячу шагов Матурана убедился, что не он один идет по следу монахов. За ними спешил отряд в полтора десятка человек, и Матурана понял, что это, конечно же, Орлы. Больше некому.

Он взглянул вперед. Виднелся южный тракт, к которому направлялись монахи; по нему неторопливо тянулись путники — пешие и конные. Хватало и повозок, запряженных буйволами или лошадьми. Вокруг раскинулись возделанные поля, там и сям на них маячили конические крестьянские шляпы. Сетуя на капризы судьбы, Матурана поспешил по следу.

Монахов угораздило уйти в самый неподходящий момент.

Островитянин прекрасно сознавал, что незамеченными они могут дойти только до Столицы, а дальше любопытных ушей и глаз на их долю хватит до самого Утана. Поэтому он и стремился пристать к каравану. И сейчас, когда это почти удалось, монахи исчезают. Великий Каома, как теперь глядеть в глаза Басагурену? Ведь Басагурен помог, и с письмом, и вообще.

Получается, что Матурана подвел его. И всю общину подвел.

Потому что договор под двумя лунами ценился превыше всего. Да и как иначе? Как тогда можно вести дела? Как торговать?

Если Матурана не вернет монахов до отхода каравана, в столичной общине, да и во всех остальных, можно больше не появляться. С ним даже не заговорят: он нарушил уговор.

Обещал и не выполнил обещание.

Вскоре следы вывели на дорогу и растворились, затоптанные всеми, кто прошел здесь позже. Оставалось внимательнее следить за обочинами, чтобы не прозевать место, где монахи или Орлы свернут с дороги.

На одинокого путника без поклажи смотрели без удивления — мало ли людей спешит по делам помимо торговых? Может, это вестник. Или беглый. Тогда вообще лучше держаться от него подальше. Матурана стремительно шагал по укатанной дороге, обгонял повозки и пешеходов, уступал дорогу всадникам, мимоходом кланялся вельможам, чтоб не вздумали прицепиться.

Этим только дай повод. Тем более Матурана чужеземец. Могут пристать просто от дорожной скуки.

Вскоре Матурана заметил Орлов. Десяток крепких ребят трусили по дороге, еще четверо по обочинам. Двое по левой, двое по правой. Видно, тоже приглядывались к следам.

Опустив голову, чтоб труднее было разглядеть его лицо, Матурана поспешил вперед.

6

Когда Ихо приподнял голову и осмотрелся, солнце уже успело изрядно подняться. В комнате для гостей, кроме Ихо, никого не было; из глубины дома доносился жизнерадостный щебет вчерашних развеселых девиц.

Ихо встал и вышел во двор, к фонтану. Что же, если монахам и островитянину нравится играть во взрослые игры и думать, будто Ихо слепец и ничего не замечает — пусть думают. Пусть исполняют свой Обряд, несут Око Каома самостоятельно. Ихо не в обиде. Просто будет рядом с ними и все. Пока есть пара свободных дней до отправления каравана, он побродит по Столице, поглазет на городскую жизнь. Когда еще доведется сюда попасть?

Ихо с наслаждением умылся; вода был холодная, совсем как в горных источниках. Потом его зазвал пожилой островитянин в соседний двор и накормил странной едой Архи-

пелага. Блюда были иные, чем вчера, но столь же вкусные. Островитянин плохо говорил по-бодхайски, объясняться пришлось в основном жестами. Поблагодарив за угощение, Ихо показал, что собирается в город. Хозяин кивнул и, указав на солнце, на запад и на блюдо с едой, легонько хлопнул по столу. Ихо догадался, что его приглашают на ужин и благодарно потряс руку островитянина.

Потом он отправился бродить. Решил, что главное — лучше запоминать дорогу, и зашагал по узкой, похожей на ущелье улочке.

Вскоре кварталы островной общины остались позади, а перед глазами открылся рынок Кольца Площадей. Ихо влился в толпу, стараясь никого не толкнуть. На призывы настойчивых торговцев он только улыбался; предлагали ему что угодно — от жареных креветок до длинных низок жемчужных бус. Не видя заинтересованности, торговцы отвязывались и подступали к новым прохожим. Повозки с товарами стояли без всякого порядка, как придется, приходилось меж них лавировать, огибая группы людей. Прямо на бульжной мостовой играли в маджонг, Ихо тоже схватили за рукав и предложили сыграть. Он отказался, широко улыбаясь. Но мальчишка лет двенадцати настойчиво подталкивал его к играющим. Ихо мягко отстранил зазывалу и рядом тотчас выросли двое парней постарше.

— Эй, ты зачем обижаешь моего брата? — неожиданно радушным голосом сказал тот, что на вид казался покрепче. Ихо усмехнулся и направился в сторону, собираясь просто уйти. Но там тоже стояли двое и нехорошо ухмылялись. Этим было далеко до радушия первого, от них веяло желанием подрасться, и желательно всем против одного. Ихо вздохнул. Потом предельно скучным голосом обратился к радушному:

— Послушай, заботливый брат. Я не играю в маджонг, и у меня нет денег, которые можно отнять. Поэтому угомони своих подпевал и ищи жертву побогаче.

За спину ему скользнули сразу двое, Ихо прервал речь и переместился в сторону; теперь справа его защищала низкая повозка, груженная корзинами с виноградом.

Наверное, Ихо пришлось бы драться, не появившись в этот момент солдаты Надзора. Игроки в маджонг и зрители тотчас отвлеклись от назревавшей ссоры; Ихо не стал ждать — обогнул телегу и торопливо зашагал прочь.

Рынок на площадях тянулся навстречу. Стараясь обходить стороной места, где играли в маджонг и лайан, Ихо брел, поглядывая по сторонам. Находиться в центре толпы было очень непривычно, но забавно. Ихо привыкал к новому ощущению. Потом он вспомнил первый день, когда за ним и монахами следили Орлы, и, спохватившись, стал часто оглядываться.

Как выяснилось, не зря. Довольно скоро он обратил внимание на высокого парня в халате, лицо которого показалось ему знакомым. Он вроде бы и не обращал внимания на Ихо, рассматривал товары, перебрасывался словами с продавцами, смеялся их шуточкам. Но все время держался неподалеку.

Ихо его вспомнил: с ним пришлось сразиться у отрога Пе, незадолго до встречи с монахами и Матураной. Тогда Ихо обошелся всеобщей техникой и шестом. Обойдется ли сейчас? Кто знает, может, он и не один. В родных горах Ихо легко ушел бы от соглядатаев, скрылся в каком-нибудь ущелье или в зарослях.

А здесь в городе преимущество было на стороне Орлов.

Ихо отошел за цветастую палатку торговца рыбой и осторожно выглянул: парень подозрительно глядел в его сторону. Но Ихо, похоже, не видел. Вытягивал шею, вертел головой. Потом стал делать лихорадочные знаки кому-то невидимому перед левым рядом.

«Уходить нужно», — подумал Ихо. Связываться с Орлами в непривычно шумном городе совсем не хотелось. Он осторожно выглянул из-за палатки, но в пестрой толпе выделить второго соглядата не смог. Да и как его выделишь?

Удивительно, что Ихо узнал первого в такой толчее. Это Матурана мастак обнаруживать слежку и, наверное, уходить от нее. А Ихо привык к безлюдью долин Фын-Бая...

Второго Орла он заметил, едва отошел от рыбной палатки.

Высокий, как и все Орлы, горожанин, почему-то не в халате, а в обычных батах и светлой рубахе. Он глядел на Ихо в упор, словно пытался просверлить того взглядом. На секунду замешкавшись, Ихо толкнул проходящего мимо парня прямо на Орла, а сам метнулся в сторону. Через толпу приходилось продираться как сквозь густой кустарник. Сквозь кустарник было даже легче. Но далеко Ихо не ушел, он завяз в сразу же насторожившейся массе завсегдатаев рынка, а Орлы пронизывали ее будто нож масло. Вмиг Ихо был окружен, и первый Орел напал на него. Ихо отшатнулся и встал в стойку.

Противников было четверо, всеобщей техники хватило всего лишь на несколько мгновений, а потом пришлось отражать резкие удары и выпады нитью кобры. Орлы словно обрадовались и надели с удвоенной силой. Ихо почувствовал, что долго не продержится. Он приседал и лнул к земле, потому что Орлы предпочитали высокие стойки и удары на верхнем уровне, но это все равно не спасало. Уже несколько ударов пришлось не отводить, а принимать. Еще минута, и Ихо пропустил подсечку, едва успев увернуться от мощного добивающего сверху.

Зрители, образовавшие плотную стену вокруг стычки, не вмешивались — Орлов в Столице побаивались. Нечего было и надеяться на чью-нибудь помощь. Из последних сил отбиваясь, Ихо выискивал щель в плотных рядах людей, а там придется уповать только на везение.

Но помощь, вопреки ожиданиям, пришла.

Двое невысоких гибких парней, в халатах, как и Орлы, но не в красноватых, а в светлых, вдруг прорвали живое кольцо на площади и сбили с ног двух Орлов, встав рядом с Ихо. Тот молча отбивался от четвертого.

Оба неожиданных помощника использовали технику Змеи, но их манера сильно отличалась от стиля, которому обучался Ихо. Они меньше работали ногами, но зато движения рук получались куда сложнее, чем привык Ихо. Кроме того, они прекрасно работали в паре, действуя как единый организм, четверорукий, четырехглазый... Легендарный Тан Дао, да и только...

Один застыл, изобразив правой рукой змею, вставшую на хвост; на его полусогнутые ноги, прямо на колени, вскочил второй, оттолкнулся и прыгнул, быстрый, как тень. Два пальца вытянутой руки поразили одного из Орлов в грудь и противник упал.

Тем временем Ихо расправился со вторым, тем самым, кого уже победил с помощью шеста совсем недавно. Трое против четверых — это не то что в одиночку...

Уцелевшие Орлы переглянулись; один из них громко свистнул.

Тотчас за их спинами встали несколько человек. Ихо пересчитал — семь. Среди них оказался и недавний любитель маджонга, тот, что заступался за своего малолетнего брата. Он тоже узнал Ихо и радостно шагнул вперед.

— Ты вздумал удрать от нас? Ха! От нас еще никто не удирает...

Больше он ничего не успел добавить — Змея нанесла удар в шею.

Парень осел на бульжную мостовую словно пустой джутовый мешок. Подмога оказалась похлипче, чем Орлы из первой четверки, вот те действительно были мастера. А эти — просто уличные шалопаи. Даже Ихо это понял. Положив троих подряд, Змеям удалось вырваться за пределы кольца. При этом poleg еще один из настоящих Орлов, Ихо только порадовался.

Потом был долгий бег по улицам, сначала по людным, а позже — по кривым закоулкам ремесленных кварталов. Ихо не понимал, гонится ли кто-нибудь за ними. Голова гудела, в первые минуты стычки с Орлами ему здорово досталось и сейчас Ихо соображал туго.

Его провели в узкие сводчатые ворота; на стене рядом с воротами умелой рукой была нарисована желто-зеленая змея, свившаяся кольцами. За воротами открылся просторный двор, давно не метенный. В деревянных обломках у стен с трудом угадывались приспособления для тренировок. Кто-то их крушил без разбора, и происходило это очень давно — дух запустения прочно обосновался в этом месте. В окнах низенького, похожего на таут, домика отсутствовали стекла, мебель тоже была сломана и везде лежал толстый слой пыли.

Один из незнакомцев пропустил Ихо в дверь, огляделся и скользнул следом. Второй прошел внутрь еще раньше.

— Ты из клана Змеи? — жестко спросил тот, что казался постарше.

Ихо покачал головой:

— Нет. Я одиночка.

Он хотел добавить, что Учитель, вероятно, принадлежал к этому клану, но вовремя прикусил язык. Ведь старик, заменивший ему родителей, предупреждал: никому никогда не говорить о владении запретной техникой.

— Кто тебя учил? — последовал новый вопрос, но Ихо лишь слегка улыбнулся в ответ.

— Брось, Хон, он ничего не скажет, — перебил второй. — И будет прав.

Хон пристально взглянул на Ихо и вздохнул.

— Ладно. Не хочешь — не говори, мы не станем тебя донимать расспросами. Только знай: мы — твои друзья. И когда встретишь своего Учителя, обязательно скажи ему: клан Южной Кобры еще жив. Пусть приходит к нам, Орлы сильны только в Столице и на севере.

— Ладно, — сказал Ихо.

— Мы сегодня уходим из города. Если хочешь — пойдем с нами. Тебе будут рады.

Ихо очень хотелось последовать за новыми знакомыми, потому что их техника заморозила его и вновь проснулось желание научиться чему-нибудь новому. Но он отрицательно развел руками.

— Нет, не могу. Я нанят на работу. И меня ждут друзья, которым я должен помочь.

— Ясно, — кивнул Хон. — Если обещал...

— Расскажите, как вас найти, — перебил его Ихо. — Я приду, обязательно приду. Как только смогу.

— Знаешь город Сай Хэ? На южном побережье?

Ихо не знал.

— Это недалеко от Токина. Спросишь. А в городе, — Хон улыбнулся, — ищи изображение кобры.

— Понятно, — отозвался Ихо. — Обещаю, что приду.

— Меня зовут Хон То, моего брата — Чон. Если хочешь, назови свое имя.

— Мое имя — Тин Пи, но все зовут меня просто Ихо.

Хон снова широко улыбнулся.

— Слышал? И с таким прозвищем он пытается скрываться!

Тихий смех нарушил тишину покинутого дома.

— Нам пора идти.

— Пойдите. — Ихо поморщился, взявшись за ноющий бок. — Где мы находимся? Как мне отыскать дорогу к островной общине?

Хон, казалось, удивился.

— Островная община? Что ты там забыл?

— Один из моих друзей родом с Архипелага. В общине мы скрывались от Орлов.

— Твои друзья тоже недолюбливают Орлов? Впрочем, чему удивляться? Мы выбираем друзей среди подобных себе... А находимся мы в старой школе клана Змеи, разоренной Орлами почти сорок лет назад. Если ты выйдешь из ворот и свернешь налево, вскоре окажешься у Кольца Площадей. Сверни еще раз налево и выйдешь как раз к кварталам общины. Но будь осторожен, не попадись Орлам снова...

— Давай его проведем, — предложил Чон брату. — Боковыми улицами. Мы ведь никуда не опаздываем.

— Правильно, — согласился Хон. — Давай. Я и сам об этом подумал.

Он выглянул во двор — все было тихо. Троица неслышно покинула школу и направилась к Кольцу Площадей.

— Ты здорово работаешь ногами, — похвалил Хон. — А вот техника рук какая-то странная. Но вообще мы удивлены. Давно не встречали такого крепкого бойца в стиле Змеи, да еще совсем незнакомого.

— А что, есть и другие? — оживился Ихо.

Хон подтвердил:

— Есть. И много.

Ихо на секунду остановился. На сознание словно накатил шемящая волна, и вдруг он понял, что бесцельное существование последних лет закончилось. Жизнь вновь обретала смысл — искать себе подобных. Таких, как Учитель.

Ведь помогать монахам и Матуране он стал оттого, что нашелся общий враг. Если бы не исчез Учитель, Ихо вряд ли прибился к ним.

До общины он добрался ближе к вечеру, простившись с братьями на пустынной улочке.

— Сай Хэ, — прошептал он. — Недалеко от Токина...

И побрел к знакомому островитянину ужинать, потому что ни монахов, ни Матураны в комнате не нашел.

7

Влажными тропками, что тянулись вдоль оросительных канавок, монахи вышли к южному тракту. Несмотря на ранний час, на тракте былолюдно. Даан взглянул на Су То. Путник как путник, не отличишь от остальных.

— Ну что, Су? Рискнем? Или пойдем скрытно?

Южанин насупился. Раньше подобные вопросы просто и естественно решал Матурана, теперь же приходилось выбирать самому. Это оказалось не так просто, как представлялось вначале. Боязнь ошибки вдруг вселилась в Су То, а раздражение и неприязнь к чужеземцу вспыхнули с новой силой. Даже оставшись в Столице, он умудрялся доставлять Су То неприятности!

— Решай сам, — буркнул он неприветливо.

Даан только вздохнул. «Как бы не пришлось жалеть об этом уходе», — подумал он с внезапным унынием.

— Рискнем! — решительно сказал Даан вслух и ступил на гладкие булыжники тракта. Су То последовал за ним, поправив сумку с Оком на плече.

И они зашагали на юг размеренной поступью опытных ходяков.

Обгоняли неторопливо ползущие телеги со скарбом, товарами, овощами. Спешили убраться с пути стремительно скачущих всадников. Провожали взглядами колесницы вельмож. И терпеливо втаптывали минуты и часы в рыжую дорожную пыль.

Наверное, точно так же они бы шли вместе с караваном, но тогда в душе не нашлось бы места тревоге. Даан мимоходом глазел по сторонам; жизнь крестьянских равнин была ему, монаху-северянину, в диковинку. Су То тоже вертел головой, даром что южанин.

Смутное беспокойство Даан ощутил ближе к полудню. Словно кто-то пристально смотрел ему в спину. Многим знакомо это чувство: вроде бы нет никаких причин тревожиться, однако оно гложет и гложет, и не раз, доверившись ему, потом приходилось радоваться. Даан стал часто озираться, опасаясь слежки, но как отыскать слежку на тракте, где все двигаются потоком, рекой?

Понятно, всех, кто идет навстречу, можно не принимать во внимание. Но как выделить излишне любопытных среди попутчиков?

Не те ли сумрачные люди на скрипучей повозке под тентом? Нет, не похоже, они и на дорогу-то не смотрят, полностью доверившись двойке исхудавших лошадей, что понуро плелись, цокая подковами по булыжнику. Или вон те шумные парни в одинаковых черных балахонах... Хотя это наверняка студенты. Интересно, что позвало их в путь? Может, они не городские и отправились домой, когда случился перерыв в учебе? Даан слышал, что в школах есть перерывы.

Даже слово специальное ему когда-то называли, обозначающее отдых для студентов. Даан порылся в памяти, и нужное слово, как всегда, быстро отыскалось.

Каникулы. Точно.

Даан отвлекся от разглядывания студентов, едва не налетев на медленно тащившегося старика в каких-то невообразимых лохмотьях вместо одежды.

— Эй! — устало сказал старик с сильным акцентом Архипелага. — Осторожнее!

— Простите, уважаемый, — смутился Даан. — Я не хотел вас толкнуть...

— Когда идешь по дороге, смотреть нужно вперед, а не за спину! — назидательно сказал старик, указывая пальцем в сторону, куда надлежало смотреть.

— Да-да, конечно, — поспешил согласиться Даан. — Простите еще раз.

Монахи обогнали старика. Су То недовольно проворчал:

— Чего ты извиняешься перед каждым бродягой...

Даан промолчал. Не хотелось заводиться. Насколько помнилось, раньше извинений Даан никому не приносил, ни бродягам, ни вельможам. Тем не менее он не стал возражать спутнику. Как ему объяснишь, что... Даан не мог подыскать нужные слова.

В общем, не похож был этот старик на простого бродягу. Балахон его только напоминал одежду бродяг: Даан заметил, что балахон был чистым. Где вы встретите бродягу в чистой одежде? И вообще старик выглядел ухоженным: борода подстрижена, башмаки вполне крепкие, даже ногти на руках чистые — Даан и это успел отметить.

Даан перестал оглядываться.

— Су... — сказал он, поморщившись. — У тебя нет чувства, что за нами идут?

Южанин набычился и негромко спросил:

— И тебе тоже показалось? Я не хотел попусту беспокоить тебя, раз ничего особенного не заметил, но в спину нам пялятся — это точно.

Теперь Даан не сомневался. Если и Су То почувствовал слезку, за ними действительно наблюдают. Монахи пятого круга привыкли доверять чутью.

— Давай сойдем с тракта, — предложил Даан. — Словно решили отдохнуть.

— Тогда нужно дойти до какой-нибудь придорожной харчевни. Или хотя бы до простого родника.

— А они есть по пути?

Су То пожал плечами:

— Должны быть.

Даан поразмыслил. Таким способом они, конечно, могут выявить соглядатаев, но удастся ли избавиться от них? Впрочем, их еще нужно выявить. Этим для начала и стоило заняться.

Но харчевен вдоль дороги, как назло, долго не попадалось. Не видели они и просто отдыхающих путников, поэтому шли и шли дальше, невольно ускоряя шаги.

Около полудня Су То не выдержал.

— Великий Каома! Так мы приведем их прямо к первому Месту, в Утан. Давай задержимся здесь — гляди, вон кто-то отдыхает.

Невдалеке и впрямь виднелось несколько повозок; вокруг них хлопотали торговцы-шаны. Тянуло дымом и запахом готовящейся пищи.

Су То, не дожидаясь ответа Даана, повернул к ним. После истертых тысячами ног булыжников тракта земля показалась мягкой и податливой, как ноябрьский снег. Даан последовал за южанином.

Торговцы при их виде оставили хлопоты и подозрительно воззрились на непрошенных гостей. Наверное, здесь водилось немало охотников пополнить дорожные суммы за счет других.

— День добрый, почтенные! — миролюбиво сказал Даан, приблизившись. — Легок ли был ваш путь? Удачны ли сделки?

Один из шанов, грузный мужчина в возрасте, с трудом маскируя неприветливость в голосе, осведомился:

— Что тебе за дело до нашей торговли? Ступайте своей дорогой и не лезьте к нам. Не то...

Шан не стал уточнять, что именно произойдет, если монахи не уйдут, но, наверное, он хотел сказать, что им не поздоровится.

— Не думайте, что мы лихие люди, — сказал Даан невозмутимо. — Мы мирные путники, просто у нас закончилась вода. Нет ли здесь поблизости источника?

Шан недоверчиво смерил их взглядом. Потом обернулся и негромко позвал одного из своих спутников:

— Гаат! Налей им воды.

Невзрачный паренек, весь какой-то затравленный и помятый, мигом принес большую чашу. Даан с наслаждением выцедил половину и передал ее Су То. А сам тем временем поглядел на тракт.

Прямо напротив них стояла повозка, вокруг нее сгрудилось человек двадцать. Похоже, у повозки что-то стряслось с передними колесами. Хозяева, громко причитая, суетились, зеваки наперебой давали советы.

Су То вернул чашу Гаату и негромко, чтоб слышал один Даан, сказал:

— Это они и есть. Не владельцы повозки, а зрители. И повозку сломали они — вон те двое, в красных халатах. Я видел.

Красные халаты. Цвет клана Орла. Даан вздохнул. Неужели снова придется от них отбиваться?

Соглядатаев насчитывалось десятка с полтора. Многовато.

— Напились? — поинтересовался из-за спин шан-предводитель.

Даан спохватился и обернулся к нему:

— Да, уважаемый. Спасибо.

— К чему мне твоя благодарность? — пожал плечами собеседник. — Лучше будет, если вы пойдете своей дорогой.

Даан заметил, что он тоже с тревогой приглядывается к Орлам на тракте. Боится, что ли?

— Пойдем, — шепнул Даану Су То. — Теперь мы знаем, кого опасаться.

Поклонившись торговцам, они пошли к тракту, но не к месту, где застряла злополучная повозка, а немного южнее. Орлы тотчас утратили интерес к ремонту и рассыпались: часть побежала к месту, где Даан и Су намеревались выйти на тракт, часть осталась у повозки, часть направилась прямо к монахам.

Даан замер. Все. Стычки не избежать. Как не вовремя они пустились в самостоятельный путь! Матурана и Ихо — бойцы не из слабых, хоть островитянин и сражался исключительно редко. Если бы их было четверо — появился бы шанс против полутора десятков Орлов. Вдвоем же отбиться скорее всего не удастся.

Впрочем, если бы их было четверо, и Орлов бы послали больше. В который раз Даан позавидовал дальновидности Матураны: пойдя они с караваном, чихали бы сейчас и на сотню Орлов.

Но увы, окрестности Столицы — не северные горы. Даан, чувствующий себя уверенно только в горах, понял, что просчитался. Пошел на поводу у Су То, и вот результат. На удивление скорый.

Су То тоже остановился, поудобнее перевешивая сумку с Оком.

Выглядел он спокойным. Интересно, жалеет он об уходе или нет?

Орлы приближались. С двух сторон. Даан обернулся, прикидывая, сумеют ли они уйти прочь от тракта. До самого горизонта простирались крестьянские поля. Плоская, как стол, равнина не могла укрыть и средних размеров собаку, не говоря уже о людях.

Оставалось уповать на собственные силы и на добрую волю всемогущего Каома.

Первые Орлы оказались совсем рядом и Даан с головой погрузился в схватку. Мышцы слаженно заработали, а кулаки и ступни затянули старую песню смерти.

Даан заранее настроился на поединок со многими, поэтому с некоторым удивлением отметил, что ему противостоят лишь двое.

Правда, оба очень искусные, Даану приходилось весьма туго.

Расслабив внимание, он разглядел, что у них появились неожиданные союзники. На Орлов, оставшихся на тракте, надели хозяева сломанной повозки. А совсем рядом с монахами возник недавно встреченный на дороге старик, приотворившийся бродягой.

Тот самый, которого Даан едва не сшиб с ног. Рядом с ним бестолково топтались шестеро — целых шестеро! — Орлов, а еще двое неподвижно валялись на земле. Су То сражался с одним и явно побеждал, потому что его противник лишь с трудом отбивался и все время отступал к тракту.

Осознав, что все поворачивается не в их пользу, Орлы перегруппировались. Рассыпались, как стая воробьев, и взяли троицу в кольцо.

Даан, Су То и старик оказались рядом.

Архипелаг. Снова Архипелаг — Даан подумал, что острова вдруг стали слишком сильно чувствоваться здесь, в самом центре Бодхайской Империи. Старик ведь сражался со всем как Матурана, не ударами, а увертками и бросками.

На дороге Орлов положили — Даан с удивлением разглядел у повозки черные балахоны студентов. И еще с той стороны спешил не кто иной, как Матурана, и лицо его было сердитым до невозможности.

Орлы разом напали, Даан сбил одного, Су То сцепился со вторым, а с остальными быстро и невероятно красиво справился старик.

Все естество Даана протестовало и говорило, что так не сражаются, но тем не менее Орлы, скопом кинувшиеся на старика, почти все промахнулись; двое из них странным образом крутнулись, потеряли равновесие и упали. Прежде чем они достигли земли, старик коротко коснулся их руками.

Результат — у одного сломанная шея, а у второго, похоже, ключица. Следующая атака — еще двое валятся на землю.

И все сразу закончилось. Орлы проиграли схватку со стариком.

— Великий Каома! — сказал потрясенный Даан. Старик, без сомнения, великий мастер. Равный Высшим, равный даже Верховным Настоятелям — Бину и Тао. — Как это называется, уважаемый? Это ведь не ши-тао?

Старик, снова ставший мирным и на вид совершенно безобидным, с интересом поглядел на Даана.

— Верно. Это не ши-тао. Это айдзу-то-домэ. Тебе понравилось?

— Очень! — честно признал Даан.

Тут подоспел Матурана. Гневно глянув на монахов, он не удостоил их даже словом. Зато низко поклонился старику.

— Здравствуйте, Учитель!

Даан и Су То даже рты приоткрыли от изумления. Чудеса продолжали ввязаться в причудливый узор, и тона Архипелага проступали в нем все отчетливее.

Самостоятельный поход незадачливых монахов выдался совсем коротким — неполных восемь часов.

Глава шестая

1

Караван полз по предрассветному городу словно диковинная змея.

Десятки повозок, вьючные лошади, буйволы, верблюды и даже два невесты откуда взявшихся яка. Далаты и погонщики шагали по улицам, перебрасываясь короткими фразами: поход только начался и настроение у всех было приподнятое. Стражи, проводники и торговый люд отсиживались под тентами. Только всадники из конной охраны носились

вдоль вереницы повозок и вьючных верблюдов, наблюдая, чтоб никто не отстал. А то совсем недавно какие-то шутники в Чжуне нанялись в караван погонщиками и спустя семь минут после отхода от постоялого двора завернули пару повозок в боковые улочки и этого никто не заметил! Даже хозяин, ехавший у соседа под тентом. Повозки потом нашли в припортовых кварталах, пустые конечно же. Груз ковров работы мастеров Архипелага растворился в многолюдном городе без следа. Над несчастным торговцем коврами смеялся весь Бодхай.

Даан сонно тарасился на подернутые утренними сумерками улицы Столицы. Рядом дремал Су То, вновь завладевший сумкой с Оком.

Ихо, зевая, возился за спинами Матураны и начальника легкой охраны Поона. Последние дни перед выходом Ихо большей частью отлеживался после стычки с Орлами в Кольце Площадей.

Больше всего Даана беспокоил Су То. Южанин выглядел невозмутимым и равнодушным, но Даан подозревал, что он много чего высказал бы Матуране при случае, и поэтому старался не оставлять их наедине.

Из южных ворот караван вышел одновременно с рассветом.

Багровый диск солнца всплыл над горизонтом и с каждой минутой становился все более ослепительным. Под тентами сразу стало светло, полумрак рассеялся, уступая место народившемуся дню.

Даан уныло глядел на тракт, по которому они с Су То проходили несколько дней назад. До сих пор, вспоминая это, Даан чувствовал себя неловко. Особенно перед Матураной. Впрочем, островитянин не сказал монахам ни единого слова, не бросил ни одного упрека. Но Даан знал, что Матурана сердится. Да и как не сердиться: от до-избранников, которые пуще всего должны беспокоиться о благополучном исполнении Обряда, последнее время больше помех, чем помощи. Получалось, что практически

все, что было сделано для исполнения Обряда, — заслуга в основном Матураны. Спрашивается: зачем ему лишние хлопоты?

Зачем терпит он рядом с собой нерадивых монахов?

Даан готов был сгореть со стыда.

Он даже узнал то самое место, где стояла телега, сломанная Орлами. Конечно, никаких следов недавней стычки не сохранилось, слишком много людей прошло здесь с тех пор и слишком много повозок прогрохотало колесами по старому бульжнику.

Пока у легкой охраны дела не было. Да и не предвиделось: вооруженные стражи бдили и в пути, и на стоянках, легкая же охрана вмешивалась только при нападении на караван. Даану, Су То и Ихю даже мечей не дали, хотя практически все, кто попал в подчинение к Поону, получили оружие. Матурана вскоре после того, как покинули Столицу, выпрыгнул из повозки и убежал в голову каравана. Там же большей частью пропадал и Ман, горец-велш.

На второй день мощенная бульжником дорога кончилась. Остались позади возделанные поля и небольшие крестьянские деревушки.

На пути каравана раскинулись бескрайние южные степи, где гонял облака пыли ничем не сдерживаемый ветер. Далеко на юго-западе лежали могучие горные хребты и Крыша Мира — Сагарматха, но отсюда горы не разглядел бы и взмывший в прозрачную высь орел.

Там, на юге, всего в дне пути от океанского побережья, раскинулась неприметная долина Утан, скрытая от чужих глаз среди пологих холмов песчаного взморья. Но караван не дойдет до нее. Свернет задолго до того, как холмы можно будет различить в белесой приморской дымке.

Навстречу тянулась плоская, как пол в тауте, равнина, тянулись одинаковые дни. Караван медленно, но упорно, словно влекущий непосильный вес муравей, продвигался вперед. Днем Даан и Су То тряслись в повозке Поона, вечером сидели у костра и слушали разговоры и песни далатов и

погонщиков. В караване собрался люд из самых разных мест — и горцы, и горожане, и жители восточного побережья. Темы для разговоров не исчерпаются до самого Токи-на, цели каравана, ведь Бодхай велик и его уголки непохожи друг на друга, а человеческой любознательности нет предела. Монахи, мало что повидавшие в жизни, жадно слушали эти вечерние рассказы.

Будни ежедневных переходов были до того однообразны, что Даан всерьез засомневался: а нужно ли нанимать столько охранников?

Казалось, что в сердце степей напасть на караван просто некому. Впрочем, пусть все так и течет: меньше хлопот, Око целее, Утан ближе... Честно говоря, Даан уже устал от постоянного груза ответственности. Требовали отдыха измочаленные нервы. Ежесекундное ожидание подвоха утомило даже железную волю монаха.

На восьмой день проводники остановили караван раньше обычного.

До заката оставалось еще немало времени. Даан выглянул из повозки: в голове каравана собралось человек сорок, о чем-то ожесточенно спорящих. Даан покосился на Су То — тот дремал вполглаза, по обыкновению. Ихо еще с утра ушел к Матуране.

Рывком вскинув тело в воздух, Даан выпрыгнул из повозки.

Легкие облачка пыли поднялись у его ног и, клубясь, медленно поплыли на восток, хотя ветра совершенно не чувствовалось.

Из-под тентов выглядывали купцы и далаты, озабоченно глядя на небо и туманный горизонт справа, на западе. Даан тоже поглядел: небо, как обычно в весеннюю пору, было прозрачным и бездонным. Горизонт выглядел как всегда, разве что на западе он был несколько темнее, чем на севере, или, скажем, юге.

Матурана и Ман стояли рядом с караванщиками. Ман что-то негромко втолковывал вену, главному среди них. Ос-

тальные просто слушали, не смея вмешаться. Тут же, чуть в стороне, Даан заметил Ихо и приблизился к нему.

— Что стряслось? — спросил он негромко.

Ихо так же негромко ответил:

— Проводники всполошились... Говорят — погода портится.

Даан с удивлением взглянул на безобидно-голубое небо без единой тучки.

— Гм... Что-то незаметно. Мне по крайней мере.

— Матурана сказал, что степь — не горы. Тут все иначе. Знаешь, я ему верю...

«Конечно! — подумал Даан. — Уж Матуране-то можно верить...»

— А чем нам помешает плохая погода? — сказал он вслух. — Дождь каравану не помеха, разве что дорогу развеет... Но все равно, надолго это задержать не может.

Однако Ихо озабоченно покачал головой:

— Дождь что... Буря, похоже, надвигается, а что такое буря в степи — недавно рассказывали. Слышал?

Даан слышал. Рассказу он не очень-то поверил, но впечатление произвелось. Казалось невероятным, что ветер способен вытворять все, что ему приписывали. В горах ветер — тоже не подарок... А здесь ему нет препятствий. Да и проводники наверняка знают, что говорят и что делают.

Повозки расположили кольцом, покрепче привязав тенты к деревянным стойкам; животных ввели внутрь кольца, под защиту возникшей стены на колесах. Далаты скрепляли повозки между собой, вбивали в слежавшуюся землю длинные колья. Даан только головой качал, глядя на эти приготовления. Неужели буря так страшна? Хотя ему ли судить?

Небо на западе стремительно потемнело, солнце валилось в лиловую тучу, наползающую на степь. Далаты забегали быстрее, стараясь завершить все приготовления до ветра. Кони и буйволы беспокойно топтались, подавали голос, словно жаловались судьбе; наверное, тревога людей передалась и им. А может, они просто чуяли надвигающийся шторм. Верблюды

и оба яка, наоборот, оставались спокойными, словно ничего не происходило, а они находятся в родных стойлах.

Туча уже заняла полнеба; вскоре налетел первый порыв ветра — резкий, неприятный, несущий мельчайший песок. Швырнув его в лицо людям, ветер торжествующе взвыл.

Даан отступил к повозке Поона и забрался под колышущийся тент.

Ихо, пригибая голову, последовал за ним. В уютном сумраке повозки завывание ветра казалось не таким зловещим. Су То сонно что-то проворчал и вновь затих.

«Здоров же он спать!» — подумал Даан. Впрочем, сам он тоже спал последние дни много: грех не воспользоваться подвернувшейся передышкой.

Караван, вцепившись в сухую землю южной степи, подставил буре защищенный бок. Повозка скрипела, как стая саранчи, и заметно раскачивалась. В самый разгар бури под тент забрался Матурана.

Волосы его были взъерошены ветром.

— Ух! — сказал он, отряхивая с одежды песок. — На день, не меньше. Отсыпайтесь, слуги Каома...

Су То недовольно взглянул на него: в повозке коротали непогоду несколько стражей, подчиненных Поона, и сам Поон. Но Матурана ничем не рисковал, ибо все живущие под двумя лунами могли считать себя слугами Каома.

— Мы и так уже от сна опухли, — вздохнул Ихо.

— Если хочешь, — лениво сказал Поон, — назначу тебя в ночную стражу.

— У меня меча нет, — ответил Ихо.

Поон ухмыльнулся:

— Ничего! Ман говорит, ты и с шестом неплохо управляешься...

«А Ман-то откуда это знает? — удивился Ихо. — Или Матурана разболтал?»

Впрочем, если островитянин рассказал велшу что-нибудь о навыках нанятых людей, значит, без этого не обойтись.

— Кстати, — продолжал Поон. — Неплохо бы поглядеть, на что вы способны. Ман считает, что вы сильнее моих людей.

— Ман ошибается, — вмешался Матурана. Голос его звучал лениво и равнодушно.

Су То приподнялся на локтях, от него так и расползлась волна негодования, но, столкнувшись с металлическим взглядом Даана, Су проглотил готовое сорваться с языка выражение и лишь тяжело вздохнул.

Поон отмахнулся от Матураны, словно от назойливой мухи:

— Да о тебе и речи нет, чужеземец! Я спрашиваю о людях из моей охраны, а не о проводниках! Проводники и не обязаны быть бойцами, так что помалкивай...

— Мы, конечно, неровня тебе, Поон, — придав голосу максимально уважительный тон, сказал Даан. — Но, поверь, тоже кое-что умеем. Не зря же Ман нас нанял?

Поон кивнул.

— Это правда. Ман не стал бы нанимать неумех. Какую технику вы используете?

— Всеобщую. — Даан неопределенно пожал плечами.

Несколько мгновений Поон колебался.

— Кажется, ты не сказал всей правды. Всеобщей техники маловато для настоящего бойца. Особенно для отобранного Маном.

— Ты проницателен, — уклонился от прямого ответа Даан. — Но настоящий боец не станет попусту раскрывать свои секреты. Даже на словах.

— Вот поэтому я и хотел поглядеть на вас в деле.

— Словхватился, — буркнул Су То. — Который день уже в пути...

— Ничего. — Поон ничуть не смутился. — Каома учит не торопиться.

— Каома учит все исполнять в срок, — машинально поправил Даан.

Потом подумал, что отменное знание Учения может выдать в нем монаха. Хотя Учение постигают все, каждый в той

мере, которая отпущена ему свыше. Вдруг Даан ревностный последователь Учения?

— Верно! — согласился Поон. — Вот буря утихнет, пока снимемся — как раз успею на вас взглянуть.

И он откинулся на вытертую шкуру. Ветер затянул унылую песню непогоды, повозка раскачивалась, как живая, и скрипела.

Даан подумал, что не зря вспомнил о сроках: у них оставалось не так уж много времени. Скоро мощь Того, кто Выше, вновь наполнит Око, и прикосновение к нему станет смертельным. И если они не успеют доставить Око к первому Месту, мир окажется у края бездонной пропасти.

2

Непогода бушевала всю ночь. Лишь к вечеру следующего дня порывы ветра начали слабеть, а жалобный скрип повозок стал заметно тише. Да и сами они больше не раскачивались, будто лодки на волнах. Отоспавшиеся люди оживились, тут и там из-под тентов выглядывали, щурясь, пытливые лица. Даан тоже выглянул. Небо посветлело, хотя песка в воздухе носилось еще предостаточно. Ветер уже не сбивал с ног; кое-где из повозок выбрались далаты и бродили, громко перекликаясь и постукивая сапогами по колесам.

— Эй, просыпайтесь! — Даан пихнул Су То и Ихо. — Сейчас, наверное, сниматься начнем.

Ихо недовольно заворочался.

— Какое сниматься? Вечер скоро. До утра никто не сдвинется.

Даан вздохнул и выпрыгнул на жесткий песок. Ветер еще не совсем унялся, швырнул в лицо горсть колючего песка и негромко взвыл.

Даан выругался.

В тот же момент он споткнулся о тело мертвого далатарботника. Багровая лужа не успела еще засохнуть и потемнеть. Даан замер, спиной почувствовав опасность.

В тот же миг на него напали. Сразу двое. Оба по самые глаза закутанные в облегающие серые балахоны пустынников. На коротких мечах виднелись свежие кровавые потеки. Даан уклонился, сшиб одного из напавших и подобрал меч.

Справа от него зазвенело железо: кто-то из стражей рубился, невидимый, за повозкой.

Когда Даан прикончил и второго пустытника, Поон, Ихо и Су То выбрались из-под тента на шум и сейчас недоуменно глядели на трупы.

— Нападение! — прошипел Поон и дважды громко свистнул. Это был знак для охраны. А потом в круг повозок ворвалась целая орда пустытников. Даан заметил, как Су То поднял короткий меч и шагнул навстречу серой лавине. Еще оставалось время встать рядом с ним.

Когда Даан очнулся от сна битвы, мышцы ныли, требуя отдыха.

Меч, руки и одежда были в крови — большей частью в чужой. Су То он потерял в поднявшейся суматохе; несколько раз он видел Ихо и Матурану; кажется, оба были целы, но присмотреться времени не оставалось. Почти всех пустытников перебили; из стражников уцелела лишь половина. Погибли также несколько купцов, с десятков погонщиков и далатов. Караван отбился.

Вен с помощниками, храня на лицах печать озабоченности, обошли стоянку. Ман и начальники охраны молча следовали за ними. Был выставлен кольцевой дозор; Ман лично проверил вооружение каждого стражника. Понятно, сегодня никуда уже караван не двинется.

Монахи и Ихо присели на песчаный бугорок, наметенный бурей у колеса повозки. Спустя несколько минут к ним присоединился Матурана. Су То взглянул на него по обыновению неприязненно.

В битве он чужеземца не видел.

— Что скажешь, островитянин? — спросил его Даан.

Матурана, казалось, не слышал вопроса.

— Кто пойдет со мной? Надо прочесать окрестности до темноты.

Все трое с готовностью приподнялись, потом обменялись быстрыми взглядами.

— Су, останься с Оком, — попросил Даан спокойно. — А я схожу.

Как обычно, это сработало. Южанин соглашался на все, лишь бы Око оставалось у него. Даан удовлетворенно вздохнул, хотя он устал после битвы с пустынниками, а сейчас предстояло несколько часов болтаться среди податливых песков и, возможно, снова сражаться.

— А я? — спросил Ихо.

Матурана колебался всего мгновение.

— Пошли.

Степь, совсем недавно выглядевшая цветущей и беззаботной, теперь больше походила на бесплодные пустыни запада. Ветер нанес целые барханчики песка, волнистые, словно подернутый рябью океан. Травы прижались к почве, изогнув высохшие стебли, а те, что не сумели зацепиться корнями, унесло в пыльную даль.

Даан знал, что первый же дождь смоем рыжий налет песка с плодородных степных земель, трава вновь зазеленеет и встанет в полный рост, и будут в зарослях шнырять увальнибэхи, жирующие до следующей бури.

«Все, все под двумя лунами колеблется от жизни к смерти и опять к жизни. Мир непостоянен, и непостоянна воля Того, кто Выше. Мы не можем уклониться от качания этого маятника, иногда только удается его чуть задержать. Да и то, когда он освободится и ускорится — шатаемся от поднятого им ветра...»

Даан не заметил, как караван исчез за горизонтом. Их окружила вылизанная бурей степь. Песок и сухие стебли хрустели под ногами. Матурана присматривался к волнистому рыжему налету, словно ожидал разглядеть следы злодеев-пустынников. Но ничто не нарушало правильную поверхность, песчинка к песчинке составлявшую мертвые волны.

— Ты знаешь, что за люди на нас напали? — спросил Ихо островитянина. Он даже не сомневался, что ответ Матуране известен. И он не ошибся.

— Знаю. Это люди Поющих Песков. Живут они далеко на юго-западе, за озерами и Бодхайской грядой.

— Что же привело их сюда? — удивился Ихо. Он краем уха слышал об этих кочевниках, берущих дань с каждого проходящего каравана. Но так далеко на восток их власть не распространялась.

— Наш караван. Точнее, мы четверо... и известная тебе ноша.

Ихо настороженно покосился на Даана, но монах сам с интересом прислушивался. Вот будь здесь Су То — он бы не потерпел, когда посторонние много рассуждают об Оке Каома.

— Неужели они тоже мечтают завладеть святыней? — спросил с недоверием Ихо. — Я думал, Обряд держится в строгом секрете...

— Нет. Они даже не знают, что именно мы несем. Скорее всего их наняли Орлы. Ничего не объясняя. Поэтому они и забрались в чужие земли.

— А здешние бродяги, — поинтересовался Даан, — напасть могут?

Матурана на ходу пожал плечами:

— Вообще-то им заплачено. Но у Миина Кана в своре тоже сущие головорезы. Если Орлы предложат им больше, нападут.

Даан покачал головой. Дела! Оказывается, пустынные земли давно поделены, и хозяйничающие на них разбойники берут мзду за право прохода. Наверное, немалую. Неужели торговля приносит такие барыши, что хватает и на откуп от этих ненасытных?

Вскоре Матурана остановился, пристально взглядываясь в слабые росчерки на песке. Здесь прошли скорее всего незадолго до того, как буря утихла, но уже позже самого страшного времени.

Даан и Ихо тоже уставились под ноги, но видели только неясные оплывшие вмятины, заметные, только если долго их высматривать.

Матурана же так и зыркал по сторонам, словно книгу читал.

— Понятно, — сказал он некоторое время спустя. — Они долго следовали за нами. А перед бурей прятались от людей Миина.

Значит, с Миином стоит поговорить.

Даан переглянулся с Ихо. То, что Матурана прочел на песке, для них осталось тайной за семью печатями. Поражаться способностям чужеземца уже не было сил. И ведь он ровесник и монахам, и Ихо, а насколько больше знает об окружающем мире! И это он еще в чужой земле. «А дома? — тут же возникал невольный вопрос. — У себя дома он наверняка чувствует себя еще увереннее...»

Спустя час или полтора их окликнули. Матурана петлял по степи, словно кого-то выискивал. Собственно, Даан сразу понял, что он ищет того самого Миина Кана. Или его подручных.

Перед путниками словно из-под земли возникли трое закутанных в такие же, как и у пустынников, балахоны, только не серые, а буро-зеленые. Рук их, скрытых под одеждой, Даан не разглядел, но не сомневался, что каждый сжимает какое-нибудь оружие.

Матурана заговорил с ними на полупонятном диалекте, то и дело вкрапляя целые реплики из жаргона столичной шпаны. Даан понимал его плохо; Ихо — с пятого на десятое. Но общий смысл Ихо все же уловил.

— Они знают о нападении, — шепнул он Даану. — Спрашивают, много ли наших погибло.

Даан исподлобья взглянул на Ихо, словно удивлялся, что тот понимает странно исковерканные фразы.

— Требуют доплатить за охрану... — продолжал переводить Ихо.

Матурана спокойно возразил, а когда один из троих потянул из складок балахона меч, добавил короткую хлесткую фразу.

Вспыльчивый обернулся и свистнул; появился четвертый, ведя под уздцы низкорослых мохноногих лошадок. Матурана и двое степняков вскочили в кожаные седла, причем островитянин скользнул на круп лошадки так ловко, что невольно подумалось, будто он всю жизнь только и занимался, что шатался верхом по окрестным степям.

— Я к Миину загляну, — негромко сказал он Даану. — Вернусь затемно. Передай Ману, что все будет улажено. Караван во-он там, держите закат за правым плечом и скоро выйдете.

— Удачи, — спокойно пожелал Даан и направился к каравану.

Здесь не задают лишних вопросов и ничему не удивляются — понял он. Ихо молча последовал за ним. Он ведь тоже был из понятливых.

Кольцо повозок они разглядели вдаль, когда начали сгущаться сумерки.

3

Матурана вернулся ночью. Малая луна осветила свое и склонилась к югу; а над Миром вставала Большая, желтая, как сыр, в ноздреватых разводах пятен.

Вернулся он не один, а в окружении дюжины диковатого вида степняков-подручных Миина Кана. Ни на кого не глядя, все соскочили с коней и направились к повозке вена. Даан заметил, что у Матураны руки схвачены за спиной жгутом из жил быка-сона. Как чужеземец умудрялся при этом скакать на коне и не падать — осталось загадкой. Лицо у него хранило печать безразличия, но Даан сразу понял — произошло нечто непредвиденное.

Буквально через несколько минут у повозки Поона возник запыхавшийся страж.

— Даан Геш, Су То и Тин Пи — немедленно к вену!
Монахи переглянулись, а начальник легкой стражи недоволюно нахмурился.

— С каких это пор моими людьми распоряжается вен? Его дело — вести караван.

Страж виновато развел руками.

— Что-то стряслось, не иначе, высший. Эти, — он недоволюно повел бровями в сторону центральных повозок, — в балахонах, оружием так и бряцают...

Поон не ответил, просто выскочил в темноту южной ночи вместе с троицей. Звезды тускло мерцали на угольном развороте неба, их свет скрадывался желтым сиянием Большой луны. Меж стоящих кольцом повозок шелестели, пожирая высохшую траву, костры, вокруг которых расселся караванный люд. Не слышалось обычных вечерних разговоров, все настороженно молчали. Сначала буря, потом пустынные, теперь еще кто-то...

Под тентом вена было светло и просторно; натянутые шкуры впитывали копоть горящих светильников. Вен с напряженным лицом сидел перед наспех собранным угощением. Рядом развалился на подушках один из пришлых. Остальные, разбившись на две группы, устроились поближе ко входу: Ман и несколько купцов из тех, что побогаче, да пяток степняков, недвусмысленно обнаживших мечи. Матура на коленях стоял перед венем.

— И ты нанял их, Ман! Этих пройдох! — выговаривал велшу первый караванщик. — Как ты мог!

— Их рекомендовал Басагурен, — холодно отозвался Ман.

— Наверное, письма были поддельные! — продолжал сокрушаться вен, косясь на предводителя степняков.

— Письма были настоящие. — Голос Мана остался ровным и бесстрастным. — И нам не в чем упрекнуть этих людей. Они честно выполняют свои обязанности и нареканий от Поона я не слышал.

Вен всплеснул руками, как показалось Даану — преувеличенно горестно.

— Из-за них у каравана трудности! Я вынужден буду требовать компенсации с Островной общины и поставлю в известность госпожу Дон Хи...

— Госпожу Дон Хи я поставлю в известность сам. А что до трудностей — мне неизвестны претензии клана Гута Фо к этим путникам. И мне нет до этого дела. Пусть забирают всех четверых, если хотят, но дополнительно платить Дон Хи за проход по этим землям не будет.

Вен с готовностью обернулся к предводителю степняков, слушавшему без единого звука, но, несомненно, с живейшим вниманием.

— Ну, уважаемый? Что скажет хозяин степей на это предложение?

Видимо, Орлы посулили степнякам денег за задержку каравана. И теперь Миин торговался, пытаясь понять: какой куш больше? Тот, что можно содрать с испуганных караванщиков, или же предлагаемый Орлами? Вен, конечно, рад был избавиться от трех охранников и проводника и не платить при этом ни гроша.

Предводитель пришлых не спешил. Пожевав губами для пущей важности, он гнусаво объявил:

— Хозяин подумает. Мы забираем эту четверку с собой. А вам не советую сниматься с места, а то, знаете ли, в степи всякое случается...

Он поднялся. Даан перехватил его взгляд, устремленный на сумку, висящую на боку Су То. У Даана похолодело внутри. Что он знал об Оке?

Монахов и Ихо крепко взяли за локти и вытолкнули из-под тента.

Су То тут же, не разбираясь, положил ближайшего степняка неуловимым «ударом грома», но когда у горла южанина оказался кривой, острый, словно зуб дарка, нож, осталось только замереть. Даан даже этого не успел: клинок уперся ему между лопаток. А из освещенного пузыря повозки на это смотрел удовлетворенный вен и бесстрастный горец-

велш. Когда монахов утихомирили, из повозки выпихнули и островитянина.

Потом была недолгая скачка через степь. Руки Даана, Су То, Ихо и Матураны привязали к стременам, и они вынуждены были изо всех сил нестись рядом с резвыми степными лошадами. В темноте недолго было сломать или вывихнуть ногу, но всадникам на это было глубоко наплевать.

К стоянке Миина Кана они прибыли совершенно измотанными. Су То судорожно сжимал сумку с Оком, готовый умереть за нее, но умереть ему не дали. Огрели по затылку дровком тулана и отобрали святыню. Даан смотрел на это чужими глазами. На что надеяться? На чудо?

Матурана отчужденно уставился в пустоту. Бородатый и толстый предводитель степняков, скаля неровные желтые зубы, принял сумку из рук одного из своих прихвостней и вынул Око Каома.

Даан даже дышать перестал. Миин взял Око голыми руками!

Дыхание вернулось, когда все степняки из своры Миина, сбившись в тесную толпу, стали передавать друг другу Око. Ненадолго, всего на несколько секунд. Они словно приносили какую-то клятву, хотя Даан не слышал ни единого слова. Но надежда тут же вернулась к нему: ведь касаться святыни могут только родившиеся весной в год Тигра-воина. Остальные люди умрут, прикоснувшись к ней. Не сразу, но неизбежно умрут. Степняки этого явно не знали. А значит, монахи, Ихо и чужеземец скоро останутся со связанными руками среди трупов. Если только степняки не убьют их раньше.

Даан обернулся к Матуране — едва заметная улыбка тронула уста островитянина. Он, конечно же, все понял.

Вершителей Обряда, связав попарно, оставили коротать ночь рядом с лошадьми. Запах пота и навоза впечатался в ноздри, но четверо измученных пленников скоро перестали его замечать.

Миин явно не собирался говорить с ними, по крайней мере до наступления утра. А до утра Око успеет раздавить здоровье нечестивцев мощью небес и тверди.

Засыпая, Даан разглядел на фоне заходящей луны странно знакомый силуэт. Пригнувшись, человек скользнул во тьму, растворился в густой ночи. Даан готов был поклясться: с этим человеком он встречался и притом недавно. Однако вспомнить его не мог, сколько ни напрягал память.

Тяжелый сон овладел им, как цунами прибрежной деревушкой.

Разбудил Даана луч солнца, что нагло ломился в глаза, не успевшие привыкнуть к свету. Был полдень. Пленников никто не удосужился разбудить. Некормленные лошади беспокойно топтались рядом. Даан пошевелился, потревожив Су То, к которому был привязан колючей просмоленной веревкой. Небось степняки отобрали ее у какого-нибудь торговца снастями, направлявшегося в один из южных портов... Су То тихо зашипел от боли. Волосы его слиплись от запекшейся крови, Даан видел это. Если скосить глаза, можно было разглядеть даже разбитое лицо южанина.

Досталось ему вчера...

— Попробуем встать? — спросил Даан. Су То молча кивнул, забывая, что обращен к товарищу боком и тот может и не увидеть. Но Даан увидел.

С третьей попытки им удалось кое-как подняться и даже, пошатываясь, некоторое время простоять. Но путы и затекшие от долгой неподвижности мышцы не позволили простоять долго — они упали на колючие стебли степной травы, припорошенной рыжим песком, следом недавней бури. Впрочем, того, что Даан успел заметить, было достаточно.

Трое степняков недвижимо валялись у походного шатра, и сразу было ясно, что они мертвы. Либо на шаг от смерти. Око опалило их дыханием божественных сил, а выдержать такое могли лишь избранные.

Рядом закрихтел Ихо; Матурана не издал ни звука, хотя Даан понял, что чужеземец давно не спит. Безучастно впе-

рившись в пустоту, он застыл, как каменный идол у ворот Храма. Даже выражение глаз такое же, словно глядит он внутрь себя, а не перед собой.

— Скоро Око убьет всех, — хрипло сказал Даан и закашлялся. — Кто нас тогда развяжет?

Матурана не ответил. Зато отозвался Су То:

— Попробуй ослабить веревки у меня на руках.

И легонько коснулся одеревеневших ладоней Даана пальцами. Даан попробовал. Получалось плохо, руки совсем не слушались.

«Проклятие! — подумал он. — Когда перемрут люди Миина, мы останемся одни посреди степи, совершенно беспомощные. Нас сожрут шакалы, если раньше не убьет жажда».

Без воды можно выдержать дня три. Это при том, что почти сутки как они не пили и жажда уже дает о себе знать. Вот-вот начнут докучать голод и солнце. Точнее, солнце уже начало: пекло немилосердно, и спрятаться от него шансов не было.

Негде. Разве что в шатер Миина, но там скоро такая вонь стоять будет, что лучше уж солнце...

Из шатра донесся болезненный стон. Колыхая кожаный занавес у входа, один из степняков силился выйти наружу. Ноги едва несли его; шатаясь, он выпутался из скрипящих складок, сделал несколько неверных шагов и рухнул лицом в землю. Жизнь уходила из него медленно и мучительно, но у осквернившего святыню быстро не осталось сил даже на то, чтобы стонать. Даан внутренне содрогнулся. Не приведи Каома к такой смерти!

К вечеру жажда стала нестерпимой. Попытки развязать или хотя бы ослабить путы ни к чему не привели — веревки стягивали запястья и лодыжки так же надежно, как и ночью. Ничего не вышло и из затеи доползти до шатра и поискать воду. Вдвоем Даан и Су То сумели лишь немного сдвинуться с места около лошадей, совершенно при этом обессилев. Солнце нещадно жгло непокрытые головы, вытягивало из пленников последнюю влагу.

Лишь когда оно склонилось к горизонту, стало полегче, хотя духота казалась нестерпимой. Бунтовало иссохшее горло, а губы вдруг стали чужими и бесчувственными. Даан где-то в глубине души поражался: совершенно не замечаешь роли воды, если удастся пить каждый день. Но стоит часов тридцать остаться без питья, и даже думать ни о чем другом не получается...

Несколько раз в шатре раздавались тихие стоны. Невозможно было определить — стонет это один человек, или же смерть настигает степняков по очереди, и стонут они перед последним шагом в этом мире — шагом за порог.

Удивительно, но степные лошадки покорно стояли у вбитого в землю кола, служившего коновязью, хотя нетрудно было понять, что жажда докучает и им. Пленники погружались в тяжелую, полную болезненного бреда ночь, с ужасом думая о завтрашнем дне, когда снова встанет солнце.

Во второй день они парами доползли до шатра, ободравшись до крови, но внутрь протиснуться так и не сумели. Ни Даан с Су То, ни Ихо с Матураной. Голод, потерзав их, отступил, зато жажда едва не сводила с ума. Стоны в шатре прекратились.

Последний из людей Миина, наверное, рожденный в год Тигра-воина, но не весной, и поэтому продержавшийся дольше всех, медленно уполз в степь. Сколько ни звал Ихо, чего ни сулил и чем ни угрожал — он остался безмолвен. Даже не посмотрел в сторону пленников.

Ночью Даану снова померещилась знакомая фигура. Наверное, начинался бред. Впрочем, посреди ночи Ихо тоже стал кого-то звать, но крики его умирали в темноте и ни намек на ответ не прозвучало. Но Даан теперь не знал, что и думать. В самом деле, не мог же привидеться знакомый незнакомец одновременно двоим? Впрочем, в их положении, пожалуй, мог и всем четверым.

Утром Даан очнулся от короткого прикосновения к лицу. С трудом разлепив веки, он увидел склонившегося над собой мужчину в пропыленной дорожной одежде. В руке при-

шелец держал плоский кувшин. Даан вперился в него взглядом — была ли внутри вода?

Мужчина вынул затычку из узкого носика и поднес кувшин ко рту Даана.

Никогда еще вода не казалась такой вкусной, хотя на самом деле она отдавала тиной и была слишком теплой. Хотелось пить еще и еще, но Даан подумал о спутниках и после нескольких добрых глотков с неохотой оторвался от живительного сосуда.

Незнакомец невозмутимо напоил всех четверых и лишь после этого перерезал веревки на запястьях пленников.

— Ман сказал, что караван вам незачем догонять. Удачи.

После этого он развернулся и неторопливо ушел в степь, ни разу не взглянув себе за спину.

Даан поднялся и на непослушных ногах побрел к шатру. Су То, разминая затекшие руки, шел рядом. Отбросив кожаный занавес, монахи вошли внутрь и сразу увидели Око: оно покоилось на ковре, перед мертвым Миином Каном. Тут же рядом валялась и сумка Су То; только сейчас Даан обратил внимание, что она изрядно обветшала и вытерлась. На швах торчали непослушные выбившиеся нити, обожженные на кончиках.

Глядя на Су То, вернувшего Око в сумку, а сумку — на плечо, невозможно было не улыбнуться, настолько южанин выглядел счастливым. Даже синяки и корка запекшейся крови во всклокоченных волосах казались чем-то несущественным и пустячным.

Потом они нашли мех с водой и напились до свинцовой тяжести в желудках. Хотелось пить еще, впрок, но больше в них скорее всего не влезло бы. Потом напоили оживившихся лошадей, Ихю даже насыпал им зерна из притороченных к седлам мешков.

Нашлась пища и людям: Даан принес несколько лент копченого мяса и головку козьего сыра. Они отошли подальше в сторону от стойбища степняков, чтобы дух смерти, витающий у шатра, не мешал.

К полудню вершители Обряда почувствовали себя настолько лучше, что решили немедленно трогаться в путь. Вскочив на неприкаянно топчущихся лошадей, они отправились на юг, по старой караванной тропе. Матурана снова вел монахов, а Ихю молча следовал за остальными. Что-то неуловимо изменилось в отношениях между ними. Во всяком случае Даан чувствовал, что стал другим после этих дней и ночей в сердце степи. И никогда не стать ему прежним — старательным монахом, знающим о мире за стенами обители лишь понаслышке.

Свободные лошади увязались следом и мерно топотали позади, а навстречу распахивалась необъятная степь, надевшая на этот раз приветливое лицо. Но четверо в седлах знали, как легко она меняет лица и теперь были готовы ко всему.

4

В который раз Той замер на мгновение перед дверью в покои Гута Фо. Глубоко вдохнул и вошел, словно окунулся в холодный горный поток.

Гут Фо резко обернулся и, будто не замечая помощника, провел быструю серию ударов, от простого «среднего когтя» до «дыхания Бога-Хти». Той невольно залюбовался: техника главы клана была совершенна, как тристишия Гая.

Завершив серию и очистив дыхание, Гут Фо открыл глаза и набросил халат на широкие плечи.

Той молча ждал, пока хозяин обратит на него внимание. А тот словно в размышления погрузился: застыл на полпути к креслу, с сомнением покачал головой. Потом все же сел и холодно воззрился на Тоя.

— Что же помешало тебе на этот раз, верный мой помощник?

Той еще раз прокрутил в голове загодя подготовленные фразы.

— Пока неясно, хозяин. От клана Поющих Песков караван отбилса собственными силами, и не скажу, что охрана

сильно при этом утруждала себя. Я не верил в эту затею с самого начала, если вы помните.

Гут кивнул: он действительно помнил.

— А что же пройдоха Миин? Ты достаточно заплатил ему?

— Конечно, хозяин. Заплачено ему сполна, и дошла весть, что Миин захватил святыню. Но от него никто не явился в условленное место — боюсь, стряслось нечто непредвиденное.

Гут проявил заинтересованность.

— Ты хочешь сказать, что он затеял собственную игру?

Той пожал плечами:

— Не исключено. Я навел справки — его люди не пришли за обычной данью сразу в несколько мест. Такого еще не случалось.

С тех самых пор, как Миин зарезал Черного Бада и занял его место.

Гут побарабанил пальцами по гнучому подлокотнику. Потом встал.

— Готовь своих людей, Той. Едем к Миину. Пора показать всем этим гордцам, кто на самом деле хозяин.

В дверь осторожно стукнул мальчик-слуга.

— Гонца к мастеру Тою! — сказал он ломающимся подростковым голосом.

Той вскочил, испрашивая разрешения идти, но Гут Фо коротко рубанул ладонью пахнувший благовониями воздух:

— Пусть идет сюда!

Тотчас слуга ввел гонца — пыльного юношу с печальными навывкате глазами горцев-станов. Юноша поклонился и, не дожидаясь команды, обратился к Тою:

— Миина Кана нашли. И его, и всех его подручных. В степи. Мертвых. Раковины с ними нет, лошадей тоже кто-то увел. По следу отправились люди Хти.

Гут Фо исподлобья взглянул на Тою.

— Едем! Немедленно!

Той поклонился и, жестом отсылая гонца, вышел вслед за ним в полутьму коридора.

Глава седьмая

1

Утан был теперь совсем близок. К завершению Обряда Су То оживился, Даан же чувствовал только пустоту в душе — он слишком устал. Впал в обычное молчаливое оцепенение Матурана, и только Ихо сохранил остатки любопытства и живо вертел головой, разглядывая прибрежные скалы. За ними тяжело ворочался океан, доселе невиданный монахами. Даан узрел его именно таким, каким описывали монастырские свитки — похожим на реку, но лишь с одним берегом. И еще Даан знал, что океанскую воду нельзя пить.

Четверка мохноногих лошадок неторопливым шагом продвигалась на запад вдоль берега. Берег был высокий; кое-где он круто обрывался в воду, кое-где громоздились причудливые скалы, вылизанные океаном, кое-где удалось бы, пожалуй, спуститься к волнам, прыгая с камня на камень. Где-то недалеко в таких же скалах пряталось Первое Место. Цель их похода.

Лошадки без седоков следовали чуть сзади. Иногда они отставали настолько, что совсем пропадали из виду, но всегда догоняли четверых всадников. Их не гнали — зачем? Пусть идут, если хотят. Вдруг что-нибудь случится с какой-нибудь из верховых, всегда можно будет пересесть на другую. Да и следы не четырех, а полутора десятков коней могли сбить с толку преследователей.

Правда, насчет этого не обольщался даже Даан, не говоря уж о Матуране: любой следопыт без труда отличит следы лошади с седоком от следов свободной.

Когда впереди показались щетинистые горбы поросших лесом холмов, Матурана натянул поводья. Холмы, смыкаясь в неровную цепь, опоясывали небольшую уютную долину.

— Дошли? — осторожно спросил Ихо.

Матурана проворчал:

— А разве мы уже там?

Ихо пожал плечами и вздохнул.

Матурана вновь тронул лошадку, а Даан, взглянув на пыльную землю, различил едва заметную тропу, что вела как раз к холмам.

Священное место пряталось за холмами, в крохотной долине.

Где-то в прибрежных скалах, изобиловавших гротами.

«Неужели Орлы потеряли наш след? — подумал Даан с надеждой. — Закончить бы все, сдать Око хранителям — и отоспаться. С чистой совестью, не вздрагивая ночью от каждого шороха...»

Но чутье подсказывало: так просто все не закончится. Орлы наверняка готовят финальный подвох, ведь это их последний шанс. Упустят — придется ждать двадцать четыре года.

И совершенно непоследовательно Даан подумал, что сейчас, в эти самые дни родились те, кому вершить следующий Обряд. Двое (или трое) младенцев, которым предстоит стать сначала монахами, потом — избранниками-до, победить на Турнире... А третий — скорее всего островитянин — будет постигать секреты странного искусства, зовущегося айдзу-то-домэ... Но сперва они — Даан, Су То, Матурана и Ихо (чего бы там ни говорил южанин, Ихо тоже помогает исполнять Обряд) должны донести Око до священного места в долине, чтобы Мир не рухнул, как домик из костяшек маджонга. И чтобы были эти двадцать четыре года, время, за которое сегодняшние младенцы успели бы повзрослеть.

Холмы ползли навстречу, словно огромные ленивые черепахи. Даан глянул налево — плоское полотно моря увеличивалось в размерах по мере того, как они поднимались. Холмы из степи казались низкими, но стоило глянуть на далекую полосу прибоя, как сразу чувствовался перепад высоты. Тот, кто вырос у отрогов Сао-Зу, умел чувствовать высоту.

Четверо всадников упрямо карабкались на морщинистый купол.

«Наверное, скоро нас перехватят хранители Места, — подумал Даан. — Не могут же они нас не встретить?»

Мысль неожиданно подбодрила — до сих пор как-то не приходило в голову, что у Первого Места вершителей Обряда станет больше, а значит, не так страшны будут недруги. Даан тут же поделился ею с Матураной; глаза Су То сузились еще сильнее, а Ихо откровенно обрадовался. Островитянин же вместо ответа молча протянул руку к северу. Даан ударил пятками в упругие теплые бока, заставляя лошадь развернуться.

Вереница черных точек ползла по степи к холмам, за которыми пряталась долина Утан. Хранителям не мешало бы поторопиться...

Они рванулись к вершине, несясь по едва намеченной тропинке.

Миг, и долина открылась им во всей красе — густо заросший зеленью островок свежести в сухих приморских степях; серые зубы скал, торчащие там и сям из зелени; и словно обрамление этой драгоценности — неровное кольцо пологих, сросшихся боками холмов.

Поток теплого солоноватого ветра захлестнул их на лысой макушке горы. Здесь Матурана вдруг придержал коня и крикнул:

— Стойте!

Монахи и Ихо послушно натянули поводья. Это уже стало привычкой — слушаться Матурану. Они сначала повиновались, а потом уж начинали соображать: зачем, собственно?

Два десятка всадников поднимались на холм по северному склону.

Островитянин неотрывно глядел на них.

— В чем дело? — сердито осведомился Су То. — Не лучше ли поспешить вниз? В долину?

— Там Место, — тихо сказал Матурана. — Нельзя выдать его.

— Но у нас Око, — возразил Даан. — Разве оно не важнее?

Островитянин побледнел. Покусывая губу, он нерешительно переводил взгляд с буйных зарослей в долине на приближающихся всадников. Впервые Даан видел растерянного Матурану.

«А почему я сразу решил, что эти всадники — враги нам?» — подумал Даан чуть погодя. Надежды на лучшее вдруг шевельнулись у него в груди, но это были пустые надежды: прошло совсем немного времени, и он разглядел, что всадники облачены в красные халаты Орлов.

— Нам некуда идти, — наконец подал голос Матурана. — Похоже, наступает главный час Обряда. Либо мы выстоим, либо...

Он недоговорил.

Даан рывком соскочил с невысокой степной лошадки. В нем проснулась решимость.

— Спешивайтесь! Спиной к спине! В конце концов нас не так-то легко взять, клянусь Всевышним!

Они прыгнули на вылизанную солеными ветрами землю. Спустя несколько минут всадники в красном окружили их. Предводитель Орлов мрачно поглядел на замеревшую в оборонительных стойках четверку, встряхнул длинной черной косой и обернулся к соседу справа:

— Это и есть те самые щенки, что водили тебя за нос целых два месяца, Той?

В голосе его слышался нескрываемый сарказм. Той лишь развел руками. Предводитель склонил голову.

— Что ж... Посмотрим, устоят ли они против тебя. Иди и возьми Око!

Даан почувствовал, как вздрогнул собрат-южанин при этих словах. Орлы все знали о Святыне двух монастырей!

Четверка вершителей Обряда теснее сдвинула спины. Будь что будет, но взять их будет очень непросто!

Той неторопливо приблизился; критически оглядел всех четверых.

Потом медленно указал пальцем на Ихо со словами:

— Сначала ты, змееныш!

Но Ихо лишь оскалился в ответ:

— Подходи сам, курица щипаная! Или боишься?

Той усмехнулся. Он явно был не из тех, кто заводится от оскорблений. Хитрость не удалась, что ж, поищем иные пути, — ясно читалось на его лице. Спешить ему вроде некуда...

Надтреснутый старческий голос прозвучал словно гром среди безоблачного неба:

— Эй, почтенный! погоди. В чем виноваты эти юноши? Может, я смогу помочь, если они не могут?

Той, не поворачивая головы, замер.

— Это еще кто?

Похоже, Той ждал реакции главаря, но тот, сложив руки на груди, с интересом воззрился на происходящее. Даан скопил взгляд, пытаясь увидеть обладателя надтреснутого голоса. И увидел знакомого старика — Учителя Матураны. Того самого, что уже помог им однажды на южном тракте. Ветер шевелил его немислимые одежды. Даан повеселел: старик стоил десятка Орлов!

Предводителю красных халатов что-то шепнули на ухо. Наверное, об этом самом старике.

— Ты — Урдинаран? — спросил хозяин Орлов жестко.

Старик-островитянин кивнул.

— А ты не иначе Гут Фо, глава клана Орла. Я не ошибся?

Гут Фо гордо вскинул голову:

— Не ошибся, чужеземец. Думаю, лучше тебе убраться восвояси. На свой любимый Архипелаг, например. Как тебе такая мысль?

Старик со вздохом развел руками.

— Не могу же я бросить своего ученика в беде! Сам посуди...

Гут Фо мгновение поразмыслил.

— Каома с ним! Забирай своего ученика и катись. Чужеземцев не тронем, хотя должен заметить, что твой воспитанник доставил моим людям немало головной боли!

Урдинаран улыбнулся и морщинки сеткой разбежались вокруг его глаз.

— Плохо ты знаешь моих воспитанников, Гут! Он не уйдет, я уверен...

— Тогда воззови ко Всевышнему! — прервал его Гут Фо, давая знак Тою. Той плавно перетек в боевую стойку.

Но тут вдруг мешком повалился на землю один из Орлов в кольце, и к Урдинарану молча направился почтенного возраста бодхаец в выцветшем фын-байском широкополом халате. По дороге его пытался схватить за одежду один из Орлов помоложе, но старик ссутулился еще сильнее, руки его на миг превратились в пару гибких змей, и Орел отпрянул, словно перед ним и впрямь возникла ядовитая тварь. Старик замер рядом с Урдинараном.

— Учитель! — воскликнул Ихо ликующе и тут же осекся. Ведь вокруг Орлы! Враждебный клан...

— Великий Каома! — изумился Гут Фо. — Сегодня положительно удачный день. Змея приползла защитить змееныша. Что ж, не придется тебя искать по всей Империи. Спасибо, что пришел.

Гут Фо оглянулся на присмиривших в кольце подручных.

— А вы что вылупились, бездельники? Два человека приблизились к нам неизвестно откуда, а вы даже не шевельнулись!

Свирепо скрипнув зубами, Гут Фо вновь перенес внимание на стариков, островитянина и Змею. Похоже, со Змеей он собирался сразиться сам.

— Ай-ай-ай, — укоризненно протянул кто-то из-за спин притихших Орлов, что, оглядевшись, вновь принялись наблюдать за происходящим. — Что творится под двумя лунами! Молодые здоровые люди угрожают почтенным старцам! И даже собираются на них напасть! Ну-ка, поглядим, может, трех старцев вам одолеть будет сложнее.

Даан скосил глаза на голос. И увидел не кого иного, как седовласого Сатэ, человека-загадку. Улыбка шире растянула

лицо молодого монаха. Сатэ! Он владеет ши-тао не хуже Высших!

А за спиной Сатэ чернели балахоны студентов. И что-то подсказывало Даану: никакие это не студенты. Кто? Он пока не знал.

Повинуясь едва уловимому знаку Гута, десяток Орлов метнулся к Сатэ и его спутникам. Однако старик прошел сквозь шеренгу атакующих играючи, словно раскаленный нож сквозь масло, и встал рядом с Урдинараном и Учителем Ихо. «Студенты» же ловко отбили быструю атаку Орлов и быстро разорвали неровное кольцо, что окружало по-прежнему жмущуюся спина к спине четверку.

— Ну и ну! — протянул Су То и дернулся было на помощь черным балахонам, но его остановил Сатэ.

— Куда? Может, пора подумать о завершении Обряда?

Су То замер, сжав сумку с Оком. Даан встрепенулся, с опаской покосившись на Гута Фо, Тоя и остальных Орлов-главарей.

Неужели вот так и позволят уйти?

— У водопада вас ждут Хранители Первого Места, — сказал Сатэ жестко и властно. — Ступайте!

Одновременно с яростным кличем атакующего Орла Даан, локоть к локтю с Су То, рванулся в долину. Он успел заметить, что на пути Гута Фо и Тоя возникли Урдинаран, старик-Змея, Ихо, Матурана, еще кто-то, а потом в ушах засвистел ветер, а ноги без устали понесли их с южанином вниз, навстречу плотной зелени и шороху водопада. Мысли мелькали, как деревца вдоль тропы.

Конечно, Обряд слишком важное дело, чтобы поручать его лишь двоим неопытным монахам. Или, как в этот раз, четверым — двум монахам, островитянину и бродяге из сильно поредевшего клана Змеи. Конечно, их сопровождали невидимые помощники, не показываясь на глаза и, похоже, стараясь выручать лишь в последний момент, если вспомнить дни в жаркой степи и неутолимую жажду... И Даан даже догадывался, кто именно сопровождал их: перед самым уходом с

вершины холма он узнал одного из «студентов». Это был Юл Ю, давний приятель, бок о бок с которым он шагал в монастыре по тропе Постижения.

Двое, сжимая в руках потертую походную сумку, мчались к древней тайне бодхайских монастырей — одному из двенадцати мест, способных сдержать мощь того, кто Выше.

2

Хранитель был стар, как Сатэ, или Бин, или Тао. Или Учителя Ихо и Матураны. Из-под низко надвинутого капюшона смотрели многомудрые глаза, какие бывают только стариков, до конца дней сохранивших острый ум и ясную память. Он стоял на влажных камнях, а рядом с высоты валялись сверкающие струи, заставляя оживать зыбкую горбатую радугу.

Даан и Су То, перейдя на шаг, приблизились.

— Да будет благословенно имя Каома! — неожиданно густым басом произнес старик и поднес правую ладонь к груди.

— Навеки будет! — хором отозвались монахи, кланяясь. Су То осторожно запустил руки в сумку и извлек Око на свет дня.

Похожая на морскую раковину святыня уже ощутила мощь свежего Места, Даан давно почувствовал себя легче. Повинуясь древнему ритуалу, оба монаха сплели руки, по-прежнему держа Око перед собой. А потом и хранитель коснулся ладонями святыни, позволяя тому, кто Выше, узнать себя.

Око вдруг налилось красным и будто бы потяжелело. Даан поборол жгучее желание отдернуть руки. Но ладони сами собой доверили тяжесть святыни хранителю и оторвались от Ока. Вместе с ладонями Су То. Теперь Око держал хранитель Первого Места.

Один из участников Турнира, в котором победили Бин и Тао-южанин сорок восемь лет назад. Один из неудачников,

проигравший второй свой поединок Сатэ, который, в свою очередь, не сумел в третьем одолеть Тао...

Даан вдруг ясно понял: всего избранников-до четырнадцать. С самого начала. Двое — победители — переносят Око в новое Место. А остальные становятся хранителями. Сатэ — хранитель. И Юлу Ю предстоит стать хранителем. Но прежде они ведут победителей через всю страну, от Места к Месту. Скрытно, чтобы те не заподозрили опеку и каждую опасность, каждую преграду преодолевали, полагаясь лишь на собственные силы. Наверное, чаще всего будущим хранителям так и не приходилось вмешиваться; двое же избранников так и оставались в полной уверенности, что исполнили Обряд без чьей-либо помощи. А правду узнавали только со временем.

Интересно, понял ли это Су То?

Низкий тягучий голос стек откуда-то сверху, и на миг на небе бледными монетками стали видны обе луны.

— Х-х-х-а-а-о-о-м-м-м-мммм...

Тот, кто Выше, благодарил за исполненный Обряд.

Хранитель с Оком в руках величаво развернулся и шагнул прямо в водопад, враз промокнув до нитки. Даан и Су То тотчас двинулись следом.

Вода была холодна до сбившегося дыхания, но никто не издал ни звука. По ту сторону искрящихся струй в мокром камне чернела узкая щель. Рядом стояли двое: крепыш-мужчина лет пятидесяти и Сань Но в черном студенческом балахоне; правые ладони их застыли перед грудью. Даан встретился взглядом с Сань Но — тот был суров и серьезен, но как бы глубоко он ни прятал радость, она все равно находила выход наружу.

«Новый хранитель, — понял Даан. — Остальные наверху, утихомиривают Орлов, а он, конечно, призван Обрядом...»

Старик торжественно передал Око крепышу; тот, подержав его в руках, вручил Сань Но.

— Х-х-х-а-а-о-о-м-м-м-мммм...

Водопад глушил звуки, но голос того, кто Выше, проникал всюду.

Не замечая текущих по лицу и одежде шустрых струек ледяной воды, Даан внимал действию. Его роль завершилась, теперь он стал просто наблюдателем. Как и Су То.

Сань Но тем временем поднял Око над головой и ступил в черноту хода. Неверный красноватый свет тотчас полился у него из-под ладоней, обволок студенческий балахон и замерцал в полумраке небольшого грота. Сань Но уходил в глубину, к плоскому, похожему на языческий алтарь, куску какого-то самоцвета.

Сияние Ока дробилось на отдельные искорки, отражаясь от алтаря.

Оба старых хранителя вошли в грот следом за Сань Но, потом настала очередь монахов. На камнях оставались темные потеки от мокрой одежды.

Сань Но бережно, словно драгоценную вазу, опустил Око на алтарь; тотчас вокруг святыни вспыхнул белый светящийся круг.

— Х-х-х-а-а-о-о-м-м-м-мммм...

Красноватое сияние блекло. Око Каома снова стало недоступным: даже хранители не смогут его тронуть целых двадцать четыре года. До весны ближайшего года Тигра-воина. Точнее, тронуть-то смогут, а вот выжить после этого — нет. Око обратит в пепел любого, кто дерзнет нарушить его покой.

— Мы исполнили Обряд... — громко сказал старейший из хранителей Места. — Воздадим же хвалу тому, кто Выше, за то, что не покидал нас в эти нелегкие дни...

И опустился на колени перед Оком Каома. Остальные опустились секундой позже. Включая монахов-избранников. Точнее, теперь уже избранников в прошлом.

Когда Даан и Су То вновь вышли в безумие весеннего дня, перенеся новое купание под ледяным потоком, их ждали Бин и Тао. Первые-в-храме. Они сидели на тонких по-

ходных циновках, пили крепкий гиданский чай из расписанных дарками пиал и неспешно беседовали.

Даан оробел. Сразу вспомнились все те глупости, что успели натворить они с Су То во время исполнения Обряда. Если бы не Матурана... Сцепив зубы, Даан заставил себя подойти и поклониться, не забывая воздать хвалу имени Каома. Рядом тенью скользил Су То. Даже непривычно было видеть его с пустой сумкой на боку.

Верховные прервали беседу, едва молодые монахи приблизились на несколько шагов и склонились в почтительном приветствии. К удивлению Даана, Бин и Тао встали, опустив пиалы с недопитым чаем на циновку, и столь же почтительно поклонились в ответ.

Им, едва продвинувшимся в пятом круге! Даан даже растерялся.

Выпрямившись, Бин, Первый-в-храме Севера, заговорил. Длинная седая его борода заколыхалась в такт речи:

— Поздравляю вас, избранники! Вы сумели завершить то, ради чего стоят под Солнцем и двумя лунами наши монастыри. Не скажу, что вы всегда поступали наиболее разумно, но никто из вас не трусил и всеми силами приближал эту минуту, когда можно спокойно вздохнуть и воздать хвалу тому, кто Выше. Мы, Верховные, благодарим вас за это, как благодарит весь Мир.

И Верховные снова поклонились. А Су То легонько съездил Даана по боку, намекая, что нужно ответить подобающими моменту словами.

— Мы старались, Высшие... — чужим голосом выдавил Даан. — И рады, что не обманули ваших ожиданий. По правде говоря, нам очень сильно помог чужеземец островитянин и юноша из клана Змеи. Наверное, стоит поблагодарить и их...

Су То, конечно же, упрямо насупился, а Бин согласно кивнул:

— Им воздадут должное, не беспокойтесь. А сейчас, — Верховный взглянул на вершину холма, — поспешим, нас ждут.

Бин, Тао, а затем и Даан с Су То поклонились Первому Месту, принявшему бремя божественных сил, хранителям, и зашагали вверх по тропинке.

И впервые за много дней Даан почувствовал облегчение. Потому что постоянно быть в ответе за благополучие Мира под силу лишь богам. Люди же нуждаются в отдыхе, потому что даже самый сильный рано или поздно устанет.

3

Даан так и не понял, что же произошло с Орлами. Когда Верховные поднялись на вершину, там остались только Матурана и Ихо со своими Учителями, Сатэ, одиннадцать новоиспеченных хранителей в черных студенческих одеждах и несколько хранителей постарше. Даана и Су То все встретили ритуальным поклоном. Ни тел Орлов, ни их лошадей Даан так и не увидел. Но сомневался, что их отпустили: слишком близко подобралась они к древней тайне и слишком темны были их намерения. Видимо, дальнейшее было уже давно обговорено: маленьких степных лошадок избавили от скудных припасов и отпустили в безбрежье степи. Только Ихо и его сутулый Учитель оставили себе пару, потому что направлялись в Сай Хэ, что недалеко от Токина. Ведь там ждал дружественный клан — клан Южной Кобры. Их поблагодарили за верность Всевышнему, напомнили, что в любом из монастырей Змею всегда ждет кров и стол, и пожелали легкой дороги. Даан простился с Ихо с искренним сожалением, потому что успел привыкнуть к его молчаливой поддержке и умеющей терпеть натуре. Даже Су То, нетерпимый к чужакам, сдержанно похлопал его по плечу. Двое — Учитель и ученик — скользнули в седла и направили лошадей на закат.

Матурана и старик-островитянин уходили на восточное побережье.

Может быть, там они намеревались сесть на корабль и отбыть на Архипелаг, а может, и нет. Идущий-по-следу ни-

когда не раскрывает своих планов, об этом Даан давно уже догадался.

Матуране он пожал руку.

— Прощай, Матурана. Я не знаю, кто ты и что тобой двигало... но если бы не ты — не уверен, что мы дошли бы.

— Дошли бы, — проворчал Су То. И добавил: — Я тоже прощаюсь, чужеземец. Готов признать, что ты изо всех сил вел нас к сегодняшнему дню, но это не значит, что я стал лучше к тебе относиться. Тем не менее я желаю тебе удачи. Надеюсь, что мы больше никогда не встретимся...

— Встретимся, — возразил Матурана. — Ведь ты когда-нибудь станешь Первым-в-храме Юга. А пути еще не раз приведут меня в обитель монахов. Может, ты станешь к тому времени не таким упрямым.

Рук они друг другу не подали, ограничились легкими кивками.

Даан повернулся к Урдинарану.

— Удачи и вам, почтенный! Дважды вы нам помогли. И мне очень понравилось ваше искусство... хоть Матурана и тщательно скрывал его.

— Тебе еще предоставится шанс с ним познакомиться, — проскрипел островитянин. У него снова возник сильный акцент, который куда-то пропадал во время репираний с Орлами.

Чужеземцы стали спускаться по восточному склону холма.

Ну а монахов звали хребты Сао-Зу. Даже южан — того требовал обычай. Удачное исполнение Обряда всегда завершалось шумным праздником в одном из монастырей. В этот раз праздновать предстояло в Северном. Вереница путников потянулась в степь, и никто посторонний не понял бы, что среди них оба Верховных Настоятеля. Они увидели бы только нескольких старцев в окружении мужчин помоложе.

Даан вспомнил слова Матураны: «Тебе ведь предстоит стать Первым-в-храме»... Он сказал это Су То, а значит, это касалось и Даана. Сначала, конечно, Верховным станет Рат

Шу, сорокавосемилетний монах двенадцатого круга, тот, что исполнил Обряд в прошлый раз. Даану же предстоит еще много лет постижения. Но смотреть на него все равно теперь станут как на Следующего-за-Первым.

«Интересно, это трудно — быть Верховным Настоятелем?» — подумал он. И тут же понял, что очень скоро придется взвалить на плечи ношу потяжелее той, от которой счастливо избавился сегодня. Ношу, которая — воистину! — под силу лишь богам.

И он новыми глазами поглядел на Бина и Тао. Потому что никогда раньше не задумывался: каково было им последние два месяца?

— На Сао-Зу шапки таять начали, — улыбнулся задумавшемуся другу Юл Ю. Оказывается, он шагал рядом, шурша студенческим одеянием. — Лето.

И Даан улыбнулся в ответ, вспоминая привычные снега горных пиков и свежий воздух высот. Вспоминая здесь, в знойных южных степях. Шагая в туманное завтра и навстречу встающей Малой луне. И еще понял, что никогда уже не вернется былая безмятежность.

А Каома по-прежнему глядел в Мир единственным Оком.

Опускался вечер. Первый спокойный вечер вне стен родного монастыря.

4

Ман отнял ото лба ладонь, которой заслонялся от солнца.

— Разошлись, — зачем-то сказал Поон. — И что дальше?

Горец невозмутимо поправил уздечку.

— Едем.

— За кем?

— За островитянами. Мне ведь нужен проводник, а не монах, верно?

Поон вздохнул.

— Они и вправду бойцы не чета моим... Кто же знал, что они монахи?

Ман фыркнул и вскочил в седло.

Начальник охраны медлил.

— Все равно не пойму — что они здесь делали? Так далеко от монастырей? И при чем здесь чужеземцы?

Горец-велш снисходительно поглядел на Поона.

— Хочешь совет, Поон? Забудь обо всем, что видел. И никогда никому не рассказывай. Чтобы не разделить судьбу... Ну, ты понял, да?

Поон поежился.

— Легко сказать, забудь...

Он прыжком оседлал своего коня и натянул поводья.

— И-и-э-ххх! Ладно, поехали за твоим драгоценным проводником...

Ман не ответил. Он думал, как быстро Матурана засечет их у себя на хвосте. Вряд ли позже темноты — в этом он был уверен.

Холмы снова обезлюдели. Вероятно, надолго. Еле слышимый стук копыт быстро затих на востоке. Мир же обрел равновесие еще на четверть века. Небольшой срок, не правда ли?

1991—1996

Территория бывшего СССР

Содержание

Скромный Гений Подземки	5
Рок на дороге	37
Джентльмены непрухи	94
«Омега-12»	119
Дом знакомый, дом незнакомый	126
Исповедь заведомого смертника	134
Год жизни	137
Душа чащобы	176
Око Всевышнего	183

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА АСТ
КАЖДАЯ ПЯТАЯ КНИГА РОССИИ

ПРИБОРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ **Буква**

МОСКВА:

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, 21, стр. 1, т. 232-19-05
- м. «Алексеевская», пр. Мира, 176, стр. 2 (Му-Му), т. 687-45-86
- м. «Бибирево», ул. Пришвина, 22, ТЦ «Александр Ленд», этаж 0.
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, 18а, т. 110-89-55
- м. «ВДНХ», проспект Мира, владение 117
- м. «Домодедовская», ТК «Твой Дом», 23-й км МКАД, т. 727-16-15
- м. «Крылатское», Осенний б-р, 18, корп. 1, т. 413-24-34, доб. 31
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., 132, т. 172-18-97
- м. «Медведково», ХЛ ТЦ Мытиши, Мытиши,
ул. Коммунистическая, 1
- м. «Новослободская», 26, т. 973-38-02
- м. «Новые Черемушки», ТК «Черемушки», ул. Профсоюзная, 56,
4-й этаж, пав. 4а-09, т. 739-63-52
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, 14, т. 959-20-95
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, 17, стр. 1, т. 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, 52/2, т. 306-18-91
- м. «Петровско-Разумовская», ТК «ХЛ», Дмитровское ш., 89,
т. 783-97-08
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр., 76, корп. 1,
3-й этаж, т. 781-40-76
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, 14/1, т. 268-14-55
- м. «Сходненская», Химкинский б-р, 16/1, т. 497-32-49
- м. «Таганская», Б. Факельный пер., 3, стр. 2, т. 911-21-07
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., 15, корп. 1, т. 977-74-44
- м. «Царицыно», ул. Луганская, 7, корп. 1, т. 322-28-22
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, 10/12, стр. 1
- м. «Преображенская площадь», Большая Черкизовская, 2, корп. 1,
т. 161-43-11

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
107140, Москва, а/я 140, тел. (095) 744-29-17

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Приобретайте в Интернете на сайте www.ozon.ru
Издательская группа АСТ
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Книги АСТ на территории Европейского союза у нашего
представителя: «Express Kurier GmbH» Tel. 00499233-4000

Справки по телефону:
(095) 215-01-01, факс 215-51-10
E-mail: astpab@aha.ru <http://www.ast.ru>

МЫ ИЗДАЕМ АСТ ОЯШИЕ КНИГИ

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Васильев Владимир Николаевич
Джентльмены непрухи

Сборник

Художественный редактор О.Н. Адаскина
Компьютерная верстка: С.Б. Клещёв
Технический редактор О.В. Панкрашина
Младший редактор Е.А. Лазарева

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.001056.03.05 от 10.03.05 г.

ООО «Издательство АСТ»

667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 93

Наши электронные адреса:

WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ООО «АСТ МОСКВА»

129085, г. Москва, Звездный б-р, д. 21, стр. 1

ООО «Транзиткнига»

143900, Московская область,

г. Балашиха, шоссе Энгузиастов, д. 7/1

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Книжная фабрика № 1»,

144003, г. Электросталь, Московская область, ул. Тевосяна, д. 25

ISBN 5-17-031393-4

9 785170 313938

НОВЫЙ сборник **ПРИЗАННОГО МАСТЕРА**
отечественной фантастики!

ДЕСЯТЬ рассказов, каждый из которых
представляет собой образец **ОДНОГО ИЗ**
ЖАНРОВ современной фантастики!

От космической оперы — до городской
сказки!

От «жесткой» научной фантастики — до
иронической!

От классической фэнтези «меча и магии» —
до технофэнтези!

Разные жанры. Разные сюжеты. Разные
стили.

Неизменно одно — **ЯРКИЙ ТАЛАНТ** Влади-
мира Васильева!

Л А Б И Р И Н Т

З В Е З Д Н Ы Й